

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 77
№ 2 2024

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Действующая нормативная
модель происхождения
ребенка в контексте
биомедицинских достижений

Онтологические аспекты
понимания общественной
опасности как признака
преступления

Понятие и виды принципов
государственной
правозащитной деятельности

Понятие общего имущества
на современном этапе

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 77
№ 2 (207)
февраль 2024

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 77
№ 2 (207)
февраль 2024

В журнале публикуются статьи
по научным специальностям
группы 5.1 «Право»
(юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ
Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог
«Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 04.03.2024
Объем 17,55 усл. печ. л. (14,10 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается
только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ
для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Published
in 1948

LEX RUSSICA

Scientific Journal of Law

Vol. 77
№ 2 (207)
February 2024

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.

Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 77
№ 2 (207)
February 2024

The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media
Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

04.03.2024
Volume: 17,55 conventional printer's sheets (14,10 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

Лаптев В. А. Понятие общего имущества на современном этапе	9
Комиссарова Е. Г. Действующая нормативная модель происхождения ребенка в контексте биомедицинских достижений	22
Батусова Е. С. О необходимости гармонизации законодательства о труде фармацевтических работников государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС)	38
Сагандыков М. С. Свобода труда в контексте конституционализации социально-трудовых отношений: история и современное состояние	49

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

Хилjuta В. В. Онтологические аспекты понимания общественной опасности как признака преступления	60

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

Лисина Н. Л., Ушакова А. П. Как обеспечить согласованность документов территориального планирования: лучшие практики российских городских агломераций	70
Чечельницкий И. В. Понятие и виды принципов государственной правозащитной деятельности	83
Агамагомедова С. А. Предмет науки административного права: современная оценка	97
Лещина Э. Л. Административное судопроизводство как вид административно-процессуальной деятельности	108

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / COMPARATIVE STUDIES

Шавалеев М. В. Внедрение электронного коносамента: международный опыт. Часть I	123

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / CYBERSPACE

Киселев А. С. Проблемы и перспективы правового регулирования общественных отношений, связанных с применением нейросетей	140

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Laptev V. A.** The Concept of Common Property at the Present Stage 9
- Komissarova E. G.** The Current Normative Model of the Child's Origin
in the context of Biomedical Achievements 22
- Batusova E. S.** The Need to Harmonize the Labor Legislation
of Pharmaceutical Workers of the Member States of the Eurasian Economic Union (EAEU) 38
- Sagandykov M. S.** Freedom of Labor in the context of Constitutionalization
of Social and Labor Relations: History and Current State 49

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

- Hilyuta V. V.** Ontological Aspects of Understanding Public Danger as an Element of a Crime 60

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Lisina N. L., Ushakova A. P.** How to Ensure Consistency
of Territorial Planning Documents: Best Practices of Russian Urban Agglomerations 70
- Chechelitsky I. V.** The Concept and Types of Principles of State Human Rights Activities 83
- Agamagomedova S. A.** The Subject of the Science of Administrative Law: Modern Assessment 97
- Leshchina E. L.** Administrative Legal Proceedings as a Type of Administrative Procedural Activity 108

COMPARATIVE LEGAL STUDIES / COMPARATIVE STUDIES

- Shavaleev M. V.** Implementation of the Electronic Bill of Lading: International Experience 123

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Kiselev A. S.** Problems and Prospects of Legal Regulation
of Public Relations connected with the Use of Neural Networks 140

В. А. Лаптев

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Институт государства и права РАН
Арбитражный суд города Москвы
г. Москва, Российская Федерация

Понятие общего имущества на современном этапе

Резюме. Общее имущество как правовая категория российского права играет важную роль в вещных отношениях с участием множества лиц — собственников (гражданско-правового сообщества). В статье исследуются положения российского гражданского законодательства об общем имуществе, в частности собственников недвижимых вещей, принятые в целях реализации Концепции развития гражданского законодательства 2009 года. Кроме того, затрагиваются вопросы общего имущества членов инвестиционного товарищества, крестьянского (фермерского) хозяйства и иных корпоративных объединений. Анализируется понятие «общее имущество» на современном этапе, выделяются характеризующие его признаки. Отдельное внимание уделяется вопросу смешанной природы права собственности на общее имущество. Раскрываются правомочия собственников в отношении общего имущества, включающие в себя имущественные, управленческие и информационные права. Доказывается усеченная возможность реализации классической триады правомочий собственника (владения, пользования и распоряжения) применительно к рассматриваемому имуществу. Исследуются порядок реализации правомочий собственника общего имущества, распоряжения объектами из состава общего имущества (включая их передачу и отчуждение третьим лицам), а также последствия нарушения прав и законных интересов лиц, возникающие в результате заключения сделок с общим имуществом. В заключение формулируется авторское понятие общего имущества через его принадлежность к гражданско-правовому сообществу — коллективному собственнику. Предлагаются подходы к правовой оценке содержания правомочия собственника, возможные сферы применения рассматриваемой категории и функциональной пригодности общего имущества.

Ключевые слова: имущество; объекты гражданских прав; общее имущество; общая собственность; имущество общего пользования; понятие общего имущества; корпоративное имущество; гражданско-правовое сообщество; сделки с общим имуществом

Для цитирования: Лаптев В. А. Понятие общего имущества на современном этапе. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 2. С. 9–21. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.009-021

The Concept of Common Property at the Present Stage

Vasiliy A. Laptev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow City Arbitrazh Court, Moscow, Russian Federation

Abstract. Common property as a legal category of Russian law plays an important role in property relations with the participation of many persons — owners (civil law community). The paper examines the provisions of the Russian civil legislation concerning common property, in particular the owners of immovable property, adopted in order to implement the Concept of Development of Civil Legislation in 2009. In addition, the author

dwells on the issues of common property of members of an investment partnership, peasant (farmer) unions and other corporate associations. The paper analyzes the concept of «common property» at the present stage and defines its characteristic features. Special attention is paid to the issue of the mixed nature of ownership of common property. The author explains the rights of owners in relation to common property, including property, managerial and information rights. The author substantiates a truncated possibility of implementing the classical triad of the rights of the owner (possession, use and disposal) in relation to the property in question. The paper examines the procedure for exercising the powers of the owner of common property, disposing of objects from the common property (including their transfer and alienation to third parties), as well as the consequences of violating the rights and legitimate interests of persons arising from transactions with common property. In conclusion, the author's concept of common property is defined by referring it to the civil law community — the collective owner. The paper proposes approaches to the legal assessment of the content of the owner's competence, possible areas of application of the category under consideration and the functional suitability of common property.

Keywords: property; objects of civil rights; common property; common property; common property; the concept of common property; corporate property; civil law community; transactions with common property

Cite as: Laptev VA. The Concept of Common Property at the Present Stage. *Lex russica*. 2024;77(2):9-21. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.009-021

Введение

В ходе реализации Концепции развития гражданского законодательства 2009 года летом 2023 г. был принят Федеральный закон от 24.07.2023 № 351-ФЗ¹, которым Гражданский кодекс РФ был дополнен рядом норм об общей собственности, включая общее имущество. В пояснительной записке к законопроекту № 47538-6² обосновывались планы внести в ГК РФ положения, регулирующие вопросы использования общего имущества — здания, в котором отдельные помещения принадлежат разным лицам. Следствием данных поправок стало принятие норм права, посвященных общему имуществу собственников недвижимых вещей (включая помещения и (или) машино-места в здании или сооружении).

В гражданском законодательстве отдельно закреплены положения об общей собственности (§ 1 гл. 16 ГК РФ), разделены категории «имущество на праве общей собственности» и «общее имущество», допускается возможность по соглашению изменять размер доли в общей собственности в зависимости от вклада каждого участника в общее имущество. Закреплено также право на увеличение своей доли в общей собственности при совершении неотделимых улучшений в общее имущество или отдельных

улучшений в силу условий соглашения участников долевой собственности и т.д. В соответствующих положениях раскрывается юридическая судьба общего имущества при разделе общей собственности или обращении взыскания на долю в общем имуществе.

В § 2 гл. 16 ГК РФ регламентируется правовой режим общего имущества собственников недвижимых вещей, то есть в тех случаях, когда речь идет только об общем имуществе, образованном в привязке к недвижимости. Приводится понятие общего имущества собственников недвижимых вещей, а также раскрываются правомочия собственника в отношении данного имущества.

Иные сферы общественных отношений, в которых также образуется общее имущество, регламентируются отдельными законами, в частности, общее имущество товарищей инвестиционного товарищества — Федеральным законом от 28.11.2011 № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе»³, общее имущество членов крестьянского (фермерского) хозяйства — Федеральным законом от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»⁴.

Не погружаясь в научную дискуссию о категориях «собственность» и «право собственности», которые тщательно исследованы в отечествен-

¹ Федеральный закон от 24.07.2023 № 351-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5777.

² URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6> (дата обращения: 10.11.2023).

³ СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7013.

⁴ СЗ РФ. 2003. № 24. Ст. 2249.

ном правоведении⁵, можно отметить, что в правоведении собственность обычно раскрывалась через триаду правомочий собственника — владение, пользование и распоряжение, при этом доказывалось, что собственность, будучи экономико-правовой категорией, представляет собой экономическое отношение⁶. Собственность исследовалась и как категория присвоения — процесс труда, процесс обмена веществ между человеком и природой; присвоение как совокупность всех общественно-производственных отношений и, наконец, присвоение как отношение индивида или коллектива к средствам и продуктам производства как к своим⁷. Указанными подходами доказано экономико-правовое содержание понятия собственности.

При регламентации правового режима общего имущества в ряде случаев видится небеспочвенным отказ законодателя от использования понятия «собственность», прежде всего обозначающего вещный титул с соответствующим набором правомочий в отношении конкретной вещи. Такое положение дел обусловлено и тем, что категория «собственность» всегда подчеркивает принадлежность к конкретным субъектам права. Однако при обозначении объектов гражданских прав, к которым относится и общее имущество (ст. 128 ГК РФ), видится более подходящим термин «имущество». Так, наименование § 2 гл. 16 ГК РФ — «Общее имущество собственников недвижимых вещей» — фактически раскрывает его применение как объекта гражданского оборота (ст. 128 и 130 ГК РФ), но через титул права общей собственности в отношении основной вещи (вещей), вокруг которого

и образуется общее имущество. В известной степени титул права собственности (частной, государственной и иных форм собственности) предопределяется характеристиками его правообладателя — субъекта права (физического лица, индивидуального предпринимателя, юридического лица, публично-правового образования и др.), реализующего в установленном законом порядке свои правомочия в отношении имущества.

Большинство рассматриваемых в настоящей работе норм посвящены общему имуществу собственников недвижимых вещей, основу которого составляют земельные участки, иные объекты недвижимости (здания, сооружения и др.) и иные связанные с ними вещи. Вместе с тем общее имущество образуется и в иных случаях, в том числе в отношении движимых вещей, о чем будет указано далее.

1. Понятие общего имущества

Общее имущество встречается во многих сферах общественных отношений, поскольку может рассматриваться в различных значениях:

- общее имущество собственников недвижимых вещей;
- места общего пользования (в здании или на земельном участке);
- общее имущество в совместной собственности супругов или членов крестьянского (фермерского) хозяйства;
- общее имущество как неделимая вещь в собственности нескольких лиц;

⁵ Подробнее см.: Право собственности в СССР / отв. ред. Ю. К. Толстой, В. Ф. Яковлев ; ред. и сост. Э. А. Чиркин. М. : Юрид. лит., 1989 ; Право собственности: актуальные проблемы / О. А. Беляева, Ф. О. Богатырев, М. И. Брагинский [и др.]. М. : Статут, 2008 ; Андреев В. К. О праве частной собственности в России (критический очерк). М. : Волтерс Клувер, 2007 ; Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017 ; Рыженков А. Я., Черноморец А. Е. Теория права собственности: (историко-аналитический очерк). Элиста : Джангар, 2009.

⁶ Например, см.: Пашков А. И. О собственности на средства производства, классах, социальных группах и о характере труда при социализме // Вопросы экономики. 1971. № 11. С. 97 ; Черковец В. Н. Общественная собственность и система производственных отношений при социализме // Экономические науки. 1972. № 7. С. 4 ; Советское гражданское право. Л., 1971. Т. 1. С. 226 (автор главы — Ю. К. Толстой).

⁷ Например, см.: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М. ; Л., 1948. С. 13–43 ; Братусь С. Н. Имущественные и организационные отношения и их правовое регулирование в СССР // Вопросы общей теории советского права : сборник статей. М. : Госюриздат, 1960. С. 67–120 ; Грибанов В. П. К вопросу о понятии права собственности // Вестник Московского университета. 1959. № 3. С. 177 ; Иоффе О. С. Советское гражданское право. М. : Юрид. лит., 1967. С. 363 ; Корнеев С. М. Право государственной социалистической собственности в СССР. М., 1964. С. 5 ; Толстой Ю. К. Содержание права социалистической и личной собственности и некоторые вопросы его гражданско-правовой защиты в СССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1953.

— общее имущество участников инвестиционного товарищества;

— имущество корпоративной организации, образованное за счет вкладов ее участников (членов) и т.д.

Практически во всех перечисленных случаях общее имущество обозначает принадлежность объекта права некоему гражданско-правовому сообществу⁸, обладающему в отношении данного имущества соответствующими полномочиями.

В работе исследуется прежде всего общее имущество собственников недвижимых вещей как правовой категории, наиболее ярко отражающей свое функциональное предназначение и сферу возможного применения. Вместе с тем приводится обзор общего имущества, образуемого в процессе ведения кооперативного (корпоративного) хозяйствования.

Научные дискуссии относительно возможности распространения положений об общем имуществе многоквартирных жилых домов на другие сферы отношений, в том числе и нежилые здания, завершились после издания постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁹. Согласно п. 41 этого документа, исследуемые в данной работе подходы могут применяться к любому общему имуществу, если иное не вытекает из положений закона.

Появление в российском законодательстве и разработка данной правовой категории сразу ассоциируются с вещными отношениями. Кроме того, с 2023 г. в п. 1 ст. 259.1 ГК РФ закреплено понятие «*общее имущество собственников недвижимых вещей*» — имущество, которое принадлежит лицам-собственникам на праве общей долевой собственности и использование которого служит для удовлетворения общих потребностей таких собственников при создании или образовании недвижимых вещей, а также имущество, приобретенное, созданное или образованное в дальнейшем для этой же цели. Ранее ЖК РФ уже содержал понятие общего имущества, которое раскрывалось путем пере-

числения отдельных вещей, входящих в состав такого имущества (ст. 36).

Состав общего имущества собственников недвижимых вещей определяется законодательством, о чем указано в п. 3 ст. 259.1 ГК РФ. Данное положение подчеркивает, что общее имущество образуется исключительно в силу закона, например ГК РФ или ЖК РФ. Таким образом, отсутствует возможность признать общим имуществом объект права в силу заключенного соглашения (договора). Такой подход свидетельствует о том, что общее имущество прежде всего правовая категория и находится в тесной связи с нормами права, устанавливающими признаки данного имущества, в отличие от экономико-правовой категории собственности.

Получается, что в отрыве от конкретных правоотношений (вещных, корпоративных либо обязательственных) сложно утверждать о наличии общего имущества. Между прочим, именно реализация правомочий собственников имущества — помещений в здании или собственников отдельных объектов недвижимости на общей земле и др. в отношении общего имущества свидетельствует о факте его существования. Даже в инвестиционном товариществе общее имущество, формируемое за счет вкладов товарищей на основе договора инвестиционного товарищества, не признается таковым в силу данного договора, а становится таковым в силу закона (ст. 2 Закона «Об инвестиционном товариществе»).

Предлагается выделить следующие признаки общего имущества собственников недвижимых вещей.

Первым признаком является *территориальное и (или) технологическое единство* общего имущества с собственностью лиц (гражданско-правового сообщества). Данный признак прежде всего подчеркивает, что общее имущество существует в качестве такового в условиях привязки к основным объектам недвижимости¹⁰. Например, общие земельный участок и помещения многоквартирного жилого дома, многофункционального делового центра; общее имущество коттеджного поселка

⁸ См.: Лаптев В. А. Гражданско-правовое сообщество в системе управления корпорацией: задачи законодателя и реалии судебной практики // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2022. № 4. С. 46–57.

⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

¹⁰ Например, см.: определение Верховного Суда РФ от 29.07.2021 № 305-ЭС21-12990 // URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).

и отдельные коттеджи с таунхаусами, в том числе несмотря на возможность его нахождения в различных местах (в том числе и на нескольких земельных участках), о чем будут свидетельствовать сведения Единого государственного реестра недвижимости¹¹. Такая связь даже позволяет провести аналогию по ст. 135 ГК РФ между общим имуществом и главной вещью с принадлежностью, при которой объекты собственности отдельных лиц — главная вещь, а общее имущество — принадлежность (подобно автомобилю и запасному колесу).

Отдельным вопросом является образующее единство общего движимого имущества с недвижимостью. Следует учитывать, что физическая или технологическая связь общего имущества с собственностью нередко достигается наличием движимого имущества — объектами инфраструктуры (например, кабельными либо трубопроводными сетями). В других случаях, например, денежные средства, находящиеся на специальном счете, в силу ст. 36.1 ЖК РФ также признаются общим имуществом со всеми вытекающими из этого юридическими последствиями, включая порядок распоряжения ими. То есть связь данных денежных средств с собственниками недвижимых вещей продиктована их целевым назначением (капитальный ремонт общего имущества)¹².

Проводя параллель с общим имуществом членов инвестиционного товарищества, мы также можем констатировать, что сформированное в рамках товарищества данное имущество обособляется на отдельном балансе (ст. 7 Закона «Об инвестиционном товариществе»)¹³. Такое обособление является неким экономико-правовым инструментом консолидации бизнес-активов в общем интересе всех товарищей — гражданско-правового сообщества.

Вторым признаком выступает *функциональное назначение* общего имущества — обслуживание недвижимости отдельных лиц. Изначальное предназначение общего имущества как

инструмента обслуживания и удовлетворения потребностей собственников недвижимости говорит о его вспомогательном (акцессорном) характере. Таким образом, в ряде случаев утрата «основных» объектов недвижимости собственников может свидетельствовать о прекращении функционального назначения объектов как общего имущества. Например, водонапорная башня, обслуживающая несколько отдельно стоящих зданий, при их ликвидации может утратить «обслуживающее» предназначение, что может поставить под сомнение ее акцессорный статус, и в иных случаях, когда существует несколько водонапорных башен по решению собственников, принятому в порядке п. 4 и 5 ст. 259.3 ГК РФ.

На практике могут встречаться случаи, когда после уничтожения (сноса) здания на его месте спустя некоторое время возводится новый объект и общее имущество будет вновь выполнять обслуживающую роль. После завершения строительства многоквартирного жилого дома и до продажи квартир разным лицам общее имущество будет фактически обслуживать единого собственника — застройщика. Тем не менее функционал данного имущества не меняется.

Видится интересным режим общего имущества инвестиционного товарищества, в составе которого могут быть любые вещи — денежные средства, ценные бумаги, недвижимость и иное имущество. Общее имущество товарищей, учитываемое на отдельном балансе, имеет индивидуальное предназначение — служить общему делу, то есть совместной инвестиционной деятельности (ст. 6, 7 Закона «Об инвестиционном товариществе»). Общее имущество даже именуется *совместным имуществом* инвестиционного товарищества, а его раздел недопустим на протяжении всего срока работы инвестиционного товарищества.

По сути, в рассмотренных первых двух признаках общего имущества речь идет о его

¹¹ Каждому объекту недвижимости, сведения о котором внесены в ЕГРН, орган регистрации прав присваивает неизменяемый, не повторяющийся во времени и на территории России кадастровый номер (ст. 5 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344).

¹² Например, см.: п. 9 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2022), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 октября 2022 г. (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 11) совместно с определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.03.2022 № 5-КГ21-155-К2.

¹³ См. также: приказ Минфина РФ от 24.11.2003 № 105н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Информация об участии в совместной деятельности» ПБУ 20/03» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2004. № 8.

свойствах как объекта права. Может возникнуть резонный вопрос о том, утрачивается ли статус «общего имущества» собственников недвижимости в случаях, когда собственник недвижимости — одно лицо (аналогичный спор ведется и на тему о возможной утрате корпоративной сущности компании одного лица¹⁴). По общему правилу — нет! Статус общего имущества сохраняется на протяжении всего периода его существования. К примеру, застройщик, завершив строительство многоквартирного жилого дома, должен заключить договор управления либо самостоятельно управлять общим имуществом, то есть особым образом учесть данный актив и управлять им. Законодательство не содержит норм, позволяющих утверждать о прекращении у вещи статуса общего имущества на протяжении всего срока его существования (п. 2 ст. 259.2 ГК РФ). Пожалуй, единственным очевидным исключением будет случай уничтожения вещи в составе общего имущества.

Похожая ситуация будет иметь место и с единственным собственником, купившим все помещения многофункционального торгового либо делового центра (включая объекты общего имущества: входную группу, лифтовые шахты, эскалаторы и др.). Исключение составляют случаи, когда юридическую судьбу (включая изменение целевого назначения) общего имущества определяют единым решением его собственники. Так, один из объектов общего имущества (например, резервная водонапорная башня с выделенным под ней земельным участком) может быть отчужден как самостоятельная вещь посредством продажи либо отчуждения по иным основаниям публично-правовому образованию — муниципалитету, региональной администрации и т.д. Такой вывод можно сделать с учетом положения п. 5 ст. 259.3 ГК РФ, в силу которого сделка не будет противоречить закону.

Третьим признаком является вещный титул собственности в отношении общего имущества — *право общей долевой собственности*. В известной степени по общему правилу общая собственность разделяется на совместную и

долевую (п. 2 ст. 244 ГК РФ). Критерием такого деления выступает возможность *определения доли*. Так, если доля определяется (в силу закона, сделки либо иного основания), то общая собственность — долевая; когда не определяется сособственниками или не может быть определена в силу объективных причин — совместная.

Законодатель определил, что общее имущество собственников недвижимости находится в собственности в долях, размер которых пропорционален площади принадлежащей собственнику соответствующей недвижимой вещи, если иное не установлено законом (ст. 259.2 ГК РФ). То есть возможны два варианта: пропорционально и диспропорционально площади недвижимой вещи. Существующий дифференцированный подход свидетельствует о частноправовом характере использования общего имущества. Так, если в многоквартирном доме размер может определяться исходя из площади квартир собственников, то в коттеджном поселке возможны варианты: исходя из площадей земельных участков, находящихся под расположенными на них объектами недвижимости; из площадей земельных участков и площадей расположенных на них объектов недвижимости. Вместе с тем данный подход не может быть произвольно использован участниками гражданско-правовых сообществ, поскольку требует определенности и дополнительных положений законодательства, в том числе по причинам того, что общее имущество нередко образуется в рамках земельного участка, на территории которого множество собственников разнородной недвижимости (коттеджей, таунхаусов, квадрохаусов и иных блокированных застроек)¹⁵.

Вытекающие из членства в крестьянском (фермерском) хозяйстве вещные права его участников также демонстрируют единство образуемого в процессе его деятельности общего имущества, поскольку даже при выходе гражданина из данного хозяйства земельный участок и средства производства разделу не подлежат (ст. 9 Закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»).

¹⁴ См.: Сеницын С. А. Особенности структуры собственности и корпоративного управления в компании одного лица // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 40–51; Корпоративное право : учебный курс : в 2 т. / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов [и др.]; отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Статут, 2017. Т. 1. С. 266.

¹⁵ Дом блокированной застройки — жилой дом, блокированный с другим жилым домом (другими жилыми домами) в одном ряду общей боковой стеной (общими боковыми стенами) без проемов и имеющий отдельный выход на земельный участок (ст. 1 ГрК РФ).

2. Правомочия собственников общего имущества

Утверждение о том, что в отношении общего имущества его собственники полноценно обладают триадой прав (владение, пользование и распоряжение), не является безоговорочным, поскольку правомочия данных лиц строго определены законом и реализуются всеми собственниками в установленном законом порядке. Скорее действует принцип «разрешено то, что прямо закреплено в законе» в отношении общего имущества, поскольку общий подход о широком объеме правомочий собственника в отношении своего имущества по своему усмотрению в пределах установленных законом запретов неприменим к рассматриваемой категории имущества.

Объем компетенции собственников общего имущества в какой-то степени сходен с объемом корпоративных прав¹⁶ и включает в себя три группы прав: имущественные, управленческие и информационные. Такое положение дел неслучайно, ведь общее имущество обеспечивает *функциональную пригодность* собственности членов гражданско-правового сообщества, образующих корпоративное объединение лиц.

Имущественные и управленческие права. Каждый собственник общего имущества обладает вещным правом общей долевой собственности. При этом формулировка в законодательстве о том, что доля в праве общей собственности на общее имущество пропорциональна площади принадлежащей собственнику недвижимой вещи, в большинстве случаев декларативна с практической точки зрения, поскольку размер этой доли в большинстве случаев не влияет на объем правомочий или порядок ее реализации отдельными собственниками в отношении общего имущества. Общее имущество обособляется в качестве такового изначально для использования в целях удовлетворения общих потребностей (п. 1 ст. 259.1 ГК РФ).

В законодательстве закрепляется равная возможность каждого собственника владеть и пользоваться общим имуществом. Иной поряд-

док реализации данных прав допускается на основании:

- решения собственников недвижимых вещей, принятого большинством голосов (п. 1 и 2 ст. 259.3 ГК РФ);

- положений ГК РФ (например, при залоге недвижимого имущества собственника и соответствующей доли в праве на общее имущество);

- положений отдельных федеральных законов (например, ЖК РФ, ЗК РФ, ГрК РФ).

Пожалуй, единственным исключением будет тот случай, когда у одного из собственников недвижимых вещей будет более половины голосов по сравнению с остальными собственниками в силу принадлежащей ему большей части от общей площади недвижимости, что позволит ему, согласно п. 2 ст. 259.3 ГК РФ, установить иной порядок реализации своих имущественных прав. Такой подход, конечно, может быть почвой для дискуссии, поскольку общее имущество должно в равной степени служить всем собственникам недвижимости и несправедливое определение порядка владения и пользования им может расцениваться судом как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ, п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁷). Вместе с тем Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что в гражданско-правовом сообществе, к которому, полагаем, можно отнести сообщество собственников недвижимых вещей, по общему правилу большинство определяет волю меньшинства¹⁸, что не может рассматриваться как нарушение прав последних, а является лишь следствием наращивания имущественных активов (следовательно, и голосов).

Распоряжение общим имуществом допускается исключительно в установленном законом порядке. Собственники недвижимых вещей решения принимают (ст. 259.3 ГК РФ):

- квалифицированным большинством — по вопросам владения, пользования и распоряжения (собственниками);

¹⁶ Лаптев В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем : монография. М. : Проспект, 2019. С. 139–150.

¹⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 № 14-П // СЗ РФ. 2002. № 31. Ст. 3161 ; определение Конституционного Суда РФ от 18.10.2012 № 1938-О // СПС «КонсультантПлюс».

— двумя третями голосов — о передаче имущества во владение и пользование (третьим лицам);

— единогласно — о передаче в собственность объекта из состава общего имущества (третьим лицам).

Кворум, необходимый для принятия соответствующего решения, предопределяется содержанием поставленного на голосование дня вопроса.

Полагаем необходимым отделять классическую триаду правомочий собственника (владение, пользование, распоряжение) от *управления* общим имуществом. Безусловно, реализуемые собственниками права в какой-то степени пересекаются, но они не тождественны. Так, извлечение всех полезных свойств из общего имущества посредством его использования невозможно без управления данным имуществом (например, обеспечение водой жильцов водонапорной башней коттеджного поселка невозможно без периодического либо планового ее технического обслуживания). Вещные права в отношении общего имущества ярко демонстрируют юридическую сущность правомочий собственника, в то время как управленческие — экономическо-правовую.

Управление общим имуществом включает в себя и действия по несению бремени его содержания. Содержание общего имущества включает в себя как основные (плата за коммунальные услуги, налоги, сборы и т.д.), так и дополнительные расходы (охрана, страхование и т.д.). Независимо от воли отдельных собственников недвижимых вещей, при наличии решения общего собрания собственников недвижимых вещей, принятого в установленном законом порядке, на всех членов гражданско-правового сообщества возлагается бремя содержания общего имущества в том объеме, в котором оно определено указанным решением. Такое положение дел подчеркивает, что воля одного либо нескольких собственников недвижимых вещей подчиняется общему корпоративному решению сособственников.

Управление общим имуществом является базовым правом собственника, обеспечиваю-

щим сохранность и функционирование основной недвижимости и корреспондирующим с обязанностью нести бремя содержания своего имущества (ст. 210 ГК РФ).

Информационные права. Важнейшую часть прав составляет право на информацию в отношении общего имущества. Конкретная информация о юридической судьбе и форме представления обязанными лицами сведений об общем имуществе определяется соответствующими законами и иными нормативными актами. В частности, в сообщении о проведении общего собрания собственников помещений многоквартирного дома указывается порядок ознакомления с информацией (п. 5 ст. 45 ЖК РФ)¹⁹.

Рассмотренная *корпоративная триада* правомочий (имущественные, управленческие и информационные права) в отношении общего имущества демонстрирует связь с его функциональным назначением (целевым характером использования), в отрыве от которого такое имущество утрачивает свой правовой режим.

3. Общее имущество — смешанная собственность

Закрепление в ст. 8 Конституции РФ нормы о признании различных форм собственности по принципу открытого перечня предопределило возможность рассмотрения сущности общего имущества. Деление собственности на частную, государственную и иные формы основано на субъектном критерии. Отправной точкой отчета для такого деления становится субъект — правообладатель имущества. Так, хозяйственному обществу имущество принадлежит на праве частной собственности; публично-правовому образованию (федеральному или региональному) — государственной; муниципалитетам — муниципальной и т.д.

Форма собственности констатирует соответствующий набор правомочий в отношении имущества, включающий в себя и вещные права²⁰. Производные от права государственной и муниципальной собственности — вещные права

¹⁹ См. также: письмо Минстроя России от 05.10.2017 № 35851-ЕС/04 «Об общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме» // Солидарность. 25.10–01.11.2017. № 40.

²⁰ Например, см.: Право собственности: актуальные проблемы / отв. ред. В. Н. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров ; ИЗИСП при Правительстве РФ. М. : Статут, 2008 ; Андреев В. К. О праве частной собственности в России (критический очерк). М. : Волтерс Клувер, 2007 ; Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М. ; Л., 1948.

хозяйственного ведения либо оперативного управления — содержат в себе объем правомочий, указанный в федеральных законах от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»²¹, от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»²² и иных актах. В данных случаях, не теряя государственной (публичной) формы собственности, правомочия в отношении имущества реализует его владелец (пользователь) — унитарное предприятие, казенное учреждение, министерство и др.

Поскольку общее имущество является производной составляющей собственности недвижимых вещей, принадлежащей отдельным лицам, доля в праве на общее имущество указанных лиц имеет ту же форму собственности. В частности, если государству принадлежит ряд квартир в многоквартирном доме, то при их продаже (отчуждении иным образом) третьим лицам одновременно переходит и право на соответствующую долю в общей собственности на общее имущество (п. 2 ст. 259.2 ГК РФ). Аналогичная ситуация имеет место в случае нахождения квартиры в частной собственности и ее отчуждения совместно с долей в праве общей собственности на общее имущество. Таким образом, общее имущество будет иметь смешанную форму собственности, включающую в себя элементы государственной, частной и иных форм.

Данный пример наглядно демонстрирует «иную форму собственности» — смешанную, о которой указано в ст. 8 Конституции РФ. В правоведении периодически поднимается вопрос об иных формах собственности, в частности при исследовании имущества госкорпораций²³.

Рассматриваемые аспекты общего имущества отчасти свидетельствуют о значении классификации имущества в зависимости от форм собственности, поскольку подчеркивают различный объем и порядок реализации правомочий отдельных собственников недвижимых вещей в отношении общего имущества.

О смешанном характере собственности свидетельствует и тот факт, что общее имущество образуется в отношении не только существующих объектов права (например, общие коридоры, подъезд и лифтовые шахты многоквартирного жилого дома), но и приобретенных (созданных, образованных) в последующем (в частности, в результате ремонта или обновления эксплуатируемого технологического оборудования, а также установления дополнительного оборудования). Приобретенное имущество, являющееся приростом к существующему общему имуществу, также основывается на соответствующей форме капитала собственников недвижимых вещей и впоследствии консолидируется в единую *общую имущественную массу* (общее имущество) *коллективного собственника* — гражданско-правового сообщества.

4. Оборотоспособность общего имущества

Несмотря на отнесение общего имущества к числу объектов прав, перечисленных в ст. 128 ГК РФ, требуется дополнительно раскрыть некоторые аспекты его участия в гражданском обороте. Законодатель справедливо закрепил общее правило: общее имущество невозможно выделять в натуре и впоследствии отчуждать как самостоятельную вещь. В судебной практике отражено правило о невозможности участия в гражданском либо торговом обороте объектов общего имущества, среди которых места общего пользования (подвалы, части площадей вестибюлей дома и др.), в отрыве от основного имущества.

Споры о признании права собственности на объекты общего имущества, о признании постройки (реконструируемой части помещения в здании) самовольной либо о признании права собственности на объекты общего имущества отсутствующим у лица (третьих лиц)²⁴ подробно разъяснены в постановлении Пленума Верхов-

²¹ СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

²² СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

²³ Клеандров М. И. Право собственности государственных корпораций: некоторые вопросы // Вещные права: система, содержание, приобретение : сборник научных трудов в честь профессора Б. Л. Хаскельберга / под ред. Д. О. Тузова. М. : Статут, 2008. С. 30–39 ; Толстой Ю. К. Субъекты права собственности в российском законодательстве // Хозяйство и право. 2009. № 4. С. 98–102 ; Толстой Ю. К. О Концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 31–38.

²⁴ Например, см.: п. 5 Обзора судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 ноября 2022 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

ного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010²⁵.

Ограничения по обороту объектов общего имущества не исключают распоряжения указанными объектами, в том числе их продажу. Видится любопытным, что законодатель разделил два случая распоряжения, каждый из которых совершается при наличии соответствующих условий. Первый — передача владения и пользования третьим лицам (п. 4 ст. 259.3 ГК РФ) — допускается при условиях:

- пригодности данного имущества к его самостоятельному использованию;

- отсутствия нарушения прав и законных интересов гражданско-правового сообщества (собственников недвижимых вещей) передачей данного имущества;

- принятии решение квалифицированным большинством голосов не менее двух третей от общего числа голосов собственников.

Здесь речь может идти о непрофильных активах, о неиспользуемом (ненужном) имуществе либо просто о желании собственников недвижимых вещей получить доход от использования третьими лицами общего имущества.

Видится важным то обстоятельство, что поступающая плата либо иные материальные (нематериальные) блага от использования третьими лицами объектов общего имущества должны рассматриваться как прирост к составу общего имущества, с тем же правовым режимом и порядком распоряжения. Полагаем недопустимым распоряжение полученными от третьих лиц денежными средствами, к примеру, как обычной прибылью товарищества собственников недвижимости либо управляющей компании. Вместе с тем данные вопросы требуют отдельной регламентации налоговым законодательством.

Второй случай — продажа объекта из состава общего имущества в собственность третьему лицу (п. 5 ст. 259.3 ГК РФ) — допускается, если:

- передача не противоречит закону;

- решение о передаче принимается единогласно всеми собственниками недвижимых вещей.

Любопытным видится то обстоятельство, что если для передачи во владение и пользование третьим лицам рассматриваемые объекты общего имущества должны обладать свойством воз-

можного *самостоятельного использования*, то при продаже это не имеет принципиального значения. Получается, что по единогласному решению собственников можно продать любой объект из состава общего имущества вне зависимости от его полезных свойств и пригодности к самостоятельному использованию.

В рассмотренном выше случае отчуждения происходит переформирование состава общего имущества, часть которого становится оборотоспособными вещами (самостоятельными объектами права) в понимании ст. 128 ГК РФ. Возникает резонный вопрос: какая форма собственности продается? Данный вопрос особенно актуален при смешанном характере образуемой собственности, когда в составе гражданско-правового сообщества присутствуют и частные лица (физические, юридические), и публично-правовые образования (государство, муниципалитеты). Кроме того, даже налоговые последствия при операции с общим имуществом имеют особое регулирование. К примеру, в силу НК РФ не подлежат обложению налогом на добавленную стоимость операции с долями в праве собственности на общее имущество участников договора инвестиционного товарищества (п. 12 ч. 2 ст. 149), передача доли в праве на общее имущество в многоквартирном доме при реализации квартир (п. 23 ч. 3 ст. 149) и т.д.

Следует учитывать юридические последствия нарушения правил одобрения гражданско-правовым сообществом сделок с общим имуществом. Формулировка п. 4 ст. 259.3 ГК РФ свидетельствует о том, что сделки о передаче прав владения и пользования третьим лицам, совершенные с нарушением прав и законных интересов, оспоримы. То есть требуется еще доказать в суде факт нарушения, поскольку не каждая передача нарушает права остальных участников гражданско-правового сообщества — собственников (например, использование третьим лицом водонапорного узла в коттеджном поселке без снижения качества или напора воды для собственников недвижимых вещей).

Сделки по отчуждению объектов общего имущества в отсутствие единогласного согласия будут квалифицироваться скорее как ничтожные, поскольку в п. 5 ст. 259.3 ГК РФ содержит-

²⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 7.

ся указание на необходимость их соответствия (непротиворечия) закону. На практике можно отметить, что ни ЖК РФ, ни ГрК РФ, ни иные законы не допускают отчуждение общего имущества в отсутствие согласия его собственника, что вполне логично (ст. 10, 168, 209 ГК РФ). Исключение, пожалуй, будут составлять случаи, когда по сделке приобретателем всех недвижимых вещей и, соответственно, общего имущества будет одно лицо (например, государство при изъятии имущества для государственных нужд в порядке ст. 239.2 ГК РФ или гл. VII.1 ЗК РФ), тогда данная сделка не может быть квалифицирована как нарушающая закон. На данном примере можно наблюдать конкуренцию норм.

Право собственников недвижимых вещей на отчуждение объектов из состава общего имущества (изначально существующих в привязке к основной собственности) является интересной правовой конструкцией трансформации формы *мультисобственности* в частную, государственную и иные. В этой связи также возникает вопрос, не является ли такое отчуждение иным способом приватизации государственного имущества либо обходом существующих способов (ст. 13 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»²⁶), при которых доля в праве на общее имущество может перейти в собственность физических либо юридических лиц. Рассмотренная ситуация свидетельствует о том, что общее имущество принадлежит гражданско-правовому сообществу, которое управляет им в своих интересах, и является совокупностью долей собственности указанных лиц. Полагаем, что по данному

вопросу Верховным Судом РФ еще не раз будут даваться соответствующие разъяснения.

Заключение

Общее имущество представляет собой имущество гражданско-правового сообщества (коллективного собственника), которое консолидируется на праве общей долевой собственности и управление которым осуществляется в интересах данного сообщества.

Общее имущество характеризует юридические свойства объекта права, раскрывающие корпоративные правомочия собственника в отношении данного имущества (имущественные, управленческие и информационные права).

Общее имущество не может выступать самостоятельным объектом гражданского или торгового оборота, за исключением случаев принятия его собственниками единогласного решения, в силу которого при его отчуждении прекращается смешанная форма собственности.

Государственная регистрация в Росреестре общего имущества на титульного собственника(ов) с определением частной формы собственности (к примеру, на товарищество собственников недвижимости, управляющую организацию, застройщика либо на отдельных сосопственников) не меняет правовой режим и его существо смешанной собственности.

Рассматриваемые объекты права выступают имуществом, к которому относятся любые недвижимые и движимые вещи, связанные с собственностью членов гражданско-правового сообщества и обслуживающие ее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев В. К. О праве частной собственности в России (критический очерк). М. : Волтерс Клувер, 2007. 184 с.
- Братусь С. Н. Имущественные и организационные отношения и их правовое регулирование в СССР // Вопросы общей теории советского права : сборник статей. М. : Госюриздат, 1960. С. 67–120.
- Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1948. 840 с.
- Грибанов В. П. К вопросу о понятии права собственности // Вестник Московского университета. 1959. № 3. С. 173–190.
- Двадцать пять лет российскому акционерному закону: проблемы, задачи, перспективы развития / Д. В. Ломакин, Т. Д. Аиткулов, О. А. Беляева [и др.]. М. : Статут, 2021. 414 с.
- Иоффе О. С. Советское гражданское право. М. : Юрид. лит., 1967. 494 с.

²⁶ СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 251.

Клеандров М. И. Право собственности государственных корпораций: некоторые вопросы // Вещные права: система, содержание, приобретение : сборник научных трудов в честь профессора Б. Л. Хаскельберга / под ред. Д. О. Тузова. М. : Статут, 2008. С. 30–39.

Кодификация российского частного права — 2019 / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало [и др.] ; под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2019. 492 с.

Корнеев С. М. Право государственной социалистической собственности в СССР. М., 1964. 268 с.

Корпоративное право : учебный курс : в 2 т. Т. 1 / Е. Г. Афанасьева, В. А. Вайпан, А. В. Габов [и др.] ; отв. ред. И. С. Шиткина. М. : Статут, 2017. 976 с.

Лаптев В. А. Гражданско-правовое сообщество в системе управления корпорацией: задачи законодателя и реалии судебной практики // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2022. № 4. С. 46–57.

Лаптев В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем : монография. М. : Проспект, 2019. 384 с.

Пашков А. И. О собственности на средства производства, классах, социальных группах и о характере труда при социализме (по поводу одной концепции) // Вопросы экономики. 1971. № 11. С. 93–109.

Право собственности в СССР / отв. ред.: Ю. К. Толстой, В. Ф. Яковлев ; ред. и сост.: Э. А. Чиркин. М. : Юрид. лит., 1989. 288 с.

Право собственности: актуальные проблемы / О. А. Беляева, Ф. О. Богатырев, М. И. Брагинский [и др.] ; отв. ред. В. Н. Литовкин, Е. А. Суханов, В. В. Чубаров. М. : Статут, 2008. 731 с.

Рыженков А. Я., Черноморец А. Е. Теория права собственности: (историко-аналитический очерк). Элиста : Джангар, 2009. 863 с.

Синицын С. А. Особенности структуры собственности и корпоративного управления в компании одного лица // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 40–51.

Советское гражданское право : учебник. Т. 1 / О. С. Иоффе, В. А. Мусин, Е. А. Поссе [и др.] ; отв. ред.: О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой, Б. Б. Черепахин. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 472 с.

Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017. 560 с.

Толстой Ю. К. О Концепции развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 31–38.

Толстой Ю. К. Содержание права социалистической и личной собственности и некоторые вопросы его гражданско-правовой защиты в СССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1953. 24 с.

Толстой Ю. К. Субъекты права собственности в российском законодательстве // Хозяйство и право. 2009. № 4. С. 98–102.

REFERENCES

Andreev VK. Private property law in Russia (a critical essay). Moscow: Walters Kluwer Publ.; 2007. (In Russ.).
Bratus S N. Property and organizational relations and their legal regulation in the USSR. *Issues of the general theory of Soviet Law: Collection of articles*. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1960. (In Russ.).

Venediktov AV. State socialist property. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1948. (In Russ.).

Gribanov VP. K voprosu o pohyatii prava sobstvennosti = The issue of the concept of property rights. *Moscow University Bulletin*. 1959;3:173-190. (In Russ.).

Lomakin DV, Aitkulov TD, Belyaeva OA, et al. Twenty-five years of the Russian joint-stock companies law: problems, objectives, development prospects. Moscow: Statute Publ.; 2021. (In Russ.).

Ioffe OS. Soviet civil law. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1967. (In Russ.).

Kleandrov MI. Ownership of public corporations: some issues. In: Tuzov DO (ed.). Property rights: The system, content, acquisition: Collection of research papers in honor of Professor B. L. Haskelberg. Moscow: Statut Publ.; 2008. (In Russ.).

Vitryanskiy VV, Golovina SYu, Gongalo BM, et al. Medvedev DA (ed.). Codification of Russian Private Law — 2019. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).

Korneev S M. Law of state socialist property in the USSR. Moscow; 1964. (In Russ.).

Afanasyeva EG, Vaipan VA, Gabov AV, et al. Shitkin IS (ed.). Corporate Law. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).

Laptev VA. Grazhdansko-pravovoe soobshchestvo v sisteme upravleniya korporatsiy: zadachi zakonodatelya i realii sudebnoy praktiki = The civil law community in the corporate governance system: the tasks for the legislator and the realities of judicial practice. *Moscow District Commercial Court Bulletin*. 2022;4:46-57. (In Russ.).

Laptev VA. Corporate law: legal organization of corporate systems. Moscow: Prospekt Publ.; 2019. (In Russ.).

Pashkov AI. O sobstvennosti na sredstva proizvodstva, klassakh, sotsialnykh gruppakh i o kharaktere truda pri sotsializme (po povodu odnoy kontseptsii) = Ownership of the means of production, classes, social groups and the nature of labor under socialism (regarding one of the concepts). *Voprosy ekonomiki = Economic Issues*. 1971;11:93-109. (In Russ.).

Tolstoy YuK, Yakovlev VF (chief ed.). Chirkin EA (ed.). Law of ownership in the USSR. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1989. (In Russ.).

Belyaeva OA, Bogatyrev FO, Braginskiy MI, et al. Litovkin NV, Sukhanov EA, Chubarov VV (eds.). Law of ownership: Current issues. Moscow: Statut Publ.; 2008. (In Russ.).

Ryzhenkov AY, Chernomorets AE. Theory of property rights: (historical and analytical essay). Elista: Dzhangar Publ.; 2009. (In Russ.).

Sinitsyn SA. Features of ownership structure and corporate governance in a one-man company. *Journal of Russian Law*. 2020;7:40-51. (In Russ.).

Ioffe OS, Musin VA, Posse EA, et al. Ioffe OS, Tolstoy YuK, Cherepakhin BB (eds.). Textbook on Soviet Civil Law. Vol. 1 Leningrad: Publishing House of the Leningrad University; 1971. (In Russ.).

Sukhanov EA. Property law: A research and educational essay. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).

Tolstoy YuK. On development of concept of project for civil legislation. *Journal of Russian Law*. 2010;1:31-38. (In Russ.).

Tolstoy YuK. The content of the right to socialist and personal property and some issues of its civil protection in the USSR. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Leningrad; 1953. (In Russ.).

Tolstoy YuK. Subekty prava sobstvennosti v rossiyskom zakonodatelstve = Subjects of property rights in Russian legislation. *Economy and Law*. 2009;4:98-102. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лаптев Василий Андреевич, доктор юридических наук, доцент, судья Арбитражного суда г. Москвы, главный научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права РАН, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, стр. 2, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
laptev.va@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasily A. Laptev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Judge of the Moscow City Arbitrazh Court; Chief Researcher, Civil and Business Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
laptev.va@gmail.com

Материал поступил в редакцию 19 сентября 2023 г.
Статья получена после рецензирования 1 декабря 2023 г.
Принята к печати 16 января 2024 г.

Received 19.09.2023.
Revised 01.12.2023.
Accepted 16.01.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.022-037

Е. Г. Комиссарова

Пермский государственный национальный исследовательский университет

г. Пермь, Российская Федерация

Тюменский государственный университет

г. Тюмень, Российская Федерация

Действующая нормативная модель происхождения ребенка в контексте биомедицинских достижений

Резюме. Автор обращается к исходным политико-правовым сущностям, на которых устроен семейно-правовой институт происхождения ребенка. Их актуализация важна для снижения неоправданно высокого уровня спорности между доктринальным и законодательным видением этого института, а также для преодоления тех теоретических неточностей, которые накопились в научном описании проблемы происхождения ребенка. Авторский подход к ее научному описанию построен исключительно на семейно-правовом срезе проблемы. Итоговые выводы отражают научные взгляды автора на поставленную проблему и состоят в следующем. Юридический смысл норм о происхождении ребенка однозначно отражает приоритеты кровнобиологического происхождения. Семейное законодательство не ориентировано на классификацию происхождения на виды. Оно лишь может предусмотреть отдельные исключения на стадии признания лица родителем. Возможности репродуктивной медицины сами по себе не способны изменить законодательное и доктринальное видение того, как должен быть устроен институт происхождения ребенка. Исторически он имеет четко обозначенные законом границы — от акта деторождения до акта родительского признания по закону. Эти границы задают семейно-правовой смысл нормам о происхождении ребенка. На уровне должного они устанавливают то, от чего зависит жизнь ребенка после его рождения. Несогласованность текущих семейно-правовых дискурсов, описывающих процедуры технологического зачатия, с этой максимой дала основания для необоснованных выводов о том, что в зависимости от обстоятельств зачатия происхождение может быть разным. Противостоять этим заблуждениям способна теоретически обустроенная и цельная семейно-правовая концепция происхождения ребенка.

Ключевые слова: происхождение ребенка; установление происхождения; биологическое родство по происхождению; культурные и политические ориентиры; технологическое зачатие; биомедицина и право; правовые следствия эволюции технологий; культурно-политические ориентиры; ценностные убеждения; предметные границы проблемы

Для цитирования: Комиссарова Е. Г. Действующая нормативная модель происхождения ребенка в контексте биомедицинских достижений. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 2. С. 22–37. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.022-037

The Current Normative Model of the Child's Origin in the context of Biomedical Achievements

Elena G. Komissarova

Perm State National Research University

Perm, Russian Federation

Tyumen State University

Tyumen, Russian Federation

Abstract. The author refers to the initial political and legal entities on which the family law institution of the child's origin is based. Their actualization is important to reduce an unjustifiably high level of controversy between the doctrinal and legislative understanding of this institution, as well as to overcome theoretical inaccuracies that

© Комиссарова Е. Г., 2024

have accumulated in the doctrinal description of the problem of the child's origin. The author's approach to its scientific description is based solely on the family law grounds. The conclusions reflect scientific views of the author on the problem posed, and they are as follows. The legal meaning of the norms on the origin of the child clearly reflects the priorities of the blood-biological origin. Family law is not focused on classifying the origin into types. It can only provide for individual exceptions at the stage of recognizing a person as a parent. The opportunities of reproductive medicine alone are not capable of changing the legislative and doctrinal understanding of how the institution of the child's origin should be organized. Historically, it has clearly defined boundaries by law — from the act of procreation to the act of parental recognition by law. These boundaries define the meaning of the norms regulating the origin of the child under family law. At the proper level, they establish what the child's life depends on after his birth. Inconsistency of current family law discourses describing the procedures of technological conception with this maxim has given rise to unfounded conclusions that, depending on the circumstances of conception, the origin may be different. A theoretically organized and integral family law concept of the child's origin is able to resist these misconceptions.

Keywords: origin of the child; origin establishment; biological kinship by origin; cultural and political guidelines; technological conception; biomedicine and law; legal consequences of technological evolution; cultural and political guidelines; value beliefs; subject matter boundaries of the problem

Cite as: Komissarova EG. The Current Normative Model of the Child's Origin in the context of Biomedical Achievements. *Lex russica*. 2024;77(2):22-37. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.022-037

Введение

Семейно-правовой дискурс о происхождении ребенка, тронутый «заботливой рукой биотехнологий»¹, продолжает движение в сторону поиска ответов на вопросы о том, как совместить юридическую традиционность темы и ту биомедицинскую новизну, благодаря которой можно пойти дальше биологической судьбы и стать родителем за счет привлечения репродуктивных усилий третьих лиц. Российский законодатель свое нормативное решение сформировал однозначно. Демонстрируя приверженность традиционным ценностям биологического происхождения ребенка и тому, что за этим нормативно следует, он отразил вмешательство репродуктивной медицины аккуратно и точно (п. 4–6 ст. 51, п. 3 ст. 52 СК РФ).

С высоты доктринальных взглядов такая позиция оказалась небесспорной. Для одних авторов подобный подход стал «весьма удачным решением сложной с моральной точки зрения проблемы и одним из достижений нового Семейного кодекса РФ»². Для других, опирающихся на собственную концепцию

«человеколюбивого права», данное решение стало ошибкой³. Третьи посчитали, что приход технологических репродуктивных новшеств должен более масштабно отразиться на законодательном видении института происхождения ребенка⁴.

Последних — кто встал в оппозицию к семейному законодателю — оказалось явное большинство. Теоретическими усилиями этого большинства был создан, по сути, параллельный с законодательным дискурс о том, «как должно быть на самом деле». Конечный смысл этих дискурсов, составленных из фрагментов старого, нового и не всегда точного по смыслу зарубежного, замкнулся на том, что в зависимости от обстоятельств зачатия ребенка его юридическое происхождение может быть «разным» — генетическим, социальным, намеренным, конвенционным (согласованным или условным).

Так в семейно-правовую проблему происхождения ребенка вошло классификационное мышление, открыв со всей очевидностью тот факт, что как таковой методологически обустроенной и цельной концепции происхождения ребенка в науке семейного права не существует. А зна-

¹ Franklin S. Embodied Progress: a cultural account of assisted conception. London : Routledge, 1997. URL: <https://archive.org/details/embodiedprogress0000fran> (дата обращения: 02.06.2023).

² Антокольская М. В. Семейное право. М. : Юрист, 1996. С. 196.

³ Сухарева Е. Р. Проблемы правового регулирования происхождения ребенка в условиях применения репродуктивных технологий: реалии времени и христианские ценности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2018. Т. 43. № 1. С. 157.

⁴ Михайлова И. А. Законодательство, регламентирующее установление происхождения детей, нуждается в корректировке // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 2. С. 17.

чит, нет и той теоретико-правовой платформы, которая не просто аккумулирует, но и актуализирует базовые идеи, семейно-правовые и культурные смыслы, а также политические послы, транслирующие ту законодательную логику, на которой устроены действующие нормы о происхождении ребенка. Эту функцию приняли на себя разрозненные клип-дискурсы оперативно-го порядка, в которых много «от биотехнологий» и совсем мало от права семейного.

Именуясь семейно-правовыми, такие дискурсы на самом деле не имеют как таковых признаков семейно-правового обрамления. Их смысловая и дисциплинарная принадлежность явно тяготеет к биомедицинским и медико-правовым предметностям. Фактическая же соотносимость этих предметностей с семейно-правовым дискурсом показывает, что внятных теоретико-методологических ориентиров они не имеют. Их место занято суждениями о безоговорочной открытости юристов новым биомедицинским потрясениям с одновременной «незамеченностью» антропологических, культурных и семейно-правовых традиций.

Подобная теоретическая логистика, обусловившая состояние напряженности между тем, что закреплено законодательно, и тем, что высказано в теоретико-правовых суждениях о происхождении ребенка, за последнее двадцатипятилетие стала научной нормой. Маршрут новых семейно-правовых суждений оказался проложенным «поверх» всего того, что направляет современного законодателя. Этот отрыв принес проблеме происхождения ребенка заметные черты примитивизации. Из нее ушла теоретико-правовая, культурная и политическая аргументация. Дискурсивное пространство оказалось заполненным описанием казуальной биомедицинской реальности и мизераблистическими сентенциями (франц. — жалость, сочувствие), отсылающими к рискам и потерям, которые несут обнадеженные участники технологических родительских проектов. Научно-популярный

стиль и стихийная логика суждений, уходящая в безбрежную медицинскую фактологию, обусловили то положение, при котором предметом исследований стали не столько семейно-правовые отношения по происхождению ребенка, сколько сфера медицинской деятельности и медицинское законодательство как таковое.

В стремлении скорректировать это научное положение, вернуть проблеме происхождения ребенка ее семейно-правовую принадлежность и открыть перспективы ее последующего научного развития, автор обращается к настоящей статье. Ее цель — подчинить автономные клип-дискурсы о происхождении ребенка теоретическому концепту «происхождение ребенка по закону». Структура статьи соответствует этому замыслу.

Институт происхождения ребенка в политико-правовом видении

Противостоять биомедицинским квестам, захватившим семейно-правовую проблему происхождения ребенка, непросто. Их численность, поддерживаемая новыми авторами, вступающими на стезю биотехнологического прозрения и медико-нормативного самоузнавания, пока продолжает расти. Но процесс формирования научной оппозиции тому, что именуется медикализацией в гуманитарных науках⁵, постепенно набирает обороты. Лакмусы этого процесса становятся более заметными. Более теоретически активными становятся суждения о биоэтическом феномене, которые уже не напоминают те робкие рекомендации, что были высказаны в самых первых научных отчетах⁶ и теоретических комментариях⁷ конца XX в. Динамично развивающееся биоэтическое мышление всё больше несет знания о том, что уникальность решения на уровне технологической генетизации для права может оказаться трудноразрешимой проблемой. Свою роль играет и нарастающее понимание того, что

⁵ Как утверждают социологи, медикализация — это процесс, при котором жизненно важные проблемы человека преобразуются в проблемы медицинской направленности и описываются исключительно в медицинских терминах. Понятие было разработано в 60–70-х гг. XX в. в критических дискурсах, направленных против предполагаемых угроз расширения медицинского вмешательства в жизнь человека. См. об этом: Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко ; под науч. ред. С. Гавриленко ; НИУ «Высшая школа экономики». 3-е изд. М., 2021. С. 246–247.

⁶ Warnock M. A. Question of Life: The Warnock Report on Human Fertilisation and Embryology. New York : Basil Blackwell, 1985. URL: <https://archive.org/details/questionoflifewa0000warn> (дата обращения: 07.12.2023).

⁷ Engelhardt T. Bases de la bioéthique. New York : Oxford University Press, 1986. URL: <https://archive.org/details/foundationsofbio0000enge> (дата обращения: 07.12.2023).

пришло время проводить различия между тем, что указывает на эволюцию биомедицины и биотехнологий как наук, и тем, какие вопросы эта эволюция знаний ставит перед другими науками.

На этом фоне юристы стали чаще рассуждать о необходимости искать и находить компромиссы между благами биомедицинского прогресса и устоявшимися правовыми традициями. Как заметила О. А. Серова, «юридические исследования по определению надлежащих положений законодательства [имеющего связь с биомедициной] не должны осуществляться в отрыве от изучения социальной, политической и экономической среды, которая оказывает непосредственное влияние на изучаемые общественные отношения... право должно остаться не только регуляторным механизмом, но и системой ценностных ориентиров»⁸. Этот теоретико-правовой посыл требует доктринального подкрепления во благо его развития.

Поскольку применительно к семейно-правовой проблеме происхождения ребенка он относится к недостаточно проясненным, автор намерен его актуализировать.

Научное описание указанной проблемы с необходимостью предполагает структурированность и акцентуализацию. Ценность такой методологии в равной мере предрешена как тезисом о том, что происхождение ребенка — это прежде всего культурная и политическая конструкция, так и тезисом о тесной связи института происхождения с другими институтами (гетеросексуальный брак, семья, родительство, семейное воспитание), указывающей на то, что политический и семейный порядок взаимно поддерживают и укрепляют друг друга. Эта многосоставная системообразующая связь, устроенная на последовательном соотношении разных институтов, нередко оказывается вне сферы научного внимания тех авторов, которые в ущерб аргументации юридической отдают предпочтение аргументации биомедицинской.

Несмотря на то что транзитные социологические суждения о «реконфигурации семейно-

родственных связей», «перезагрузке семьи» и неуклонном снижении брачного авторитета звучат в науке семейного права всё чаще, оснований считать пережитком прошлого нормативную модель кровнобиологического происхождения ребенка нет. Институт происхождения ребенка был и остается устроенным на брачной модели воспроизведения потомства, отцовских презумпциях, ориентированных не только на поиск биологического компонента, но и на его умышленное привнесение в том случае, если установлено юридическое намерение неженатого отца «считать ребенка своим».

Однако с приходом репродуктивной биомедицины оказалось, что эту традиционность проще игнорировать и даже оспорить под предлогом неактуальности биологического происхождения, которое плохо коррелирует с «действующей концепцией родства... где фактически сформулирован новый принцип, согласно которому в ряде случаев формальный элемент должен стоять выше биологического»⁹. Это направление движения юридической мысли, нашедшей опору в медико-социологической конструкции с «ангельским и одновременно опасным именем “родительский проект”»¹⁰, обычно привлекаемой для юридического описания стороннего донорства и суррогатного материнства, имеет мало юридических перспектив. Обращение научного внимания к культурным и политическим контекстам позволяет понять, почему это именно так.

Имея принадлежность к приватной сфере человеческого бытия и расположение в анналах частного права, институт происхождения ребенка и тесно связанные с ним институты во всех европейских законодательствах не принадлежат к политически нейтральным. Затрагивая фундаментальные вопросы человеческого бытия, такие «институты “капля за каплей” обеспечивают государству тот его моральный потенциал, который необходим ему для управленческой работы в глобальных масштабах»¹¹. Поэтому нет преувеличения в тезисе о том, что

⁸ Серова О. А. Новая парадигма юридической и этической ответственности в условиях доминирования биотехнологий // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. № 4. С. 54–55.

⁹ Лебедева О. Ю. Юридическая категория «родство» в современном семейном праве // Семейное и жилищное право. 2013. № 3. С. 21–24.

¹⁰ Labrusse-Riou C. La maîtrise du vivant: matière à procès // Pouvoirs. Bioéthique. 1991. № 56. P. 104. URL: <https://revue-pouvoirs.fr/la-maitrise-du-vivant-matiere-a/> (дата обращения: 07.12.2023).

¹¹ Grzybowski K. Soviet Legal Institutions: Doctrines and Social Functions. University of Michigan Press, 1962. P. 15. URL: https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1025&context=michigan_legal_studies (дата обращения: 07.12.2023).

проблема происхождения ребенка естественным образом перекликается с политическими стратегиями государства. Это одна из тех проблем, которые «находятся в системе жизнедеятельности общества в целом и базово ее обеспечивают»¹². Наряду с идеей гетеросексуального брака, равенством полов и бинарным родительством, они отражают семейно-правовой порядок, который государство видит наиболее приемлемым и перспективным.

Симбиотическая связь названных институтов, когда одно определяет другое, указывая на публичные идеалы общественного устройства¹³, позволяет рассуждать о политической высокопоставленности проблемы происхождения ребенка¹⁴. Данный маркер не простая формальность. Он однозначно указывает на то, что исследование, описание и научное объясне-

ние этой проблемы не предполагает простого следования разрозненным медико-биологическим и биомедицинским фактам. В объективном видении вопрос о происхождении ребенка представляет собой совокупность ценностных убеждений¹⁵, политических принципов¹⁶ и решений¹⁷, согласованных с биоэтическими стандартами, выраженную в действующих нормативных решениях (гл. 10 СК РФ).

Так опосредуется публичный интерес к ребенку после факта его рождения в виде «обеспечения его родительским попечением, то есть заботой, содержанием, воспитанием и защитой со стороны конкретных лиц»¹⁸. Но не только это. В условиях, когда смысловое пространство юридической проблемы происхождения ребенка стало бесконтрольно расширяться за счет описания ресурсов репродуктивных био-

¹² Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 37. 33–52.

¹³ В свое время идея о том, что добродетели государства обеспечиваются добродетелями частными, вдохновила составителей Гражданского кодекса Франции 1804 г. на создание отдельных норм о происхождении ребенка. Как указывают европейские историки, именно семья и ее «дух», направленный на солидарность и рождение детей, основывают и поддерживают «дух города». См. об этом: Barret-Kriegel B. *Sphère privée, citoyenneté, démocratie* // Théry I., Biet C. (textes réunis et présentés par) *La famille, la loi, l'État. De la Révolution au Code civil*. Paris : Imprimerie nationale et Centre Georges Pompidou, 1989. P. 147–146. URL: <https://archive.org/details/lafamillelaloile0000cent/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 07.12.2023).

¹⁴ Так, пункт 4 ст. 67.1 Конституции РФ гласит: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения». Пункт «ж.1» ст. 72: защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях. Согласно пп. «в» п. 1 ст. 114 государство гарантирует сохранение традиционных семейных ценностей.

¹⁵ Как отмечено в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, к традиционным семейным ценностям, провозглашаемым Концепцией, относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению (Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.12.2023)).

¹⁶ Путин: пока я президент, у нас не будет «родителя № 1 и № 2», будут папа и мама // Коммерсант. 2020. 13 февр.

¹⁷ В этой связи следует заметить, что биомедицинские репродуктивные исследования вошли в медицину как часть формирования демографической политики. См.: Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

¹⁸ Белова Д. А. Согласие на применение метода искусственной репродукции и его правовое значение для установления происхождения ребенка // Lex russica. 2020. Т. 73. № 8. С. 22.

технологий, печать публичности темы помогает понять, что сам по себе биомедицинский прогресс не выполняет роль той кнопки, которая в режиме автоматического нажатия включает нормативные преобразования.

Признать обратное за счет причисления ценностей биологического происхождения к устаревшим означает не что иное, как движение по пути «аргументов наклонной плоскости» (логическая ошибка, заблуждение)¹⁹. Так на языке моральной философии обозначен теоретический прием, указывающий на шаги в сторону от того, что традиционно рассматривается как безусловная ценность, фундаментальный стержень, на котором основана система убеждений, взглядов и нормативных установлений²⁰. Таких безоглядных теоретических шагов, идущих мимо факта высокопоставленности семейно-правовой проблемы происхождения ребенка, в науке семейного права сделано немало. Вольно или невольно они искажают исторически преемственное, культурное и политическое видение норм и принципов, предпринимавших наполнение и систематику семейно-правовых норм, регулирующих отношения по происхождению ребенка.

Проблема происхождения ребенка в аспекте идентификационных характеристик предмета науки семейного права

Как утверждают философы, контекстуальные объяснения, будь они культурные или политические, — это всего лишь «краткий ход», заполняющий смысловые лакуны, который останавливает описание, ничего не добавляя к имеющемуся знанию²¹. Имея цель привнести необходимые дополнения в уже известное семейно-правовое знание о происхождении ребенка и тем самым

предпринять научную попытку его упорядочить и задать ему научные перспективы, автор обращается к неписаному академическому правилу. Оно гласит, что если серьезная научная проблема потеряла в теоретических перипетиях свои научные перспективы, а ее представители удовлетворены несовершенными решениями, то проблеме следует решать заново.

Семейно-правовая проблема происхождения ребенка, если не подменять ее проблемой *установления* происхождения ребенка, из разряда таких. При всей ее высокопоставленности, на которую автор уже обратил внимание, ей остро недостает целостного и объективного научного описания. Поэтому начинать необходимо сначала.

В своем непререкаемом и заданном значении термин «происхождение» пришел из греческой терминологии, указывая на происхождение как на узы, связывающие родившегося и рожденного. История не стерла с этого термина его классический смысл. Пребывая в разряде специального родственного, он по-прежнему говорит о родстве восходящем, которое приобретает *по рождению* и указывает на то, что ребенок носит статус потомка, представляя будущее тех, кто его породил.

Вопрос о том, что порожденный ребенок «требует признания» в смысле достижения светской, а не только религиозной определенности в том, к кому он будет законно приписан, в Российской империи был впервые поставлен в конце XVIII в.²² Но попытка «сотворить» государевы правила о признании родившегося не состоялась. Для абсолютного большинства населения такие правила значили намного меньше, чем религия, согласно которой признавалось только законное рождение, которое исходит «от брака», и устои патриархальной крестьянской общины.

¹⁹ Аргумент «наклонной плоскости» появился в 80-х гг. XX в. в англоязычной литературе, исследующей биоэтические проблемы современной медицины. См. об этом: *Beauchamp T. L., Childress J. F. Principles of Biomedical Ethics. 6th ed. Oxford : Oxford Univ. Press, 2009. P. 216.*

²⁰ Суть этого приема в рискованности, ведущей к неизбежному «подскальзыванию», которое повлечет за собой негативные, губительные следствия. См.: *Бартко А. Н., Михайловска-Карлова Е. П. Принципы и основные проблемы биомедицинской этики. М. : ММСИ, 1999. С. 168 ; Киселев В. А., Смирнова Т. В. «Наклонная плоскость» и биоэтика: от логики к антропологии // Ценности и смыслы. 2021. № 4 (74). С. 18.*

²¹ *Пантыкина М. И. О том, как написать научный текст: рекомендации Бруно Латура // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 46.*

²² Начертания о приведении к окончанию проекта нового Уложения от 07.04.1768 // Законодательство императора Петра III : 1761–1762. Законодательство императрицы Екатерины II : 1761–1782 годы / сост. и автор вступ. ст. В. А. Томсинов. М. : Зерцало, 2011. XXXII.

Быстрее других европейских стран этот вопрос был решен французским законодателем, перенесшим из закона о престолонаследии среди государей нормы, указывающие на необходимость государственного установления происхождения для всех физических лиц. Эти нормы вошли во Французский гражданский кодекс 1804 г., став тем самым нормами частного порядка, которые получили заметное юридическое значение в том числе и потому, что имели выход в сферу права публичного. По нормам последнего следовало устанавливать законность рождения и отражать эти факты в государственных актах гражданского состояния всех родившихся лиц.

Научная способность к описанию того, что нормы о происхождении фиксируют последствия человеческого воспроизводства по законам биологии, появилась позднее — в конце XIX в. Это было время, когда классическая антропология предметно озаботилась не только фактами, но и знаниями о природном происхождении ребенка. Появление этих знаний стало показателем морального, политического, культурного и социального движения в сторону прогресса и цивилизации. Как отметили уже современные антропологи, с позиции эволюционного подхода разница между варварством и цивилизацией наиболее точно фиксируется именно в способности науки описать природное происхождение ребенка, это свидетельство триумфа интеллекта и рассудка над инстинктами, животностью и дикостью²³.

В российское семейное законодательство практика нормативного регулирования отношений по происхождению ребенка пришла после революции одновременно с отменой древнего различия между законным (благочестивым) и естественным (позорным) происхождением в 1918 г. Ценой неимоверных потрясений и за счет вынужденного «ослабления цепей брака» (И. В. Славин, 1922) были определены границы действия норм о происхождении ребенка — от факта действительного происхождения до государственной регистрации установленного происхождения (ст. 18, 133 КоАБСО РСФСР 1918 г.). В этих границах впоследствии и происходили последующие уточняющие изменения — указание на действительное происхождение было заменено на происхождение кровное (ст. 25

КоБСО РСФСР 1926 г.), на смену правилу нескольких отцов (ст. 144 КоАБСО РСФСР 1918 г.) пришло правило единственного отца (ст. 32 КоБСО РСФСР 1926 г.). Одновременно с этим неспешно эволюционировали презумпции отцовства. По примеру других стран они помогали устроить биологическое отцовство «вымышленным образом во благо социального порядка»²⁴.

К моменту принятия КоБС РСФСР 1969 г. институт происхождения ребенка уже был представлен в трехмерном формате, все части которого тесно взаимосвязаны: факт деторождения — идентификация родителей по закону — наделение родителей правами и обязанностями по итогам государственной регистрации. Это нашло свое выражение в ст. 47 КоБС РСФСР 1969 г., согласно которой «взаимные права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке». В нормах действующего СК РФ эта норма осталась без какого-либо изменения (ст. 47). Лишним оказался только термин «взаимные».

На протяжении следующих трех десятилетий нормы о происхождении ребенка представляли собой законодательно и научно стабильный институт. Необходимые презумпции и фикции, направляющие порядок родительского признания, постепенно устоялись и обрели относительную теоретическую бесспорность. Опекающая этот институт социалистическая мораль, гласно и негласно напоминавшая о том, что семья — это ячейка общества и обществу безразлично, как эта ячейка создается, воспроизводит себя и воспитывает рожденных в ней детей, поддерживала унитарность взглядов на происхождение ребенка.

Вопросами о том, что следует из биологической судьбы, дано природой и физиологически происходит по законам природы, представители советской науки семейного права не задавались. Это и так явно следовало из данных биологической и антропологической наук, ставших во второй половине XX в. ведущими научными дисциплинами и однозначно указывающими на то, что категории родства берут свое начало непосредственно из кровных уз и это вопрос не только научных данных, но и здравого смысла²⁵. Исходя из этого меди-

²³ Franklin S. Op. cit. P. 25.

²⁴ Pedrot P. Les seuils de la vie. Biomédecine et droit du Paris. Odile Jacob, 2010. P. 15.

²⁵ В конце XX в. антропологи англоязычного мира описали такое принятие проблемы, как эффект буквализации, когда ее координаты или точки отсчета берутся от того, что считается само собой разумею-

ко-биологические предпосылки деторождения признавались само собой разумеющимся предпосланием праву. Это исключало риски выхода за пределы семейно-правовых границ проблемы происхождения ребенка, давая правоведам все основания принимать категорию «происхождение ребенка» как неприкасаемую и самоочевидную, однозначно указывающую на то, что происхождение у всех физических лиц одно — кровнобиологическое (природное, физиологическое, плотское, органическое).

Участие законодателя, которому была неведома проблема расщепления отцовства и материнства на биологическое и генетическое, ограничивалось предписанием критериев установления родства «по происхождению» с учетом явности материнского происхождения, презумпции брака и отцовских презумпций. Соответствующим был и категориальный набор, коррелирующий с идеями о семье как ячейке общества и кровнородственном восходящем происхождении ее новых членов, связанных неразрывной и безотзывной родственной связью. Предметный терминологический ряд включал такие однозначные термины, как рождение, ребенок, родители, брак и следующие из него презумпции, материнское происхождение, отцовское происхождение и его презумпции, совместное заявление о добровольном признании отцовства, судебное установление отцовства, запись родителей в книге записей рождения (ст. 47–51 КоБС РСФСР 1969 г.).

Другие категории темы происхождения ребенка, такие как социальное родство, гражданское или приемное родительство (при усыновлении), в теории советского семейного права определялись весьма ограниченно, никак не влияя на оценку порядка, заданного законодательно, и характер семейно-теоретических повествований о происхождении ребенка. Перерождение классической антропологии в антропологию культурную или социальную было еще только впереди. Начавшись в конце XX в., когда стала господствовать двойственная модель родства, разделяющая его социальные и природные элементы, разность, пришедшая в антропологическую интерпретацию родства, не успела тронуть взгляды представителей советской науки семейного права.

Начало XXI в. ознаменовалось тем, что вопрос о происхождении ребенка в науке семейного права перестал быть только вопросом здравого смысла и само собой разумеющегося последовательного бытия классической антропологии, биологии и медицины. Под влиянием биомедицинского бума произошло смешение техно-научных и естественно-биологических представлений о происхождении ребенка. Его итогом стал отказ принимать происхождение ребенка как явление биологическое. В разноотраслевых дискурсах оно стало именоваться «технологизированным, генетизированным, инструментализированным, коммерциализированным, информатизированным»²⁶. Историческое противопоставление гуманитарных наук и природы ушло в прошлое, семейное право осталось один на один с технологическими явлениями, которые прежде для него состояли в разряде антиподов.

Момент смешения совпал с появлением новаторских идей об автономии семьи и отказа жить по семейным стандартам, навязанным обществом. Дискурсы о ценности брачной семьи и ее роли в создании новых поколений, питавших тему происхождения ребенка в советском праве, постепенно иссякли. На смену им пришли неконкретизированные рассуждения о семейных ценностях. Частота этих дискурсов мало отпечаталась на теме происхождения ребенка. К тому моменту, когда традиционные юридические представления, ее направляющие, стали менять свой теоретический курс с биологического на генетический, в копилке наиболее часто обсуждаемых семейных ценностей (брак, семья, семейное воспитание) не нашлось аргументов, которые бы поддержали приоритеты биологического происхождения и не допустили его научного перевода на уровень второзначимого.

Одновременно с этими эффектами обнаружилась и теоретическая неспособность актуализировать те основополагающие идеи, которые исторически лежат в основе обустройства действующих норм о происхождении ребенка. Политические и культурные максимы, которые бы сдерживали, по сути, безоглядный уход в представления о технологизации и генетизации происхождения ребенка, не были своевременно подняты на необходимую доктринальную

щимся. См.: *Strathern M. After Nature: English Kinship in the Late Twentieth Century*. Cambridge University Press, 1992. URL: <https://philpapers.org/rec/STRANE> (дата обращения: 07.12.2023).

²⁶ *Franklin S. Op. cit.* P. 124.

высоту. Предостерегающее суждение ранних антропологов о том, что «физиологическим фактам нет места в юриспруденции... а родство по происхождению должно рассматриваться и пониматься в связи с общим культурным контекстом»²⁷, потеряли свою актуальность. Теоретический путь к противопоставлению биологического происхождения ребенка генетическому, намеренному, конвенционному оказался открытым.

Стандартные юридические правила о происхождении ребенка, устроенные на приоритете естественного биологического происхождения, стали переопределяться по усмотрению конкретного автора. Таким дискретным исследованиям, объединенным целью как можно подробнее описать медико-технологическую фактологию процесса зачатия и тем самым выйти за семейно-правовой горизонт, несть числа. Одни авторы безоглядно погрузились в пересказ биомедицинских новшеств, «не замечая» известного научного и нормативного знания о происхождении ребенка. Другие стали рассуждать о конкуренции биологического и генетического в происхождении ребенка²⁸. Третьи, вслед за либерально настроенными зарубежными авторами, нацеленными на отрицание существующих ценностей, идей и накопленных знаний по проблеме, стали рассуждать о происхождении ребенка в классификационных терминах²⁹.

Самобытность всех этих подходов, не имеющих логической опоры в концептуальных знаниях о происхождении ребенка, привела к вполне предсказуемым последствиям. Сопоставление полученных знаний с нормами действующего семейного законодательства о происхождении ребенка обнаружило их масштабный разрыв. Виновником разрыва был назначен законодатель. Он, согласно убеждению многих авторов, «по множеству вопросов, возникающих в связи с применением вспомогательной репродукции, до сих пор не выработал

четкой и единой позиции»³⁰. Аналитика подобных весьма многочисленных укоров на самом деле обнаруживает намного больше смыслов, указывающих на то, что законодатель использует неподходящие (устаревшие) регулятивные средства, не успевает за прогрессом медицины, не соответствует «ожиданиям тех, кто верит в прогресс биомедицины и искренне стремится стать родителем».

Разрозненные семейно-правовые суждения о том, чего нет в нормах действующего семейного законодательства о происхождении ребенка, но быть непременно должно, снизили градус актуальности семейно-правового знания о биологическом происхождении ребенка. О нем стали вспоминать лишь тогда «когда надо прибегнуть к противопоставлению биологического и генетического»³¹.

Главный же *теоретический* исход изменившихся семейно-правовых представлений о происхождении ребенка выразился в том, что эта юридическая проблема, по сути, лишилась собственного предметного языка (1) и утратила заданные ей историческим и современным законодателем границы — от факта происхождения ребенка до юридической идентификации лиц, от которых он произошел (2). На фоне этих весьма существенных доктринальных потерь семейно-правовая концепция происхождения ребенка стала «сама себя изобретать».

Теоретический формат этого «изобретения» получился размытым. В нем оказалось много от либерального подхода, когда в угоду новому следует отказаться от традиционного и известного знания. Есть и приметы сциентизма, повлиявшего на мировоззренческую позицию немалого числа юридических взглядов на проблему происхождения ребенка, когда «биотехнологии оказываются представленными в качестве универсального инструмента решения не только терапевтических, но и социаль-

²⁷ Malinovskij R. The family among the Australian aborigines; a sociological study : Monograph. Londres : London University Press, 1913. URL: <https://archive.org/details/familyamongaust00mali> (дата обращения: 07.12.2023).

²⁸ Бурмистрова Е. В. Установление происхождения детей при применении искусственных методов репродукции человека // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 4.

²⁹ Лебедева О. Ю. Установление происхождения детей по законодательству Российской Федерации и иностранных государств // Lex russica (Русский закон). 2015. Т. 98. № 1. С. 98 ; Краснова Т. В. Биоэтические предпосылки гражданско-правового положения реципиента в программе донорства ооцитов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 184.

³⁰ Носкова М. С. Проблема легализации метода митохондриальной замены и процедуры установления происхождения детей, рожденных от трех родителей // President Law Journal. 2020. № 2. С. 38.

³¹ Бурмистрова Е. В. Указ. соч. С. 4.

ных проблем»³². Свою лепту внесла и приоритетная сосредоточенность представителей науки семейного права на биомедицинских аргументах с их эмпирическим потенциалом. Этот мировоззренческий и последовавший за ним терминологический переворот в освоении семейно-правовой проблемы происхождения ребенка привнес в ее освоение совсем другую логику. Ту, которая идет вразрез с признанным законом и наглядно структурированным фактом, что область биологического происхождения была и остается основополагающей (ст. 48–53 СК РФ), показывая, что в интересах ребенка происхождение должно быть как можно ближе к природе.

Такая логика, устроенная на «утилитарно понимаемых интересах, которые способствуют нигилистическому отношению к праву и законодательству»³³, оказалась удобной для текущего семейно-правового мышления. Медицинское воображение как итог самоузнавания медицинского права, сенсационная биомедицинская риторика и нетрадиционные, в смысле их правовой встроенности, выводы стали теоретически комфортным занятием. Место важных теоретических обобщений, в рамках которых семейно-правовые следствия выведены из известных теоретико-правовых, а не медико-фактологических посылок и способны стать универсальным знанием для последующих юридических умозаключений по проблеме, оказалось занято другим.

Столь эмпирическая субъективность восприятия проблемы происхождения ребенка привела к тому, что семейно-правовая идентичность этой проблемы, по сути, потеряла свой предметный облик. Научный беспорядок, последовавший за теоретическим повреждением предметных границ темы, не заставил себя ждать. Семейно-правовой дискурс о происхождении ребенка замкнулся на двух составляющих — редких, но весьма категоричных суждениях о несовершенстве брачной и отцовских презумпций. При всей критичности этого направления семейно-правовой мысли, оно, по сути, оказалось той единственной ниточкой, которая продолжает связывать классические

и новые знания о происхождении ребенка. Вторая составляющая — более масштабная и теоретически агрессивная, основанная на примате биомедицинских технологий, где медицинские факты «говорят сами за себя», чаще всего не требуя ни семейно-правовой рефлексии, ни вообще какой-либо юридической аргументации.

Сколько-нибудь заметных попыток вернуть семейно-правовой проблеме происхождения ребенка ее исконные границы, где известной точкой отсчета является такое репродуктивное событие, как рождение ребенка, пока нет, как и стремления прибегнуть к научному синтезу тех разнопредметных знаний, которые эту проблему окружают. Итог такого положения нашел свое выражение в утрате научной чувствительности к ценности тех смыслов, которые определяют устройство действующего института происхождения ребенка и его систематику. Как следствие, непрочитанными оказались и те компромиссы, на которые пошел семейный законодатель, выбирая между постулатами биологического происхождения, благами биомедицинского прогресса и биоэтическими принципами.

По счастью, не все авторы потеряли ощущение предметной принадлежности проблемы происхождения ребенка. Не самые частые суждения о том, что пришло время «законодательно определить такое важное понятие, как происхождение ребенка»³⁴, всё же высказываются. Столь же редки и попытки обсудить проблему происхождения в ракурсе «уважительного отношения к биологическому происхождению».

Последняя предпринята Т. В. Красновой в рамках классификационного видения института происхождения ребенка. Желая избежать «биологической амнезии», автор предложил закрепить «в качестве основного принципа применения вспомогательных репродуктивных технологий приоритет естественного зачатия и вторичность применения ВРТ»³⁵. Индуктивный масштаб этого суждения и несвобода от эффекта медикализации не позволили автору увидеть, что сравнению подлежит то, что на са-

³² Белялетдинов Р. Р. Риски современных биотехнологий: социогуманитарный анализ : монография. М. : 4 Принт, 2019. С. 8.

³³ Серова О. А. Указ. соч. С. 56.

³⁴ Кириченко К. А. Эволюция доктринальных подходов к институту родства в отечественном семейном праве // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2007. Т. 3. № 2. С. 21.

³⁵ Краснова Т. В. Указ. соч. С. 180.

мом деле в рамках описания проблемы происхождения ребенка является несопоставимым — технология зачатия (терапевтический акт) и отношения по происхождению (юридическая и теоретическая конструкция). Эта неточность привела автора к созданию новой конструкции, поименованной как конвенционное происхождение или условное. Как соотносить эту альтернативу с биологическим происхождением, автор умолчал.

Теоретическая мысль о том, что (технологическое) зачатие и проблема происхождения ребенка — это не одно и то же, пока не может быть причислена к разряду научно обжитых, но, как представляется автору, ее следует развивать, аргументировать и уточнять. Идя по этому научному пути, выскажем методологически значимый тезис о том, что в таком предметном вопросе, как происхождение ребенка, семейное право интересует в первую очередь не то, что происходило до рождения ребенка, а то, от чего зависит жизнь *родившегося* ребенка. Правовая логика здесь бесспорна — родителя, который эту жизнь сбережет, делает родителем родившийся ребенок, а не особенности процедур его зачатия и соглашения, при этом заключаемые.

Научная методология в дискурсе о происхождении ребенка как компромисс теоретическим неточностям

Про необходимость расширения философского и социокультурного контекстов современного правоведения, требующего от юристов самоопределения в рамках методологии юриспруденции³⁶, сказано уже не раз. Семейно-правовой проблеме происхождения ребенка такого самоопределения пока недостает. В этом видится причина того, что ее науковедческий статус можно охарактеризовать и как дисциплинарно переполненный, и одновременно как дисциплинарно неполный.

Первое состояние вызвано чрезмерной открытостью представителей науки семейного права к биомедицинскому дискурсу. Итоги этих преувеличений обернулись избыточностью околотематического материала при описании семейно-правового происхождения ребенка. Забыв академический тезис о том, что для научного описания проблемы знание, которого нет

на странице, бывает столь же важно, как и то, что там есть, семейноведы погрузились в описание видов репродуктивных тканей и самих технологий медицинского вмешательства в процесс зачатия. Теоретические заблуждения не заставили себя ждать.

Если говорить о предметной неполноте дискурса о происхождении ребенка, то она столь же очевидна. Начало этой очевидности лежит в отсутствии цельной и полноразмерной концепции происхождения ребенка в науке семейного права. Этот знаниевый недостаток обычно компенсируется копированием медико-социальных фактов, описанием медицинских манипуляций с вкраплением философских категорий «вера» (в силу научно-технологического прогресса), «надежда» (стать родителем) и схематической конструкцией не семейно-правовой принадлежности «родительский проект».

Как заметил И. В. ф. Гете, ошибки мышления признавать труднее, чем ошибки поведения. Мудрость приведенного высказывания в том, что ошибки мышления всё же преодолимы. Для начала их важно осознать и понять пути преодоления. Поэтому кратко, но «поименно» обозначим те неточности, заблуждения и упрощения, которые замкнули семейно-правовую проблему происхождения ребенка на технологических и генетических позициях, лишив ее прошлого при полной неизвестности будущего.

Влияние биомедицинских достижений на семейно-правовой институт происхождения ребенка неизбежно. Но эта аксиома будет верной лишь в том случае, если носители семейно-правового мышления примут за истину тот факт, что вопрос о таком влиянии дихотомичен и состоит из двух отдельных областей рассуждений. Одна область, имея тесную связь с практикой оказания репродуктивной помощи тем, кто признан в ней нуждающимся, характеризуется как терапевтически направленная. На уровне комментариев медицинского законодательства эта практика описана профессионалами в области медицины и медицинского права и доступна всем, кто этим знанием, в том числе в режиме самообразования, интересуется. Для семейно-правового мышления такое знание выполняет роль вспомогательного, а потому далеко не всегда требует неизбежного воспроизведения. Такое знание вспомогательного характера есть в любой научной дисциплине

³⁶ Тарасов Н. Н. Истина в юридическом исследовании (некоторые методологические проблемы) // Академический юридический журнал. 2000. № 1. С. 5.

и в ярких философских метафорах оно давно описано в литературе³⁷.

Вторая область рассуждений о репродуктивном прогрессе для науки семейного права имеет значение с позиций ее предметной заданности. Одной из локальных задач этой науки является объективная оценка, по итогам которой ее представители сформулируют суждения о том, как выглядит семейно-правовой взгляд на последствия применения этих новых технологий. Речь идет именно о семейно-правовых последствиях, а не об описании технологий зачатия и рассуждениях об эмбрионах, их потенциальной жизнеспособности, излишках и процедурах криоконсервации. Как известно, процедуры зачатия, вне зависимости от того, физиологические они или технологические, как и эмбриональная жизнь, никогда не влекли семейного законодателя. Исторически он в этих вопросах старался держаться на расстоянии от философских и религиозных взглядов. И если эти знания и имеют какое-то отношение к законодательству о происхождении ребенка, то лишь в ее самой незначительной части³⁸.

Прямых или косвенных утверждений о том, что действующие нормы о происхождении ребенка «не отвечают новому технологическому времени», высказано немало. Нетрудно заметить, что главный смысл упречности в том и состоит, что законодатель избегает прямого отражения последствий технологического зачатия в нормах о происхождении ребенка. Между тем постановка любого семейно-правового вопроса о «несовершенстве действующих норм о происхождении ребенка» должна быть уравновешена вопросом о том, что можно и нужно изменить в существующей нормативной модели кровнобиологического происхождения ребенка. Ведь она действует, и параллельно идущие с ней многочисленные дискурсы пока не смогли повлиять на законодательный курс. Но таких семейно-правовых суждений, которые, имея соответствующее юридическое подкрепление, могли бы указать на те пункты из норма-

тивно должного, которые устарели, являются пробельными или могут быть признаны необоснованными случаями умышленного законодательного умолчания, нет.

Коль скоро действующая нормативная концепция биологического происхождения ребенка не оспорена, хранит свою правовую жизнеспособность и качество универсальности, значит, ее надлежит учитывать в текущих дискурсах о происхождении ребенка, тщательно считывая то, что ее направляет. В этом считывании должны быть замечены как уже состоявшиеся законодательные компромиссы, так и квалифицированное молчание законодателя, императивные запреты, необходимые ограничения и исключения. Эти научные приемы тоже часть правового регулирования, а потому не являются случайными, законодатель прибегает к ним осознанно.

Так, прием законодательного умолчания присутствует в юридически организованном отказе донора гамет от притязания на родительство. Смысл этого отказа в юридическом приравнивании фактического генетического происхождения к биологическому. Поэтому вслед за медицинским законодательством, где размещены исходные нормы об анонимности постороннего донорства тканей, семейный законодатель исключает фигуру донора из нормативных построений. Случаем законодательного компромисса в виде исключения из общих правил о биологическом происхождении ребенка является правило п. 4 ст. 51 СК РФ, согласно которому приоритет рожавшей матери на родительское признание может быть отменен ее согласием на запись родителями лиц, давших свое согласие на имплантацию эмбриона (п. 4 ст. 51 СК РФ).

Не менее важное методологическое замечание связано с необходимостью блюсти семейно-правовые границы проблемы происхождения ребенка. Нормы, регулирующие порядок установления связи родившегося и рожденного, объединены специальным системообра-

³⁷ Всё то предзнание, которое сопровождает становление научного результата и после отбрасывается на его зрелой стадии, в философии науки получило название строительных лесов. «Строительные леса» — это не есть сама теория, они существенно отличаются от теоретических положений и вместе с тем являются аргументами, неизбежными при становлении и развитии теории. См.: Чудинов Э. М. Строительные леса научной теории и проблема рациональности // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981. С. 365.

³⁸ Об этом еще в начале XX в. рассуждал польский этнограф Б. Малиновский, утверждая, что убеждения о зачатии и убеждения о происхождении — это не одно и то же, значимость убеждений о зачатии — это удел социологов (*Malinowski B. Op. cit.*).

зующим термином «происхождение». В группе родственных терминов он является термином локального значения, придающим ограниченной группе семейно-правовых норм собственный юридический смысл. Этот самый смысл берет свое начало от родившегося ребенка, для выживания которого, защиты его интересов и благополучия законодатель определяет будущее поведение родителей, наделяя их по закону исключительными родительскими правами.

Заключение

Возможности биомедицинской реконструкции репродуктивных возможностей человека, вошедшие в терапевтическую практику медицины, существенно повлияли на юридические представления о происхождении ребенка. Но это совсем не значит, что технологический переворот в репродукции предполагает нормативный отказ от биологического происхождения

или с необходимостью влечет за собой указание на разные виды происхождения.

Для того чтобы признать, что разные способы технологического зачатия не отменяют аксиомы о том, что происхождение по закону у всех одно — биологическое, надлежит создать дополнительный слой знаний. Тот слой, который позволит объективно описать и вписать новые обстоятельства репродуктивного процесса в известную и не утратившую своей актуальности нормативную концепцию биологического происхождения ребенка, не искажая при этом ее культурных и политических концептов.

Недостаток такого семейно-правового знания рождает ложное представление о том, что действующие нормы о происхождении ребенка имеют пробелы, преодолением которых законодатель не занимается. Настоящая статья — один из кирпичиков, которые закладывают этот дополнительный слой не просто знания о том, что сегодня есть нового в репродуктивном поведении, а знания семейно-правового.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антокольская М. В. Семейное право. М. : Юристъ, 1996. 366 с.
- Бартко А. Н., Михайловска-Карлова Е. П. Принципы и основные проблемы биомедицинской этики. М. : ММСИ, 1999. 275 с.
- Белова Д. А. Согласие на применение метода искусственной репродукции и его правовое значение для установления происхождения ребенка // Lex russica. 2020. Т. 73. № 8. С. 21–31.
- Беляетдинов Р. Р. Риски современных биотехнологий: социогуманитарный анализ : монография. М. : 4 Принт, 2019. 212 с.
- Бурмистрова Е. В. Установление происхождения детей при применении искусственных методов репродукции человека // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 4–6.
- Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко ; под науч. ред. С. Гавриленко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 3-е изд. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 336 с.
- Законодательство императора Петра III : 1761–1762. Законодательство императрицы Екатерины II : 1761–1782 годы / сост. и автор вступ. статей В. А. Томсинов. М. : Зерцало, 2011. XXXII, 336 с.
- Кириченко К. А. Эволюция доктринальных подходов к институту родства в отечественном семейном праве // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2007. Т. 3. № 2. С. 18–27.
- Киселев В. А., Смирнова Т. В. «Наклонная плоскость» и биоэтика: от логики к антропологии // Ценности и смыслы. 2021. № 4 (74). С. 15–27.
- Краснова Т. В. Биоэтические предпосылки гражданско-правового положения реципиента в программе донорства ооцитов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 177–192.
- Лебедева О. Ю. Установление происхождения детей по законодательству Российской Федерации и иностранных государств // Lex russica (Русский закон). 2015. Т. 98. № 1. С. 96–103.
- Лебедева О. Ю. Юридическая категория «родство» в современном семейном праве // Семейное и жилищное право. 2013. № 3. С. 21–24.
- Михайлова И. А. Законодательство, регламентирующее установление происхождения детей, нуждается в корректировке // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 2. С. 17–20.
- Носкова М. С. Проблема легализации метода митохондриальной замены и процедуры установления происхождения детей, рожденных от трех родителей // President Law Journal. 2020. № 2. С. 37–43.

Пантыкина М. И. О том, как написать научный текст: рекомендации Бруно Латура // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 41–47.

Серова О. А. Новая парадигма юридической и этической ответственности в условиях доминирования биотехнологий // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. № 4. С. 48–64.

Сухарева Е. Р. Проблемы правового регулирования происхождения ребенка в условиях применения репродуктивных технологий: реалии времени и христианские ценности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2018. Т. 43. № 1. С. 155–160.

Тарасов Н. Н. Истина в юридическом исследовании (некоторые методологические проблемы) // Академический юридический журнал. 2000. № 1. С. 4–15.

Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 33–52.

Чудинов Э. М. Строительные леса научной теории и проблема рациональности // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981. С. 361–380.

Barret-Kriegel B. Sphère privée, citoyenneté, démocratie // Théry I., Biet C. (textes réunis et présentés par) La famille, la loi, l'État. De la Révolution au Code civil. Paris : Imprimerie nationale et Centre Georges Pompidou, 1989. P. 147–146. URL: <https://archive.org/details/lafamillelaloile0000cent/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 07.12.2023).

Beauchamp T. L., Childress J. F. Principles of Biomedical Ethics. 6th ed. Oxford : Oxford Univ. Press, 2009. 417 p.

Engelhardt T. Bases de la bioéthique. New York : Oxford University Press, 1986. URL: <https://archive.org/details/foundationsofbio0000enge> (дата обращения: 07.12.2023).

Franklin S. Embodied Progress: a cultural account of assisted conception. London : Routledge, 1997. URL: <https://archive.org/details/embodiedprogress0000fran> (дата обращения: 02.06.2023).

Grzybowski K. Soviet Legal Institutions: Doctrines and Social Functions. University of Michigan Press, 1962. 285 p. URL: https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1025&context=michigan_legal_studies (дата обращения: 07.12.2023).

Labrusse-Riou C. La maîtrise du vivant: matière à procès // Pouvoirs. Bioéthique. 1991. № 56. P. 87–107. URL: <https://revue-pouvoirs.fr/la-maitrise-du-vivant-matiere-a/> (дата обращения: 07.12.2023).

Malinovskij R. The family among the Australian aborigines; a sociological study : Monograph. Londres : London University Press, 1913. URL: <https://archive.org/details/familyamongaust00mali> (дата обращения: 07.12.2023).

Pedrot P. Les seuils de la vie. Biomédecine et droit du Paris. Odile Jacob, 2010. 185 p.

Strathern M. After Nature: English Kinship in the Late Twentieth Century. Cambridge University Press, 1992. URL: <https://philpapers.org/rec/STRANE> (дата обращения: 07.12.2023).

Warnock M. A. Question of Life: The Warnock Report on Human Fertilisation and Embryology. New York : Basil Blackwell, 1985. URL: <https://archive.org/details/questionoflifewa0000warn> (дата обращения: 07.12.2023).

REFERENCES

Antokolskaya MV. Family law. Moscow: Jurist Publ.; 1996. (In Russ.).

Bartko AN, Mikhailovskaya-Karlova EP. Principles and main problems of biomedical ethics. Moscow: MMSI Publ.; 1999. (In Russ.).

Belova DA. Consent to the use of artificial reproduction and its legal significance for establishing the origin of the child. *Lex russica*. 2020;73(8):21-31. (In Russ.).

Belyaletdinov RR. Risks of modern biotechnologies: socio-humanitarian analysis. Moscow: 4 Print Publ.; 2019. (In Russ.).

Burmistrova EV. Establishing the origin of children when using artificial methods of human reproduction. *Family and Housing Law*. 2013;2:4-6. (In Russ.).

Giddens E, Sutton F. Basic concepts in sociology. Tr. from Eng. by Rozhdestvenskaya E. National research. Higher School of Economics Univ. 3rd ed. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2021. (In Russ.).

Tomsinov VA. Legislation of Emperor Peter III: 1761–1762. Legislation of Empress Catherine II: 1761–1782. XXXII. Moscow: Zertsalo Publ.; 2011. (In Russ.).

Kirichenko KA. The evolution of doctrinal approaches to the institution of kinship in domestic family law. *Vestnik NSU. Series «Law»*. 2007;3(2):18-27. (In Russ.).

- Kiselyov VA, Smirnova TV. «Slippery slope» and bioethics: from logic to anthropology. *Tsenosti i smysly = Values and Meanings*. 2021;4(74):15-27. (In Russ.).
- Krasnova TV. Bioethical prerequisites of the recipient's civil status in the oocyte donation program. *Tomsk State University Journal. Law*. 2022;45:177-192. (In Russ.).
- Lebedeva OYu. Certain problems of deducing the progeny of children under the legislation of the Russian Federation and foreign countries. *Lex russica*. 2015;98(1):96-103. (In Russ.).
- Lebedeva OYu. The legal category of «kinship» in modern family law. *Family and Housing Law*. 2013;3:21-24. (In Russ.).
- Mikhailova IA. The legislation regulating establishment of the origin of children needs to be adjusted. *Issues of Juvenile Justice*. 2009;2:17-20. (In Russ.).
- Noskova MS. The problem of the legalization of mitochondrial replacement therapy and the procedure of determining the origin of children born of three parents. *President Law Journal*. 2020;2:37-43. (In Russ.).
- Pantukina MI. About how to write a scientific text: Bruno Latour's recommendations. *Bulletin of Samara State Technical University. Series «Philosophy»*. 2023;5(1):41-47. (In Russ.).
- Serova OA. A new paradigm of legal and ethical responsibility in the context of the dominance of biotechnology. *Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2022;4:48-64. (In Russ.).
- Sukhareva ER. Problems of legal regulation of the child's origin in the context of the use of reproductive technologies: the realities of the time and Christian values. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series «Philosophy. Sociology and Law.»* 2018;43(1):155-160. (In Russ.).
- Tarasov NN. Truth in Legal research (some methodological problems). *Academic Law Journal*. 2000;1:4-15. (In Russ.).
- Tarusina NN. Family values under the auspices of law: the new in tradition and tradition in the new. *Lex russica*. 2023;76(1):33-52. (In Russ.).
- Chudinov EM. Scaffolding of scientific theory and the problem of rationality. In: The ideals and norms of scientific research. Minsk; 1981. (In Russ.).
- Barret-Kriegel B. Sphère privée, citoyenneté, démocratie. In: Théry I, Biet C. (textes réunis et présentés par) La famille, la loi, l'État. De la Révolution au Code civil. Paris: Imprimerie nationale et Centre Georges Pompidou; 1989. (In Fr.). Available at: <https://archive.org/details/lafamillegalile0000cent/page/n7/mode/2up> (Accessed 07.12.2023).
- Beauchamp TL, Childress JF. Principles of Biomedical Ethics. 6th ed. Oxford: Oxford Univ. Press; 2009.
- Engelhardt T. Bases de la bioéthique. New York: Oxford University Press; 1986. Available at: <https://archive.org/details/foundationsofbio0000enge> (Accessed 07.12.2023).
- Franklin S. Embodied Progress: a cultural account of assisted conception. London: Routledge, 1997. Available at: <https://archive.org/details/embodiedprogress0000fran> (Accessed 07.12.2023).
- Grzybowski K. Soviet Legal Institutions: Doctrines and Social Functions. Soviet Legal Institutions: Doctrines and Social Functions. University of Michigan Press; 1962. Available at: https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1025&context=michigan_legal_studies (Accessed 07.12.2023).
- Labrusse-Riou C. La maîtrise du vivant: matière à procès. Pouvoirs. Bioéthique. 1991;56:87-107. Available at: <https://revue-pouvoirs.fr/la-maitrise-du-vivant-matiere-a/> (Accessed: 07.12.2023).
- Malinovskij R. The family among the Australian aborigines; a sociological study: Monograph. Londres: London University Press; 1913. Available at: <https://archive.org/details/familyamongaust00mali> (Accessed 07.12.2023).
- Pedrot P. Les seuils de la vie. Biomédecine et droit du Paris. Odile Jacob; 2010.
- Strathern M. After Nature: English Kinship in the Late Twentieth Century. Cambridge University Press, 1992. Available at: <https://philpapers.org/rec/STRANE> (Accessed: 07.12.2023).
- Warnock MA. Question of Life: The Warnock Report on Human Fertilisation and Embryology. New York: Basil Blackwell; 1985. Available at: <https://archive.org/details/questionoflifewa0000warn> (Accessed 07.12.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комиссарова Елена Генриховна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры гражданского права и процесса Тюменского государственного университета
д. 15, Букирева ул., г. Пермь 614919, Российская Федерация
eg-komissarova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena G. Komissarova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Perm State National Research University; Professor, Department of Civil Law and Procedure, Tyumen State University, Perm, Russian Federation
eg-komissarova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 20 сентября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 13 декабря 2023 г.

Принята к печати 16 января 2024 г.

Received 20.09.2023.

Revised 13.12.2023.

Accepted 16.01.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.038-048

Е. С. Батусова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация

О необходимости гармонизации законодательства о труде фармацевтических работников государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС)

Резюме. Статья посвящена актуальным проблемам правового регулирования труда фармацевтических работников как на уровне международных правовых актов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), так и на уровне национального законодательства государств-членов. Этими проблемами являются отсутствие единого комплексного подхода к регламентации труда фармацевтических работников в международно-правовых актах и ее фрагментация. Всё это приводит к снижению эффективности правового регулирования данных категорий субъектов трудового права. Ситуация порождает наличие двух диалектически взаимосвязанных тенденций на уровне ЕАЭС: с одной стороны, в международно-правовых актах о рынке лекарств этой организации присутствуют нормы, которые регулируют труд фармацевтических работников, но, с другой стороны, данные нормы не охватывают все аспекты трудовой деятельности фармацевтических работников. Решение этой проблемы видится в изменении международных правовых актов ЕАЭС о рынке лекарств посредством включения в них норм о труде фармацевтических работников, рассматриваемых в единой системе и в тесной взаимосвязи с фармацевтической деятельностью. Подобное возможно посредством анализа, а в дальнейшем и использования позитивного правового опыта по вопросам труда фармацевтических работников в странах ЕАЭС для разработки отдельных разделов международных правовых актов ЕАЭС в сфере регламентации рынка лекарственных средств (в форме приложений к ним).

Ключевые слова: фармацевтические работники; Евразийский экономический союз; трудовые отношения; права и обязанности; правовой статус фармацевтического работника; международные правовые акты

Для цитирования: Батусова Е. С. О необходимости гармонизации законодательства о труде фармацевтических работников государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 2. С. 38–48. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.038-048

The Need to Harmonize the Labor Legislation of Pharmaceutical Workers of the Member States of the Eurasian Economic Union (EAEU)

Ekaterina S. Batusova

National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to topical issues of legal regulation of the work of pharmaceutical workers both at the level of international legal acts of the Eurasian Economic Union (EAEU) and at the level of national legislation of the member states. These problems include the lack of a uniform integrated approach to the regulation of the work of pharmaceutical workers in international legal acts and its fragmentation. This leads to a decrease in the effectiveness of legal regulation of these categories of subjects of labor law. The situation gives rise to two dialectically interrelated trends at the EAEU level. On the one hand, international legal acts on the drug market

© Батусова Е. С., 2024

of this organization contain norms that regulate the work of pharmaceutical workers. On the other hand, these norms do not cover all aspects of the work of pharmaceutical workers. The solution to this problem is seen in changing the international legal acts of the EAEU on the drug market by stipulating the norms regulating the work of pharmaceutical workers, considered in a single system and in close relationship with pharmaceutical activities. This is possible through the analysis, and in the future, the use of positive legal experience in regulating the labor of pharmaceutical workers in the EAEU countries to develop separate sections of the international legal acts of the EAEU in the field of regulation of the pharmaceutical market (in the form of appendices thereto).

Keywords: pharmaceutical workers; Eurasian Economic Union; labor relations; rights and obligations; legal status of a pharmaceutical worker; international legal acts

Cite as: Batusova ES. The Need to Harmonize the Labor Legislation of Pharmaceutical Workers of the Member States of the Eurasian Economic Union (EAEU). *Lex russica*. 2024;77(2):38-48. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.038-048

Введение

В современных условиях фармпроизводители и аптеки стран ЕАЭС обращают внимание на кадровый голод и потерю престижа профессии фармацевта¹. Одной из составляющих фармацевтической безопасности является обеспеченность отрасли кадрами, поэтому необходимо решать вопрос нехватки работников, устанавливая общие для региона стандарты труда.

Углубление интеграционных процессов в ЕАЭС определяет необходимость оптимизации правового регулирования рынка лекарств, что невозможно без совершенствования условий труда фармацевтов как важных субъектов данного рынка.

Мы согласны, что требуется «проработка вопросов кооперации производителей госу-

дарств — членов ЕАЭС... в том числе в формах совместных предприятий»², «главные проблемы, с которыми сталкивается российская фармацевтическая отрасль:... недостаток квалифицированных специалистов»³, важно «создание единого фармацевтического пространства внутри ЕАЭС с едиными правилами для всех стран-участниц»⁴.

А. А. Мохов считает, что «необходима разработка на национальном уровне концепции правового регулирования медицинской деятельности»⁵, также она важна для фармацевтической деятельности, включая закрепление правового статуса фармацевтов. Разработка единой концепции ЕАЭС поможет сформировать механизм фармацевтической безопасности региона с общими требованиями к качеству лекарственной продукции и подходами к регулированию труда.

¹ См.: Манукиян Е. Каждая третья аптека в стране столкнулась с дефицитом провизоров и фармацевтов // URL: <https://rg.ru/2023/09/20/kazhdaia-tretia-apteka-v-strane-stolknulas-s-deficitom-provizorov-i-farmaceutov.html?ysclid=lnuxdxhu54272052018> (дата обращения: 18.10.2023) ; В России пожаловались на масштабный дефицит фармацевтов // URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/27/farma/?ysclid=lnuxibszh5446211644> (дата обращения: 18.10.2023) ; Власова И. Дефицит фармспециалистов: как преодолеть кадровый голод? // URL: <https://lekoboz.ru/farmrynok/defitsit-farmspetsialistov-kak-preodolet-kadrovyy-golod?ysclid=lnuy1l7c60799851679> (дата обращения: 18.10.2023) ; Почему не хватает фармацевтов. Беларусь сегодня // URL: <https://www.sb.by/articles/nastroyka-aptechnykh-vesov-166814.html?ysclid=lnuy7gym61634127900> (дата обращения: 18.10.2023) ; HR-вызовы для фарминдустрии // URL: <https://biz.kz/hr-vyzovy-dlya-farmindustrii/?ysclid=lnuyboyqby64320927> (дата обращения: 18.10.2023).

² Еликбаев К. Н., Дятлова М. И. Общий рынок лекарственных средств ЕАЭС: анализ текущего состояния и проблем развития // Фундаментальные исследования. 2022. № 3. С. 51.

³ См.: Ворона А. А., Губина М. А. Фармацевтический рынок ЕАЭС: тенденции и перспективы развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 4. С. 45 ; Евстратов А. В. Основные тенденции и перспективы развития фармацевтического рынка в Российской Федерации : монография. Волгоград : ВолгГТУ, 2018.

⁴ См.: Иванова С. В., Ерганжиев М. А., Мурашова С. В. Роль интеллектуальной собственности в инновационной деятельности российских фармацевтических предприятий // Экономика. Право. Инновации. 2022. № 4. С. 45.

⁵ Мохов А. А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4. С. 93–104.

В 2021 г. был принят План мероприятий по повышению уровня обеспеченности государств — членов ЕАЭС стратегически важными лекарственными препаратами и фармацевтическими субстанциями на период до 2024 года⁶. Согласно этому плану должен быть сформирован механизм поддержки кооперационных проектов, функционирование которых требует работников. В 2023 г. в России принята Стратегия развития фармацевтической промышленности на период до 2030 года⁷, где установлены требования к механизму контроля производства на территории ЕАЭС и обязательность правил надлежащей производственной практики. Осуществление контроля возможно только при обеспечении стабильности трудовых ресурсов. Целью Стратегии является усиление фармацевтической безопасности, достижение почти 70 % обеспеченности России своими лекарствами и их высокого качества⁸, что невозможно без кооперации в ЕАЭС.

Можно констатировать наличие тенденции развития правового регулирования труда фармацевтов на уровне ЕАЭС. Она появилась в 2016 г.⁹ и находит свою реализацию в настоящее время в решениях Совета Евразийской экономической комиссии 2023 г. Остановимся на последних изменениях в регулировании фар-

мацевтической деятельности в ЕАЭС. Так, в феврале 2023 г. были скорректированы Правила проведения исследований биоэквивалентности лекарственных препаратов в рамках Евразийского экономического союза¹⁰ в части требований к привлечению к исследованиям только опытных работников, имеющих специальную подготовку; в июле 2023 г. были внесены изменения в правила надлежащей производственной практики¹¹ в части требований к предварительному обучению персонала, проводящего квалификационные мероприятия, помещениям и оборудованию как составляющим охраны труда, в части разработки фармацевтической системы качества для обеспечения контроля, привлечения персонала для понимания стадий проверки, протоколирования проверок; в том же месяце были изменены и правила фармацевтических инспекций¹² в части проведения собеседования с работниками посредством дистанционных технологий.

Таким образом, ужесточаются требования к работникам, что должно компенсироваться улучшением условий труда. А. Филиппова считает, что «трудовой процесс стал занимать значительно больше времени... вследствие этого многие уходят из профессии»¹³, что нельзя допустить.

⁶ Распоряжение Евразийского межправительственного совета от 19.11.2021 № 23 «Об утверждении плана мероприятий по повышению уровня обеспеченности государств — членов Евразийского экономического союза стратегически важными лекарственными препаратами и фармацевтическими субстанциями для медицинского применения, производство которых должно быть обеспечено в Евразийском экономическом союзе, до 2024 года» // URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 18.10.2023).

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 07.06.2023 № 1495-р // СЗ РФ. 2023. № 26. Ст. 4827.

⁸ Мануйлова А. Таблеткам добавляют суверенитета. Правительство утвердило стратегию «Фарма-2030» // Коммерсантъ. 20 июня 2023 г. № 108. С. 2. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6054638> (дата обращения: 18.10.2023).

⁹ В ряде решений 2016 г. Совета Евразийской экономической комиссии присутствовали нормы о фармацевтах, например: важность информирования пациентов фармацевтами (Решение Совета ЕЭК от 03.11.2016 № 88); получение информации о безопасности и минимизации рисков в фарминдустрии (Решение Совета ЕЭК от 03.11.2016 № 87); учет исследуемых препаратов аптечным работником в исследовательском центре (Решение Совета ЕЭК от 03.11.2016 № 79).

¹⁰ Решение Совета ЕЭК от 15.02.2023 № 22 «О внесении изменений в Правила проведения исследований биоэквивалентности лекарственных препаратов в рамках Евразийского экономического союза» // URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 18.10.2023).

¹¹ Решение Совета ЕЭК от 04.07.2023 № 76 «О внесении изменений в Правила надлежащей производственной практики Евразийского экономического союза» // URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 18.10.2023).

¹² Решение Совета ЕЭК от 04.07.2023 № 74 «О внесении изменений в Правила проведения фармацевтических инспекций» // URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 18.10.2023).

¹³ Филиппова А. Современный фармспециалист перегружен. Интервью о кадровых проблемах российской фармации: «гонке за баллами» НМИФО, невыгодном положении провизоров и оттоке опытных спе-

Пока Правила надлежащей производственной практики ЕАЭС¹⁴ имеют только отсылки к профессиональным требованиям, без конкретизации. Установление общего подхода с закреплением единого стандарта для работников отрасли позволит обеспечить стабильность рынка труда.

Можно утверждать, что проблема его отсутствия на уровне ЕАЭС имеет две формы: фрагментарность правового регулирования труда фармацевтических работников и отсутствие тесной взаимосвязи с фармацевтическими практиками. Это снижает эффективность рынка лекарственных средств ЕАЭС.

Полагаем, что необходимо принять приложение к Соглашению о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках ЕАЭС¹⁵ или доработать Правила надлежащей производственной практики ЕАЭС, где закрепить специальный правовой статус фармацевтов, основные права, обязанности, гарантии и льготы. Единый правовой статус важен для обеспечения качественной работы, эффективной экономики здравоохранения, снижения рисков, связанных с состоянием здоровья населения стран ЕАЭС. Принятие стандарта труда на уровне решения Совета ЕЭК послужит гарантией соблюдения прав фармацевтов в странах-членах.

Разрабатывая стандарт, можно взять за основу Правила надлежащей аптечной практики лекарственных препаратов для медицинского применения России¹⁶, так как в данном нормативном правовом акте реализован системный подход в сфере аптечной практики, неотъем-

лемым элементом которой является правовое регулирование труда фармацевтов.

Охарактеризуем нормативные правовые акты стран ЕАЭС о труде данных работников, которые, несмотря на общность подходов, имеют ряд особенностей.

К общему можно отнести: закрепление прав и обязанностей, наличие специальных требований к допуску к профессии, образованию, здоровью, соблюдению деонтологии и фармацевтической этики.

Особенное состоит:

- в разных подходах к детальности закрепления признаков понятия «фармацевтический работник»;

- специфике закрепления прав и обязанностей фармацевтических работников;

- внедрении аккредитации фармацевтических работников только в ряде стран ЕАЭС.

Надлежащая аптечная практика

В государствах ЕАЭС принимаются правила надлежащей практики. Например, в России утверждены Правила надлежащей аптечной практики лекарственных препаратов для медицинского применения, в Казахстане — надлежащие фармацевтические практики¹⁷, в Киргизии и Беларуси — Правила надлежащей аптечной практики¹⁸, так же¹⁹.

В данных актах пока четко не закреплён единый унифицированный трудово-правовой статус.

Отсутствие общего подхода к регулированию труда фармацевтов в ЕАЭС связано и

циалистов // URL: https://www.katrenstyle.ru/expert_interview/sovremennyy_farmspetsialist_peregruzhen (дата обращения: 01.09.2023).

¹⁴ Решение Совета ЕЭК от 03.11.2016 № 77 // URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 18.10.2023).

¹⁵ Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза // СЗ РФ. 2016. № 20. Ст. 2776.

¹⁶ Приказ Минздрава РФ от 31.08.2016 № 647н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201701090003?index=1&ysclid=lnxqulz2zf402005358>. 9 января 2017 г. (дата обращения: 18.10.2023).

¹⁷ URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/dkmfk-aktobe/documents/details/449205?lang=ru&ysclid=lnxr41kvf7804461229> (дата обращения: 18.10.2023).

¹⁸ Постановление Правительства Кыргызской Республики (КР) от 06.04.2011 № 137 «Об утверждении Технического регламента “О безопасности лекарственных средств для медицинского применения”» // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/92701?ysclid=lnxr75nims380047918> (дата обращения: 18.10.2023).

¹⁹ Постановление Минздрава Республики Беларусь (РБ) от 27.12.2006 № 120 «Об утверждении надлежащей аптечной практики» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2007. № 28. 8/15774. URL: https://minzdrav.gov.by/upload/lcfiles/000127_976600_N120_20062008.pdf?ysclid=lnxr9ok2s5298426750 (дата обращения: 18.10.2023).

с тем, что в одних государствах они воспринимаются как специальная группа работников в сфере здравоохранения или как подгруппа медработников. Зачастую в актах об охране здоровья граждан закрепляется правовой статус, идентичный статусу медработников. Обратимся к специальным источникам права. Например, аптечная практика неоднократно была предметом научного исследования²⁰.

Остановимся на содержании рассматриваемых практик. Например, в России одной из целей является повышение персональной ответственности, проведение работодателем контроля качества выполнения работы²¹. Уточняются требования в части документооборота контроля качества, проверки наличия правил внутреннего трудового распорядка, должностных инструкций и порядка ознакомления с ними, журналов инструктажа по охране труда. Таким образом, изучается соблюдение норм охраны труда, закрепление прав и обязанностей фармацевтов в локальных нормативных актах. Помимо этого, для более детального регулирования статуса фармацевтов установлены требования к руководителю розничной торговли лекарствами, введена отдельная глава о персонале.

В Казахстане закреплены развернутые требования к руководству и работникам испытательной лаборатории, отдельно выделен персонал, отвечающий за обеспечение качества²².

В Киргизии надлежащая производственная практика — это часть управления качеством²³, при этом отсутствуют требования к персоналу для обеспечения качества производства. В законе республики об обращении лекарственных средств установлено повышение квалификации, лицензирование фармацевтической деятельности²⁴, в других актах — только требования к фармацевтическим инспекторам, их обучению, стажу, квалификации, фиксации изменений персонала, наблюдению за рабочим местом²⁵. Таким образом, в этой стране в данном виде актов отсутствуют специальные требования к фармацевтам, на практике «имеются многочисленные факторы, способствующие неэтичному продвижению на рынок лекарственных препаратов»²⁶.

Ученые обращают внимание, что «соблюдение трудового законодательства позволяет фармацевтическим компаниям повысить рыночную устойчивость»²⁷, следовательно, необходима унификация трудового статуса на наднациональном уровне для улучшения правового положения работников.

В Беларуси установлены требования в части оборудования и инвентаря²⁸, наличия рабочих инструкций и стандартных операционных процедур, реализации лекарственного ассортимента только работниками аптек с фармацевтическим образованием.

В Армении в порядке лицензирования в части аптечной практики закреплена проверка

²⁰ Баранов Д. Е., Чеснокова Н. Н. Надлежащая аптечная практика: организационный и правовой аспекты // Ремедиум Приволжье. 2017. № 3 (153). С. 6–8.

²¹ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201701090003?index=1&ysclid=lnxqulz2zf402005358> (дата обращения: 18.10.2023).

²² URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/dkmfk-aktobe/documents/details/449205?lang=ru&ysclid=lnxr41kvf7804461229> (дата обращения: 18.10.2023).

²³ URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/11979?ysclid=lnxro5boeo552681208> (дата обращения: 01.09.2023).

²⁴ Закон КР от 02.08.2017 № 165 «Об обращении лекарственных средств» // Эркин-Тоо. № 93 (2818).

²⁵ URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/158954?ysclid=lnxrpv29uq735014724> (дата обращения: 18.10.2023).

²⁶ Зурдинова А. А. Проблемы продвижения лекарственных средств в Кыргызской Республике // Обзоры по клинической фармакологии и лекарственной терапии. 2018. Т. 16. № 3. С. 58.

²⁷ Муратова Н. П. Совершенствование системы управления фармацевтическим персоналом в аптечных организациях Кыргызской Республики : автореф. дис. ... канд. мед. наук. Бишкек, 2011. URL: <https://elib.amu.kz/ru/lib/document/KNIGA/C81B0E64-4EDA-4903-9536-F80F581FA8C0/> (дата обращения: 18.10.2023).

²⁸ Постановление Минздрава РБ от 27.12.2006 № 120 «Об утверждении надлежащей аптечной практики» // Национальный реестр правовых актов РБ. 2007. № 28. 8/15774. URL: https://minzdrav.gov.by/upload/lcfiles/000127_976600_N120_20062008.pdf?ysclid=lnxsicbdwx927812835 (дата обращения: 18.10.2023).

квалификации работников²⁹, однако без конкретных требований.

Можно сделать вывод, что надлежащие практики разработаны не во всех странах ЕАЭС. Разработанные практики (Россия, Беларусь, Казахстан) содержат довольно развернутые требования к персоналу, но нельзя сказать, что для этих стран характерен единый подход. В Армении и Киргизии в актах по лицензированию и оценке качества лекарственных средств присутствует только упоминание о наличии требований.

Закрепление понятия

«фармацевтический работник»

В России понятие закреплено путем фиксации нескольких признаков. Их можно разделить на группы: требование к образованию, место работы, вид договора, перечень трудовых обязанностей. Если рассматривать обязанности, то они связаны с лекарственными средствами и препаратами. Местом работы могут быть организации, занимающиеся оптовой торговлей, аптечные организации, индивидуальные предприниматели в сфере фармацевтической деятельности³⁰.

В Беларуси уточняется необходимое образование³¹. При этом не перечислены обязанности работника, закреплена только сфера деятельности — обращение фармсредств (лекарств, фармацевтических субстанций, растительного сырья). Фармацевты отнесены к работникам здравоохранения, в отличие от иных лиц, работающих в отрасли. Основной признак группы — замещение должности. Таким образом, в этой стране понятие содержит больше признаков.

В Киргизии понятие не закреплено, но выводится из статуса, требования к образованию и квалификации, месту работы (организация здравоохранения), физическое лицо может иметь и частную практику³².

Закон Республики Армения о лекарственных средствах устанавливает два вида фармработников: фармаколог и фармацевт. Анализ понятия «фармацевтическая деятельность» позволяет выделить обязанности по производству, перевозке, хранению, отпуску, вывозу, ввозу и уничтожению продукции. Закон Республики Армения о медицинской помощи и обслуживании населения не содержит понятия, но содержит требования к профессиональной подготовке³³.

В Казахстане³⁴ закреплено два признака понятия: наличие фармацевтического образования и осуществление фармацевтической деятельности. Анализ понятия фармдеятельности позволяет определить содержание трудовых обязанностей, это подтверждает и закрепление отдельного понятия «фармацевтическая услуга». Наиболее подробно объем трудовых обязанностей закреплён именно в Казахстане.

Таким образом, в странах ЕАЭС закрепляют как общие, так и особенные признаки понятия. Общими являются наличие специального образования и работа в сфере фармацевтической деятельности. Требования к квалификации и состав трудовых обязанностей могут отсутствовать либо могут быть закреплены обобщенно или подробно в виде закрытого перечня. Представляется необходимым разработать общее понятие «фармацевтический работник» для развития единого подхода к регулированию труда.

²⁹ Приложение № 3 к постановлению Правительства Республики Армения (РА) № 867 от 29.06.2002 об утверждении «Порядков лицензирования производства лекарств, аптечной практики, медицинской помощи и обслуживания, а также учебных программ среднего и высшего медицинского образования и утверждении формы лицензий по указанным направлениям профессиональной деятельности» // ГИИТ. 2017.09.06/55(1330). С. 859. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=175692> (дата обращения: 18.10.2023).

³⁰ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

³¹ Закон РБ от 18.06.1993 № 2435-XII «О здравоохранении» // Народная газета. 30.07.1993.

³² Закон Киргизии от 06.01.2005 № 6 «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике».

³³ Закон РА от 04.04.1996 № ЗР-42 «О медицинской помощи и обслуживании населения» // Официальные ведомости РА. 16.05.1996. № 7–8. Ст. 82.

³⁴ Кодекс Республики Казахстан о здоровье народа и системе здравоохранения от 07.07.2020 № 360-VI ЗРК // Казахстанская правда. 08.07.2020. № 130 (29257).

Допуск к работе, права и обязанности

В России правом работать обладают получившие специальное профессиональное образование и успешно прошедшие аккредитацию, а также специалисты розничной торговли лекарственными препаратами, если они работали в обособленных подразделениях медорганизаций, имеющих лицензию на фармацевтическую деятельность³⁵. Помимо ТК РФ, Закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации, на них распространяют свое действие профессиональный стандарт «Фармацевт»³⁶ и Единый квалификационный справочник (ЕКС)³⁷. Профстандарт в числе характеристик указывает повышение квалификации не реже 1 раза в 5 лет, а в качестве особых условий допуска к работе — свидетельство об аккредитации специалиста и отсутствие ограничений на занятия профессиональной деятельностью.

С 1 сентября 2023 г. в России вступили в силу несколько приказов о квалификационных требованиях³⁸, установлены должности фармацевтических работников, замещаемые лицами с высшим образованием, руководящих работников и работников структурных подразделений фармацевтических организаций, изменились требования по специальности «Управление и экономика

фармации», «Фармацевтическая технология», «Фармацевтическая химия и фармакогнозия». Таким образом, были уточнены требования к работникам и созданы условия для овладения новыми навыками по управлению.

В Беларуси, если лицо, претендующее на должность фармацевта, имеет диплом иностранного учебного учреждения, то допуск к работе осуществляется в специальном порядке³⁹. Таким образом защищаются интересы как государства, так и отечественных специалистов. После получения за государственный счет образования по профилю «Здравоохранение»⁴⁰ возможно целевое направление на работу.

Общим требованием к фармацевтам является соблюдение медицинской этики и деонтологии (например, ст. 80 Закона Киргизии об охране здоровья⁴¹). В российском и белорусском законодательстве установлена клятва врача при получении диплома⁴². Несмотря на разное содержание, общими являются обязанность выполнять долг, оказывать всем помощь.

В Киргизии к условиям допуска к профессиональной деятельности относится лицензирование, аттестация и регистрация⁴³. В России, Беларуси, Казахстане, Армении фармацевты также проходят аттестацию на подтверждение квалификации⁴⁴. Например, в Беларуси, поми-

³⁵ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

³⁶ Приказ Минтруда и соцзащиты РФ от 31.05.2021 № 349н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 29.06.2021. № 0001202106290044. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/1992?ysclid=lnxt41xv5f446797704> (дата обращения: 01.09.2023).

³⁷ Приказ Минздравсоцразвития РФ от 23.07.2010 № 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения» // Российская газета. 27.09.2010. № 217.

³⁸ Приказ Минздрава РФ от 02.05.2023 № 205н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 01.06.2023. № 0001202306010052. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306010052?ysclid=lnxt7gafqa8716201> (дата обращения: 01.09.2023); приказ Минздрава РФ от 02.05.2023 № 206н «Об утверждении Квалификационных требований к медицинским и фармацевтическим работникам с высшим образованием» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 01.06.2023. № 0001202306010041. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306010041?ysclid=lnxtajriek801020749> (дата обращения: 01.09.2023).

³⁹ Закон РБ от 18.06.1993 № 2435-XII «О здравоохранении».

⁴⁰ Кодекс РБ об образовании 13.01.2011 № 243-З // Национальный реестр правовых актов РБ. 2011. № 13. 2/1795.

⁴¹ Закон Киргизии от 06.01.2005 № 6 «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике».

⁴² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; Закон РБ от 18.06.1993 № 2435-XII «О здравоохранении».

⁴³ Закон Киргизии от 06.01.2005 № 6 «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике».

⁴⁴ Приказ Минздрава РФ от 22.11.2021 № 1083н «О порядке и сроках прохождения медицинскими работниками и фармацевтическими работниками аттестации для получения квалификационной категории»;

мо тестирования, устанавливается перечень практических навыков для провизоров⁴⁵.

Если рассматривать нормативные правовые акты об аттестации, можно выделить страны, принимающие акты, содержащие расширенный понятийный аппарат, принципы аттестации (Киргизия⁴⁶), а не только формирование комиссий, организацию и проведение аттестации, как в России⁴⁷ и Казахстане⁴⁸.

Такого же подхода к регулированию придерживается российский законодатель в отношении аккредитации⁴⁹. Она, в частности, способствует возобновлению работы после перерыва в практической деятельности⁵⁰. Положительным моментом является то, что проверка про-

водится независимыми аккредитационными центрами.

В Армении после изменения Закона о медицинской помощи и обслуживании населения с 1 января 2023 г. фармацевтические работники проходят сертификацию⁵¹, сертификат действителен 5 лет. Фармаколог для ее прохождения должен набрать 160 баллов, а фармацевт 100. В стране возвращают систему лицензирования, которая в 2026 г. будет введена в полном объеме⁵², также проводится аттестация с целью непрерывного повышения квалификации⁵³. В Казахстане⁵⁴ и Беларуси же термин «аккредитация» применяется только к медучреждениям⁵⁵, руководитель Беларуси полагает пока

постановление Минздрава РБ от 28.05.2021 № 70 «О профессиональной аттестации медицинских, фармацевтических и иных работников здравоохранения»; Инструкция о порядке и условиях проведения профессиональной аттестации медицинских, фармацевтических и иных работников здравоохранения, утв. постановлением Минздрава РБ от 28.05.2021 № 70 (зарегистрирована в Национальном реестре правовых актов РБ. 02.07.2021. № 8/36890); приказ и. о. Министра здравоохранения Республики Казахстан от 14.10.2020 № ҚР ДСМ-130/2020 «Об утверждении правил проведения аттестации на профессиональную компетентность специалистов в области здравоохранения» (зарегистрирован в Минюсте Республики Казахстан. 16.10.2020. № 21444); Положение об аттестации медицинских и фармацевтических работников в Кыргызской Республике (в ред. приказа Минздрава КР от 27.02.2023 № 188).

⁴⁵ Утвержден председателем аттестационной подкомиссии № 1.16 Республиканской аттестационной комиссии 17.04.2023 // URL: https://drive.google.com/file/d/1pLvUXAwLcZFvYvQAJ809BAPAG5BJe_W6N/view (дата обращения: 18.10.2023).

⁴⁶ Положение об аттестации медицинских и фармацевтических работников в Кыргызской Республике.

⁴⁷ Приказ Минздрава РФ от 22.11.2021 № 1083н «О порядке и сроках прохождения медицинскими работниками и фармацевтическими работниками аттестации для получения квалификационной категории» // Официальный интернет-портал правовой информации.

⁴⁸ Приказ и. о. Министра здравоохранения Республики Казахстан от 14.10.2020 № ҚР ДСМ-130/2020 «Об утверждении правил проведения аттестации на профессиональную компетентность специалистов в области здравоохранения».

⁴⁹ Приказ Минздрава РФ от 28.10.2022 № 709н «Об утверждении Положения об аккредитации специалистов» (зарегистрировано в Минюсте России. 30.11.2022. № 71224) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211300021?ysclid=lnxu5u5h3754564249> (дата обращения: 18.10.2023).

⁵⁰ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ».

⁵¹ Аратюнян К. В Армении продолжается сертификация врачей: некоторые медработники уже лишились работы // Новостное агентство Sputnik. 27.01.2023. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20230127/v-armenii-prodolzhaetsya-sertifikatsiya-vrachey-nekotorye-medrabotniki-uzhe-lishilis-raboty-54240840.html> (дата обращения: 01.09.2023).

⁵² В Армении внедряют систему индивидуального лицензирования медицинских работников // Новости Армении. 04.05.2023. URL: <https://news.am/rus/news/758186.html> (дата обращения: 01.09.2023).

⁵³ Информация о процессе аттестации медицинских работников в Араратской области // Радар Армения. 19.07.2022. URL: <https://radar.am/ru/news/social-2516417601/> (дата обращения: 01.09.2023).

⁵⁴ Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 21.12.2020 № ҚР ДСМ-299/2020 «Об утверждении правил аккредитации в области здравоохранения» (зарегистрирован в Минюсте Республики Казахстан. 22.12.2020. № 21852) // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021852> (дата обращения: 18.10.2023).

⁵⁵ Постановление Совета Министров РБ от 13.05.2021 № 269 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. 16.05.2021. 5/49052.

преждевременным ее установление для работников⁵⁶.

Таким образом, следует отметить, что в рассматриваемых государствах к претендентам на замещение должности фармацевтов предъявляются специальные требования. Не во всех странах существует общий подход к термину «аккредитация». Сертификация в Армении и аккредитация работников в России по требованиям близки. Цель введения аккредитации — повышение качества оказания фармацевтических услуг. Этому будет способствовать закрепление на уровне ЕАЭС общих принципов аттестации и аккредитации как элемента статуса фармацевтических работников.

Обратимся к моделям закрепления прав.

Можно выделить особый набор прав в чрезвычайных условиях. Важность этих прав подтверждена недавней пандемией коронавирусной инфекции. Если в стране отсутствует разграничение прав собственно медработников здравоохранения и прав фармацевтических работников, то эти же права относятся и к фармацевтическим работникам.

К перечню специальных прав относится, например, возмещение транспортных расходов, беспрепятственное и бесплатное использование средств связи физических и юридических лиц при транспортировке пациента в ближайшую медицинскую организацию для оказания экстренной медицинской помощи. При закреплении права на частную фармацевтическую деятельность устанавливается обязательность оформления разрешительных документов (Казахстан)⁵⁷ или дается ссылка на законодательство о порядке регистрации (Киргизия).

Спецификой Киргизии является закрепление права на служебное жилье для лиц, работающих в высокогорной местности, и их семей и

компенсация лечения из средств медорганизации⁵⁸.

В Беларуси и Киргизии закрепляется «страхование профессиональной ошибки, в результате которой причинен вред жизни или здоровью пациента, не связанной с небрежным или халатным выполнением ими своих должностных обязанностей»⁵⁹. В Казахстане установлено «страхование профессиональной ответственности медицинских работников на случай причинения вреда жизни и (или) здоровью пациента при оказании ими медицинской помощи»⁶⁰. Таким образом, в Беларуси и Киргизии данное право закреплено с дополнительным условием, а в Казахстане сформулировано как общая норма.

Общие обязанности закрепляются в законах о труде, специальные — в законах об охране здоровья, законах о лекарственном обеспечении, подзаконных актах. Анализ основных обязанностей показывает, что они в целом аналогичны обязанностям медработников, но детализированы в разной степени. Общими обязанностями являются: соблюдение врачебной тайны, профессиональной этики, повышение квалификации, выполнение профессиональных требований.

Можно выделить и специфику обязанностей. В Беларуси это уважительное и гуманное отношение к пациентам, соблюдение прав пациентов⁶¹, Казахстане — содействие профилактике заболеваний, укрепление здоровья, пропаганда здорового образа жизни, оказание помощи, привлечение для консультаций специалистов, регистрация в системе учета кадров здравоохранения⁶², в Киргизии — достоверная информация и отчетность, соблюдение правил работы с биоматериалами⁶³, в Армении — информирование о состоянии здоровья, обслужи-

⁵⁶ Осилов М. Лукашенко: лицензирование или аккредитация врачей преждевременны // Беларусь Сегодня. 13.12.2019.

⁵⁷ Кодекс Республики Казахстан о здоровье народа и системе здравоохранения от 07.07.2020 № 360-VI ЗРК.

⁵⁸ Закон Киргизии от 06.01.2005 № 6 «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике».

⁵⁹ Закон РБ от 18.06.1993 № 2435-XII «О здравоохранении»; Закон Киргизии от 06.01.2005 № 6 «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике».

⁶⁰ Кодекс Республики Казахстан о здоровье народа и системе здравоохранения от 07.07.2020 № 360-VI ЗРК.

⁶¹ Закон РБ от 18.06.1993 № 2435-XII «О здравоохранении».

⁶² Кодекс Республики Казахстан о здоровье народа и системе здравоохранения от 07.07.2020 № 360-VI ЗРК.

⁶³ Закон Киргизии от 06.01.2005 № 6 «Об охране здоровья граждан в Кыргызской Республике».

вании и связанных с ними рисках, использование зарегистрированных лекарств, выполнение процедурных регламентов и порядков⁶⁴, в России — сообщение информации о выявленных побочных действиях и нежелательных реакциях⁶⁵.

Таким образом, прослеживается сближение требований, однако нельзя заключить, что сформирован общий перечень прав, обязанностей и гарантий.

Заключение

Анализ законодательства стран ЕАЭС позволяет сделать вывод о необходимости закрепления на уровне ЕАЭС единого трудового статуса фармацевтического работника (общего понятия, критериев аттестации и аккредитации, подробного перечня основных прав, обязанностей и гарантий) для единого подхода к обеспечению фармацевтической деятельности. Унификация требований к этой категории работников позволит гармонизировать законодательство ЕАЭС об их труде, закрепление гарантий решит проблему утечки кадров и обеспечит фармацевтическую безопасность региона в части персонала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов Д. Е., Чеснокова Н. Н. Надлежащая аптечная практика: организационный и правовой аспекты // Ремедиум Приволжье. 2017. № 3 (153). С. 6–8.
- Ворона А. А., Губина М. А. Фармацевтический рынок ЕАЭС: тенденции и перспективы развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 4. С. 43–54.
- Герцик Ю. Г. Перспективы развития интегрированных производственных структур медицинской и фармацевтической промышленности в рамках Евразийского экономического союза // Экономика Центральной Азии. 2021. Т. 5. № 2. С. 135–152.
- Евстратов А. В. Основные тенденции и перспективы развития фармацевтического рынка в Российской Федерации : монография. Волгоград : ВолгГТУ, 2018. 192 с.
- Еликбаев К. Н., Дятлова М. И. Общий рынок лекарственных средств ЕАЭС: анализ текущего состояния и проблем развития // Фундаментальные исследования. 2022. № 3. С. 47–52.
- Зурдинова А. А. Проблемы продвижения лекарственных средств в Кыргызской Республике // Обзоры по клинической фармакологии и лекарственной терапии. 2018. Т. 16. № 3. С. 54–59.
- Иванова С. В., Ерганжиев М. А., Мурашова С. В. Роль интеллектуальной собственности в инновационной деятельности российских фармацевтических предприятий // Экономика. Право. Инновации. 2022. № 4. С. 38–47.
- Мохов А. А. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4. С. 93–104.
- Муратова Н. П. Совершенствование системы управления фармацевтическим персоналом в аптечных организациях Кыргызской Республики : автореф. дис. ... канд. мед. наук. Бишкек, 2011. 23 с.

REFERENCES

- Baranov DE., Chesnokova NN. Nadlezhachaya-aptechnaya praktika: organizatsionnyy i pravovoy aspekty = Good pharmacy practice: organizational and legal aspects. *Remedium Privolzhye*. 2017;3(153):6-8. (In Russ.).
- Vorona AA, Gubina MA. Pharmaceutical market of the EAEU: trends and prospects of development. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022;4:43-54. (In Russ.).
- Hercik YuG. Prospects for the development of integrated production structures of the medical and pharmaceutical industry within the framework of the Eurasian Economic Union. *Journal of Central Asia Economy*. 2021;5(2):135-152. (In Russ.).

⁶⁴ Закон РА от 04.04.1996 № 3Р-42 «О медицинской помощи и обслуживании населения».

⁶⁵ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Evstratov AV. The main trends and prospects for the development of the pharmaceutical market in the Russian Federation. Volgograd: VolgSTU Publ.; 2018. (In Russ.).

Yelikbaev KN, Dyatlova MI. EAEU Common Drug Market: Analysis of the Current State and Development Issues. *Fundamental Research*. 2022;3:47-52. (In Russ.).

Zurdinova AA. Problems of promotion of medicines in the Kyrgyz Republic. *Reviews on Clinical Pharmacology and Drug Therapy*. 2018;16(3):54-59. (In Russ.).

Ivanova SV, Yerganjiev MA, Murashova SV. Analysis of intellectual property management systems of enterprises of the Russian pharmaceutical industry. *Economics. Law. Innovation*. 2022;4:38-47. (In Russ.).

Mokhov AA. The Concept of Legal Regulation of Medical Activities. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(4):93-104. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994- 1471.2023.149.4.093-104.

Muratova NP. Improvement of the pharmaceutical personnel management system in pharmacy organizations of the Kyrgyz Republic. Cand. Sci. (Law). Author's Abstract. Bishkek; 2011.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батусова Екатерина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
д. 20, Мясницкая ул., г. Москва 101000, Российская Федерация
batusovs@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Batusova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
batusovs@gmail.com

Материал поступил в редакцию 15 сентября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 24 октября 2023 г.

Принята к печати 16 января 2024 г.

Received 15.09.2023.

Revised 24.10.2023.

Accepted 16.01.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.049-059

М. С. Сагандыков

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
г. Челябинск, Российская Федерация

Свобода труда в контексте конституционализации социально-трудовых отношений: история и современное состояние

Резюме. Конституционализация социально-трудовых отношений является проявлением общего процесса вовлечения в сферу действия конституционного права тех областей общественной жизни, которые традиционно входят в предмет специальных отраслей права. Причины конституционализации указанных отношений кроются в смене вектора государственной социальной политики, которая постепенно отходит от либерально-индивидуалистских начал и стремится к обеспечению в обществе социальной справедливости. Внешним проявлением изменившегося вектора можно считать практику Конституционного Суда РФ, которая в последние несколько лет придает конституционным положениям в сфере труда более глубокое значение, а принимаемые решения отражают связь свободы труда с принципом социального государства и новеллами Конституции — частью 5 ст. 75 и статьей 75.1. Положения социально-трудового характера входили во все конституции советского периода, так же как они присутствуют в большинстве конституций зарубежных стран, где они прежде всего выступают в качестве принципов государства, а лишь во вторую очередь — в роли субъективных прав и свобод. Сделан вывод, согласно которому статус и смысловое наполнение указанных положений в Конституции РФ 1993 г. изначально не соответствовали их социальной и юридической значимости. Свобода труда понималась в либеральном ключе и связывалась с правом выбора гражданином рода деятельности и профессии. Поправки 2020 г. к Конституции РФ дополнили содержание конституционной ценности свободы труда, подчеркнули ее статус элемента социального государства, связали ее с такими понятиями, как уважение труда и человека труда, социальная солидарность, достойное развитие человека, что находит отражение в новейших решениях Конституционного Суда РФ. Имеются основания утверждать об изменении предмета конституционного права за счет конституционализации социально-трудовых отношений, на которые конституционное право оказывает свое воздействие в контексте взаимодействия личности, общества и государства.

Ключевые слова: конституционализация; свобода труда; социально-трудовые отношения; поправки к Конституции РФ; предмет конституционного права; социальное государство; социальная политика

Для цитирования: Сагандыков М. С. Свобода труда в контексте конституционализации социально-трудовых отношений: история и современное состояние. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 2. С. 49–59. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.049-059

Freedom of Labor in the context of Constitutionalization of Social and Labor Relations: History and Current State

Mikhail S. Sagandykov

South Ural State University (National Research University)
Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. Constitutionalization of social and labor relations represents a manifestation of the general process of involving into the scope of constitutional law such areas of public life that are traditionally included in the subject matter of special branches of law. The reasons for the constitutionalization of these relations lie in the

© Сагандыков М. С., 2024

change in the vector of state social policy, which is gradually moving away from liberal individualist principles and strives to ensure social justice in society. The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation can be deemed to be an external manifestation of the changed vector. The Constitutional Court in the last few years has given a deeper meaning to constitutional provisions in the field of labor, and the decisions taken reflect the connection between freedom of work and the principle of the welfare state and the novelties of the Constitution — Part 5 of Article 75 and Article 75.1. Provisions of the social and labor nature were included in all constitutions of the Soviet period, just as they are present in most constitutions of foreign countries, where they primarily act as principles of the state, and only secondarily as subjective rights and freedoms. It is concluded that the status and semantic content of these provisions in the Constitution of the Russian Federation in 1993 did not initially correspond to their social and legal significance. Freedom of labor was understood in a liberal way and was associated with the right of a citizen to choose a type of activity and profession. The 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation supplemented the content of the constitutional value of freedom of labor, emphasized its status as an element of the social state, linked it with such concepts as respect for labor and the person of labor, social solidarity, decent human development, which is reflected in the latest decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. There are grounds to assert that the subject of constitutional law has changed due to the constitutionalization of social and labor relations, on which constitutional law exerts its influence in the context of interaction between an individual, society and the state.

Keywords: constitutionalization; freedom of labor; social and labor relations; amendments to the Constitution of the Russian Federation; subject of constitutional law; social state; social policy

Cite as: Sagandykova MS. Freedom of Labor in the context of Constitutionalization of Social and Labor Relations: History and Current State. *Lex russica*. 2024;77(2):49-59. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.049-059

Введение

Одной из тенденций развития отечественного права является процесс конституционализации правовой системы. Многие общественные отношения вовлекаются в поле конституционно-правового воздействия. В. И. Крусс точно подмечает, что «фокус и центр конституционализации находятся в сфере позитивного конституционного (в широком смысле) права и его вторичной — законодательной — формы»¹. Действительно, ряд общественных отношений, которые традиционно являлись предметом отраслевого законодательства, теперь входят в сферу интересов конституционного права в силу своей общественной и государственной значимости. Так, Н. С. Бондарь, анализируя закономерности современного конституционализма, отметил вовлечение в сферу конституционно-правового воздействия экономических и социальных отношений².

Проблема конституционализации социально-экономических отношений в целом и отношений в сфере использования наемного труда в частности приобретает все большее значение в конституционно-правовых исследованиях, целью которых является создание научного задела для формирования целостной социальной политики государства в изменяющемся мире.

Несмотря на то что социально-трудовые отношения составляют предмет специальных отраслей российского права, истоки и основы правового регулирования рассматриваемой сферы общественной жизни содержатся в Конституции РФ, где они выражены преимущественно в форме соответствующих прав человека и гражданина. В то же время конституционные социально-экономические права, традиционно относимые к правам второго поколения³, имеют спорную конституционно-правовую природу, неоднозначное правовое содержание и занимают в системе конституционного статуса чело-

¹ Крусс В. И. Доктринальные инновации в контексте конституционализации российской правовой системы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 3.

² Бондарь Н. Конституция — ценностно-правовая основа разрешения социальных противоречий (в контексте практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63). С. 47.

³ Права человека : учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. 3-е изд., перераб. М. : Норма : Инфра-М, 2022. С. 135–138.

века положение, по-разному определяемое в отечественных и зарубежных конституционных актах прошлого и настоящего⁴.

Актуальность рассматриваемых проблем усиливает тот факт, что вопросы правового регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений не раз становились предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ. Причем количество принимаемых органом конституционного контроля решений в рассматриваемой области, имеющих реальное положительное содержание с точки зрения влияния на трудовое и смежное с ним законодательство, в последние несколько лет, особенно после принятия поправок к Конституции РФ в 2022 г., только растет. Так, за период с 2021 по 2023 г. было принято шесть постановлений, в которых различные нормы ТК РФ были признаны не соответствующими Конституции РФ, тогда как за предыдущие 20 лет действия ТК РФ Конституционным Судом было принято лишь пять таких решений.

Социально-трудовые отношения в предмете конституционного права в контексте взаимодействия личности, общества и государства

Конституционализация отношений в сфере труда, в том числе свободы труда, актуализирует дискуссию о предмете конституционного права, расширение которого наблюдают многие авторы. Например, С. А. Авакьян объясняет эту тенденцию необходимостью создания «конституционно-правового фундамента» правового регулирования различного рода общественных отношений⁵.

Вместе с тем нельзя сказать, что социально-экономические отношения вошли в сферу кон-

ституционно-правового регулирования только с принятием Конституции РФ. И в советское время предмет конституционного права включал указанные отношения, но вектор конституционно-правового воздействия на данную сферу был иным, отражал особенности социалистического подхода к взаимодействию личности, общества и государства.

В ранние периоды развития советского государственного права свобода личности представлена в контексте противопоставления буржуазной и советской идеологических систем. Подчеркивается роль государства как источника прав и свобод в противовес теории естественного права западных стран⁶. Социально-экономические отношения рассматривались не с позиции правового статуса личности, а с точки зрения принципов построения советского государства, к которым, наряду с другими, относится отмена частной собственности⁷. В учебнике государственного права 1938 г. под редакцией А. Я. Вышинского в центре внимания находятся экономические основы СССР, но не с точки зрения прав и свобод личности, а с позиции плановой экономической системы, основанной на социалистической собственности и запрете эксплуатации человека человеком⁸. В то же время в более поздних учебных и научных изданиях правам и обязанностям личности уделено больше внимания, проведена их классификация. В частности, выделяются права и обязанности гражданина СССР как «труженика» и как «личности»⁹.

Трудно не согласиться с утверждением А. М. Осавелюка о том, что в тот или иной период в зависимости от смены вектора государственного развития на первый план выходят различные общественные отношения, что сказывается и на предмете конституционного права¹⁰. Достаточно большое внимание, которое

⁴ Астафичев П. А. Социально-экономические права человека в советской и постсоветской России: опыт сравнительного исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (90). С. 22.

⁵ Привод. по: Титова Е. В. К вопросу о конституционно-правовой концепции взаимодействия государства и человека // Lex russica. 2018. № 11. С. 72.

⁶ Малицкий А. Л. Советское государственное право (очерки). Харьков : Юриздат НКЮ УССР, 1926. С. 79–94.

⁷ Малицкий А. Л. Указ. соч. С. 110.

⁸ Шульженко Ю. Л. Учебник советского государственного права под ред. А. Я. Вышинского 1938 г // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17, № 1. С. 87.

⁹ См.: Государственное право СССР : учебник / Г. В. Барабашев [и др.] ; под ред.: С. С. Кравчук. М. : Юрид. лит., 1967. С. 200–230.

¹⁰ Осавелюк А. М. Эволюция предмета отрасли конституционного права // Мировой судья. 2014. № 1. С. 12.

уделяется в конституционно-правовой науке отношениям в сфере труда, продиктовано стремлением государства активизировать свою роль во взаимодействии с обществом и личностью в экономической и социальной сферах, усилить свое влияние на процесс регулирования трудовых отношений в целях обеспечения и защиты трудовых прав граждан, интересов работодателей, а также для реализации стоящих перед государством в настоящий период задач. В наиболее общем, но в то же время наглядном виде основы государственной социальной политики излагаются в основополагающих программных документах, главными из которых являются послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ.

Уже в своем первом обращении к Федеральному Собранию в 2000 г. Президент РФ В. В. Путин назвал главной задачей власти «благополучие и достойную жизнь» граждан¹¹. В 2004 г. первой целью обозначен «высокий уровень жизни в стране»¹². Д. А. Медведев в 2008 г., обращаясь к Федеральному Собранию, высшей ценностью провозгласил свободу, в том числе свободу предпринимательства и свободу занятий¹³, т.е. свободу труда. В 2012 г. Президент России призвал обратить повышенное внимание на «человека труда»¹⁴. «Добросовестный труд, частная собственность, свобода предпринимательства» названы базовыми консервативными, заслуживающими пристального внимания государства ценностями¹⁵. Важные слова были сказаны в обращении Президента РФ 2016 г.: «Каждый, кто честно трудится в своем бизнесе или как наемный работник, должен чувствовать, что государство, общество на

его стороне. Справедливость не в уравниловке, а в расширении свободы, в создании условий для труда, который приносит уважение, достаток и успех. И наоборот — несправедливо все то, что ограничивает возможности, нарушает права людей»¹⁶. Практически во всех посланиях Президента РФ последних лет говорится не только о необходимости повышения социальных гарантий, производительности труда, уважении труда и предпринимательства, но и о социальной ответственности бизнеса и государства¹⁷.

Принятие поправок к Конституции РФ в 2020 г. стало триггером для интенсификации научной дискуссии о конституционализации отношений в сфере труда и расширении в этой связи предмета конституционного права, поскольку существенная часть конституционных новелл направлена на гарантирование социально-трудовых прав граждан, создание условий для выстраивания равноправного уважительного социального диалога между государством, бизнесом и наемными работниками (ч. 5 ст. 75 и ст. 75.1 Конституции РФ).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что социально-экономические, в том числе социально-трудовые, отношения входили в сферу конституционного права постепенно, начиная с советского времени. Однако если в социалистический период российского государства указанные отношения в предмете конституционного права имели государственно-идеологический оттенок, то в постсоветский период их конституционно-правовое регулирование рассматривается с позиции взаимодействия личности, общества и государства.

¹¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000 «Какую Россию мы строим» // Российская газета. № 133. 11.07.2000.

¹² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.05.2004 // Российская газета. № 109. 27.05.2004.

¹³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 05.11.2008 // Российская газета. № 230. 06.11.2008.

¹⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 // Российская газета. № 287. 13.12.2012.

¹⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 // Российская газета. № 278. 05.12.2014.

¹⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 // Парламентская газета. № 45. 02–08.12.2016.

¹⁷ См., например: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Российская газета. № 7. 16.01.2020; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006 // Российская газета. № 97. 11.05.2006.

Значение социально-трудовых положений в конституциях советского периода

Ранее уже было сказано, что одним из главных государственно-идеологических посылов советских конституций был отказ от частной собственности, что преподносилось как одно из достижений Советского государства и, в свою очередь, определяло вектор и сущность конституционно-правового регулирования не только в социально-экономической, но и в политической плоскости.

Для классических либеральных конституций, где частная собственность провозглашена не только экономической, но и политико-идеологической основой, господствует идея естественных прав человека, которые преимущественно формулируются в форме свобод, позитивные права как таковые отсутствуют. Примером являются поправки к Конституции США 1787 г.¹⁸ Либеральный подход предполагает, что государство предназначено для гарантирования и защиты этих прав человека, которые являются неотъемлемыми и неотчуждаемыми¹⁹. Другими словами, права и свободы должны максимально предусматриваться в отрицательном значении как «свобода от...», предоставляя гражданам возможность пользоваться истинной свободой, предполагающей отсутствие какого-либо государственного вмешательства²⁰.

В свою очередь, по утверждению И. Б. Михайловской, для отечественных конституций советского периода было характерно превалирование прав социально-экономического характера над теми, которые традиционно относятся к числу неотъемлемых²¹. А такие права, как известно, являются скорее позитивными («свобода для...»), предполагающими активную роль государства по их обеспечению и гарантированию.

Во всех советских конституциях основой блока социально-трудовых положений являлась главная обязанность советских граждан — тру-

диться на благо общества. В то же время во всех конституциях советского времени подчеркивалось важнейшее достижение социализма — запрет эксплуатации человека человеком, а в ст. 14 Конституции РСФСР 1978 г. провозглашался «свободный от эксплуатации труд советских людей» как источник общественного богатства и личного благосостояния.

В известной степени можно говорить, что указанные положения конституций формировали, пользуясь современной конституционно-правовой терминологией, один из принципов основ конституционного строя, отражали идеологию Советского государства. Особый статус указанных конституционных положений доказывается в том числе их местом в структуре Основного закона страны — в первых разделах, фиксирующих основополагающие государственные и идеологические декларации и принципы. Например, в Конституции РСФСР 1937 г. обязанность советских граждан трудиться закреплена в главе I «Общественное устройство» (ст. 12). В этой же главе содержится важнейшее положение, провозглашавшее «уничтожение эксплуатации человека человеком» в соединении с запретом частной собственности и ликвидацией «капиталистической системы хозяйства» (ст. 4). Аналогичным образом указанные положения — запрет эксплуатации и обязанность трудиться — зафиксированы и в более ранних конституциях 1918 г. (ст. 3) и 1925 г. (ст. 1 и 9).

В Конституции РСФСР 1978 г. принцип свободы труда от эксплуатации также включен в раздел I «Основы общественного строя и политики РСФСР» (гл. 2 «Экономическая система», ст. 14), а вот обязанность советского гражданина трудиться в этом разделе Конституции отсутствует и помещена в гл. 6 «Основные права, свободы и обязанности граждан РСФСР» вместе с другими обязанностями советских граждан (ст. 58). Конечно, переоценивать данный факт не стоит, обязанность работать на благо социалистиче-

¹⁸ Краснослободцева Н. К. Соотношение понятий «свобода» и «права» человека // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4 (38). С. 81.

¹⁹ Працко Г. С., Яценко О. В. Западный либерализм и его структурная характеристика // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : материалы XXII Национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 17 апреля 2021 г. Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2021. С. 582.

²⁰ Хайек Ф. А. Конституция свободы : пер. с англ. М. : Новое издательство, 2018. С. 39.

²¹ Михайловская И. Конституционное закрепление прав и свобод личности: взгляд извне // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1998. № 2 (23). С. 35.

ского общества оставалась одной из главных, но всё же можно констатировать, что она перешла из разряда государствообразующих принципов в категорию «обычных» обязанностей, наравне с другими. Косвенным подтверждением этого тезиса можно считать тот факт, что в 1975 г. уголовная ответственность за злостное уклонение от решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования (ст. 209.1 УК РСФСР 1960 г.²²) была отменена²³. В то же время в ст. 14 Конституции РСФСР 1978 г. провозглашен новый принцип: «От каждого — по способностям, каждому — по труду», пришедший на смену принципу «кто не работает, тот не ест» Конституции РСФСР 1937 г. (ст. 12). По существу, после принятия Конституции РСФСР 1978 г. можно говорить о переходе от всеобщей трудовой повинности к справедливому распределению социальных благ в зависимости от заслуг перед обществом, естественно — в понимании государства. Справедливым, на наш взгляд, является наблюдение В. Л. Гейхмана о развитии конституционного правотворчества в советский период «от всеобщей трудовой повинности к закреплению гарантированного права на труд и конституционного принципа свободы труда»²⁴.

Ранее было сказано, что советские конституции отличались от зарубежных (прежде всего конституций западных стран) своим подходом к положениям социально-экономического характера. Вместе с тем современный либерализм значительно расширяет круг прав и свобод

человека, признаваемых государством²⁵, в том числе посредством закрепления в конституциях социально-экономических прав и свобод²⁶.

Несмотря на непреодолимые, казалось бы, противоречия капиталистической и социалистической систем, между конституциями этих стран имеются некоторые сходства с точки зрения статуса социально-трудовых норм.

В науке конституционного и трудового права при анализе рассматриваемых положений зарубежных конституций делается акцент на статусе социально-экономических, в том числе трудовых, прав с точки зрения возможности их судебной защиты²⁷, а также в разрезе соотношения свободы труда и права на труд²⁸. При этом многие авторы, говоря о невозможности судебной защиты прав и свобод в сфере труда, объясняют это их особым статусом государственных принципов²⁹, что характерно и для конституций советского периода.

Так, в ст. 4 Конституции Италии 1947 г., расположенной в разделе «Общие принципы», закреплено следующее положение: «Республика признает за всеми гражданами право на труд и поощряет условия, которые делают это право реальным». В Конституции (Основном Законе) ФРГ 1949 г. почти полностью отсутствуют статьи, провозглашающие социально-экономические, в том числе трудовые, права. В статье 12 Конституции закрепляется право свободно избирать для себя профессию, место работы и место получения образования³⁰. При этом Кон-

²² Указ Президиума ВС РСФСР от 25.02.1970 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1970. № 14. Ст. 256.

²³ Указ Президиума ВС РСФСР от 07.08.1975 «О признании утратившими силу Указов Президиума Верховного Совета РСФСР об ответственности лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни» // Ведомости ВС РСФСР. 1975. № 33. Ст. 699.

²⁴ Гейхман В. Л. Конституция РФ и право на труд // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 7.

²⁵ Абрамова М. О. Трансформация понятия прав человека в либеральных концепциях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2 (30). С. 77.

²⁶ Невинский В. В. Естественные права человека на весах современного конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 8. С. 30.

²⁷ См., например: Колотова Н. В. Конституционализация социальных прав — тенденция развития современного права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 5–9; Алебастрова И. А. Социальные права: конституционные обещания, пожелания или привидения? // Государство и право. 2010. № 4. С. 31–32.

²⁸ См., например: Невинский В. В., Канакова А. Е. Свобода труда и право на труд в конституциях зарубежных стран (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1, № 2. С. 99–102.

²⁹ См., например: Худолей Д. М. Конституционализация прав на труд в зарубежных государствах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 1 (7). С. 168–169.

³⁰ Сагандыков М. С. Правовая природа социально-трудовых прав в конституциях России и зарубежных стран // Российский ежегодник трудового права. 2011. № 6. С. 247–251.

ституционный суд Германии не рассматривает данное положение как гарантию работы, право требования ее в судебном порядке, а придает ему характер принципа, высокий статус которого подтвержден его закреплением в Конституции³¹. Аналогично свобода труда соединена с гарантиями по обеспечению занятости в Конституции Испании (ст. 40 гл. 3 «О руководящих принципах социальной и экономической политики»).

Таким образом, можно наблюдать некоторое совпадение статуса социально-трудовых положений в конституциях Советской России и некоторых западных стран. Причем общее состоит не только в том, что в конституциях отдельные положения выражены в форме основополагающих государственных принципов, но и в том, что в других разделах конституций содержатся иные нормы социально-трудового характера в форме прав и свобод. Например, в Конституции Италии, кроме указанного выше принципа, закреплено право на защиту государством безработных и лишенных средств к существованию (ст. 38).

Содержание основополагающих конституционных принципов социально-трудовой направленности в конституциях РСФСР и зарубежных стран отличается понятиями свободы труда, права на труд, гарантиями государства в этой области. Кроме того, в зарубежных странах указанные нормы определяют основы социальной политики, а в Советской России они к тому же носили еще и государствообразующий характер.

Считаем, что провозглашение отдельных положений социально-экономического характера в качестве конституционных принципов, а не прав и свобод, не допускающих их судебной защиты, не означает снижения их значимости, а, напротив, придает им больший правовой и социальный смысл с учетом характера конституционных норм и статуса самой конституции. Для реальной конституции принципы важны, поскольку они выступают не только декларациями, но и ориентирами в государственной политике и правотворчестве.

Свобода труда и положения социально-трудового характера в Конституции РФ 1993 г.

Отношение к закрепленным в Конституции РФ 1993 г. положениям социально-экономического характера в конституционно-правовой науке разное. Ряд ученых считает, что их закрепление в современных конституциях является следствием оставшейся в наследство от прежнего строя социальной уравниловки, которая помогает увековечить статус-кво и препятствует осуществлению реформ, направленных на экономический рост и социальную модернизацию³². С такой позицией сложно согласиться. Во-первых, закрепление социально-экономических положений как раз и продиктовано необходимостью определения основных направлений и общего содержания социальной политики государства. Во-вторых, подобные нормы, как мы выяснили, имеются в конституциях многих стран, для большинства из которых социальная уравниловка не свойственна ни исторически, ни идеологически, ни с точки зрения современной социальной политики.

П. А. Астафичев отводит социально-экономическим правам, закрепленным в Конституции РФ, совершенно иную роль, чем в советских конституциях. Они, по мнению ученого, нацелены на формирование условий для социально-экономического развития России путем создания институциональных гарантий для этого. Государство призвано заботиться только о нуждающихся гражданах, тогда как социально-экономическая модель конституции в целом способствует активной социальной позиции гражданина, его ответственности за свое положение в обществе³³. Со словами П. А. Астафичева в целом можно согласиться. Однако стоит отметить, что сфера труда настолько важна, что отводить регулирующим ее положениям роль институциональных гарантий было бы принижением их значимости, особенно по сравнению с тем, как она выражена в конституциях некоторых стран. Например, в конституциях Италии (ст. 1) и Мальты (ст. 1) очень красноречиво ска-

³¹ Невинский В. В., Канакова А. Е. Указ. соч. С. 101. См. также: Пфферманн О. Значение социальных принципов в сравнительном конституционном праве // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 1 (42). С. 49.

³² См., например: Шайо А. Как верховенство права погубило реформу социальной защиты в Венгрии // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1996. № 2 (15). С. 5.

³³ Астафичев П. А. Приоритеты развития конституционных социально-экономических прав человека и гражданина в СССР и современной России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 9.

зано, что эти государства являются «республикой, основанной на труде».

К сожалению, в Конституции РФ труд и свобода труда изначально не получили должного высокого статуса, как, например, частная собственность и свобода экономической деятельности (ст. 8). Безусловно, социально-трудовой статус личности в определенном смысле обеспечен в рамках принципа социального государства. Однако указание в ст. 7 Конституции на необходимость охраны труда и гарантирования минимальной заработной платы явно не соответствует содержанию важнейшего для современной экономики принципа свободы труда, который вместе с принципами ст. 8 Конституции создает основу социально-экономической политики России. Более того, принцип свободы труда в Конституции вообще прямо не закреплён, точнее, отражен, по выражению Е. А. Канаковой, «не традиционным способом (прямое учреждение соответствующих категорий), а посредством изложения содержания данного конституционного положения без упоминания его наименования»³⁴.

Вместе с тем после принятия поправок к Конституции РФ в 2020 г. (ч. 5 ст. 75 и ст. 75.1) статус свободы труда как конституционного принципа и реального регулятора отношений в сфере труда был усилен. А. А. Опалева верно, на наш взгляд, отмечает, что, с одной стороны, поправки прямо не затрагивают закреплённые в гл. 2 права и свободы (в гл. 2 поправки вообще не вносились), а с другой — непосредственно связаны с ними, поскольку «значительно расширяют гарантии их реализации», что особенно отчетливо видно на примере социальных прав и свобод³⁵. Свобода труда теперь понимается не только в буквально — как право работать или не работать и право выбора рода деятельности и профессии. Она наполняется традиционными для российского общества характеристиками мировоззрения коллекти-

визма, основанного на принципах социальной справедливости и солидарности.

Такое содержание свободы труда позволяет использовать Конституцию в качестве реального регулятора отношений в сфере труда. Отражением этого процесса является практика Конституционного Суда РФ. В последние годы характер принимаемых Конституционным Судом решений изменился, притом что в поле зрения Конституционного Суда оказываются не новеллы трудового законодательства, а давно действующие положения, конституционность которых раньше не вызывала сомнений ни у Конституционного Суда, ни у других субъектов правоприменения и правопользования. Достаточно привести пример постановления Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 о сроке трудового договора преподавателя вуза³⁶. Ранее Конституционный Суд не видел каких-либо несоответствий Конституции РФ правил о заключении с преподавателями краткосрочных трудовых договоров, например на 10 месяцев (ч. 2, 8, 9 ст. 332 ТК РФ)³⁷. Теперь же, опираясь на усиленные положения об уважении труда и человека труда (ч. 5 ст. 75 и ст. 75.1) принцип свободы труда (ч. 1 ст. 37), Конституционный Суд аргументирует невозможность необоснованного заключения трудового договора с преподавателем вуза на срок менее 3 лет необходимостью обеспечения достойной жизни и свободного развития человека, то есть принципом социального государства (ч. 1 ст. 7).

Заключение

Благодаря конституционным поправкам 2020 г. и практике Конституционного Суда РФ, свобода труда приобретает более емкое содержание, что, в свою очередь, позволяет говорить не о «расширении», а об «углублении» предмета конституционно права в части конституциона-

³⁴ Канакова А. Е. Свобода труда и право на труд в Конституции Российской Федерации: содержание и соотношение конституционных категорий // Алтайский юридический вестник. 2016. № 2 (14). С. 30.

³⁵ Опалева А. А. Права и свободы личности в контексте конституционных изменений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 199.

³⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Подакова» // СЗ РФ. 2022. № 30. Ст. 5692.

³⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2019 № 93-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Красной Елены Викторовны на нарушение ее конституционных прав частью восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

лизации отношений в сфере труда. Конституционное право не «забирает» предмет у трудового права, просто отношения в сфере труда насыщаются дополнительным публично-правовым содержанием в контексте взаимодействия личности, общества и государства, что традиционно характеризует предмет конституционного права.

Содержание, общественно-политическое и социально-экономическое значение отдельных конституционных новел 2020 г. настолько велико, что они должны были бы найти свое отражение среди основ конституционного строя и основных прав и свобод человека и гражданина. Совокупность причин юридического и

политического характера не позволяют внести какие-либо дополнения или изменения в гл. 1 и 2 Конституции РФ, притом что с учетом новых положений ч. 5 ст. 75 и ст. 75.1 Конституции содержание конституционной ценности свободы труда значительно обогатилось и принцип заслуживает своего места в ст. 7 Конституции в качестве одного из элементов социального государства. Несмотря на это, анализ практики Конституционного Суда РФ свидетельствует о фактическом наделении принципа свободы труда чертами одного из элементов социального государства и фактором социально-экономической политики российского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М. О. Трансформация понятия прав человека в либеральных концепциях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2 (30). С. 75–82.

Алебастрова И. А. Социальные права: конституционные обещания, пожелания или привидения? // Государство и право. 2010. № 4. С. 30–38.

Астафичев П. А. Приоритеты развития конституционных социально-экономических прав человека и гражданина в СССР и современной России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 7–13.

Астафичев П. А. Социально-экономические права человека в советской и постсоветской России: опыт сравнительного исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (90). С. 21–26.

Бондарь Н. Конституция — ценностно-правовая основа разрешения социальных противоречий (в контексте практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63). С. 46–58.

Гейхман В. Л. Конституция РФ и право на труд // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 5–7.
Государственное право СССР : учебник / Г. В. Барабашев, П. Т. Василенков, Д. Л. Златопольский [и др.] ; под ред.: С. С. Кравчук. М. : Юрид. лит., 1967. 551 с.

Канакова А. Е. Свобода труда и право на труд в Конституции Российской Федерации: содержание и соотношение конституционных категорий // Алтайский юридический вестник. 2016. № 2 (14). С. 29–33.

Колотова Н. В. Конституционализация социальных прав — тенденция развития современного права // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 5–9.

Краснослободцева Н. К. Соотношение понятий «свобода» и «права» человека // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 4 (38). С. 75–82.

Крусс В. И. Доктринальные инновации в контексте конституционализации российской правовой системы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 2–11.

Малицкий А. Л. Советское государственное право (очерки). Харьков : Юриздат НКЮ УССР, 1926. 324 с.

Михайловская И. Конституционное закрепление прав и свобод личности: взгляд извне // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1998. № 2 (23). С. 35–38.

Невинский В. В. Естественные права человека на весах современного конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 8. С. 28–33.

Невинский В. В., Канакова А. Е. Свобода труда и право на труд в конституциях зарубежных стран (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1, № 2. С. 97–103.

Опалева А. А. Права и свободы личности в контексте конституционных изменений // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 199–202.

Осавелюк А. М. Эволюция предмета отрасли конституционного права // Мировой судья. 2014. № 1. С. 9–15.

Права человека : учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. 3-е изд., перераб. М. : Норма : Инфра-М, 2022. 512 с.

Працко Г. С., Яценко О. В. Западный либерализм и его структурная характеристика // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : материалы XXII национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 17 апреля 2021 г. Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2021. С. 581–585.

Пферсманн О. Значение социальных принципов в сравнительном конституционном праве // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 1 (42). С. 45–51.

Сагандыков М. С. Правовая природа социально-трудовых прав в конституциях России и зарубежных стран // Российский ежегодник трудового права. 2011. № 6. С. 247–251.

Титова Е. В. К вопросу о конституционно-правовой концепции взаимодействия государства и человека // Lex russica. 2018. № 11. С. 69–82.

Хайек Ф. А. Конституция свободы / пер. с англ. М. : Новое издательство, 2018. 528 с.

Худoley Д. М. Конституционализация прав на труд в зарубежных государствах // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 1 (7). С. 168–170.

Шайо А. Как верховенство права погубило реформу социальной защиты в Венгрии // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1996. № 2 (15). С. 2–11.

Шульженко Ю. Л. Учебник советского государственного права под ред. А. Я. Вышинского 1938 г. // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17, № 1. С. 77–99.

REFERENCES

Abramova MO. Transformation of the concept of human rights in liberal concepts. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2015;2(30):75-82. (In Russ.).

Alabastrova IA. Social Rights: cOnstitutional Promises, Wishes or Ghosts? *State and Law*. 2010;4:30-38. (In Russ.).

Astafichev PA. Priorities of the development of human and civil constitutional socioeconomic rights in the USSR and modern Russia. *Constitutional and Municipal Law*. 2021;8:7-13. (In Russ.).

Astafichev PA. Socio-economic human rights in soviet and Post-Soviet Russia: the experience of a comparative study. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;2(90):21-26. (In Russ.).

Bondar N. The Constitution is the value-legal basis for resolving social contradictions (in the context of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation). *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*. 2008;2(63):46-58. (In Russ.).

Geikhman VL. The Constitution of the Russian Federation and the right to labor. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2019;1:5-7. (In Russ.).

Barabashev GV, Vasilenkov PT, Zlatopolskiy DL, et al. Kravchuk SS (ed.). State law of the USSR. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1967. (In Russ.).

Kanakova AE. Freedom of labor and the right to work in the Constitution of the Russian Federation: the content and balance between constitutional categories. *Altayskiy yuridicheskiy vestnik = Altai Legal Bulletin*. 2016;2(14):29-33. (In Russ.).

Kolotova NV. Constitutionalization of social rights as a modern law development tendency. *Constitutional and Municipal Law*. 2019;1:5-9. (In Russ.).

Krasnoslobodtseva NK. The relationship between the concepts of «freedom» and «human rights». *Leningrad Law Journal*. 2014;4(38):75-82. (In Russ.).

Kruss VI. Doctrinal innovations in the context of the Constitutionalization of the Russian legal system. *Constitutional and Municipal Law*. 2013;4:2-11. (In Russ.).

Malitskiy AL. Soviet State Law (essays). Kharkiv: Yurizdat NKYu of the Ukrainian SSR; 1926.

Mikhailovskaya I. Constitutional Consolidation of Individual Rights and Freedoms: An Outside View. *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeyskoe obozrenie = Constitutional Law: The Eastern European Review*. 1998;2(23):35-38. (In Russ.).

Nevinskiy VV. Natural human rights on the balance of modern constitutionalism. *Constitutional and Municipal Law*. 2016;8:28-33. (In Russ.).

Nevinskiy VV, Kanakova AE. Freedom of labor and the right to work in constitutions of foreign countries (comparative and legal analysis). *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2015;1(2):97-103. (In Russ.).

Opaleva AA. Individual rights and freedoms in the context of constitutional changes. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;3:199-202. (In Russ.).

Osavelyuk AM. Evolution of a subject of branch of a constitutional law. *Magistrate Judge*. 2014;1:9-15. (In Russ.).

Lukasheva EA (ed.). Human rights. 3rd ed. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2022. (In Russ.).

Pratsko GS, Yatsenko OV. Western liberalism and its structural characteristics. In: Modernization of Russian society and education: New economic guidelines, management strategies, law enforcement and training issues: Proceedings of the 22nd National Scientific Conference (with international participation), Taganrog, April 17, 2021 Taganrog: Publishing House of Taganrog Institute of Management and Economics; 2021. (In Russ.).

Pfersmann O. The importance of social principles in comparative constitutional law. *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeyskoe obozrenie = Constitutional Law: The Eastern European Review*. 2003;1(42):45-51. (In Russ.).

Sagandykov MS. The legal nature of social and labor rights in the Constitutions of Russia and foreign countries. *Russian Yearbook of Labor Law*. 2011;6:247-251. (In Russ.).

Titova EV. The constitutional law concept of interaction between the State and an individual. *Lex russica*. 2018;11:69-82. (In Russ.).

Hayek FA. The Constitution of Freedom. Tr. from Eng. Moscow: New Publishing House; 2018. (In Russ.).

Khudoley DM. Constitutionalization of the right to work in foreign countries. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2010;1(7):168-170. (In Russ.).

Shayo A. How the rule of law ruined social protection reform in Hungary. *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeyskoe obozrenie = Constitutional Law: The Eastern European Review*. 1996;2(15):2-11. (In Russ.).

Shulzhenko YuL. Textbook of Soviet State Law edited by A. Ya. Vyshinsky 1938. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2022;17(1):77-99. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сагандыков Михаил Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, трудового права Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета)

д. 149, Коммуны ул., г. Челябинск 454080, Российская Федерация
sagandykovms@susu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail S. Sagandykov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law and Labor Law, Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation
sagandykovms@susu.ru

Материал поступил в редакцию 14 ноября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 16 ноября 2023 г.

Принята к печати 16 января 2024 г.

Received 14.11.2023.

Revised 16.11.2023.

Accepted 16.01.2024.

В. В. Хилjuta

Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы (ГрГУ имени Я. Купалы)
г. Гродно, Республика Беларусь

Онтологические аспекты понимания общественной опасности как признака преступления

Резюме. В статье рассматривается вопрос о понимании и значении общественной опасности в рамках определения понятия «преступление». Анализируются онтологические основы общественной опасности, и делается вывод о бесперспективности данного понятия в ракурсе общего учения о преступлении. Автором обосновывается идея о том, что общественная опасность производна от причиняемого вреда. Именно вред формирует общее понятие преступления, определяет его контуры и характерные признаки. Общественная опасность не представляет собой объективного признака преступного деяния, она довольно условна и характеризуется во многом конъюнктурными соображениями законодателя, которые находятся за гранью уголовного права. Оценка того или иного поведения человека не может быть универсальной, и поэтому категория общественной опасности всегда нужна только для того, чтобы обосновать необходимость введения того или иного уголовно-правового запрета. Констатируется, что общественная опасность не может характеризовать преступление, т.к. оно всегда связано с причинением вреда, а общественная опасность является производной от причиненного вреда (или вреда, который мог быть причинен социальным ценностям). Именно вред характеризует деяние как опасное или неопасное. Поэтому основной акцент в понимании преступления должен быть смещен в плоскость вреда, его значимости и существенности для определения понятия того, что является преступлением. В таком ракурсе общественная опасность есть необходимая составляющая вреда и ее понимание может обрести смысл только через общее понимание вреда как последствия преступления. Следовательно, преступление — это наносящее вред охраняемым ценностям деяние, которое совершено физическим лицом виновно и признаки которого указаны в уголовном законе.

Ключевые слова: преступление; признаки преступления; общественная опасность; вред; личность преступника; причинение вреда; уголовное право; состав преступления; вредоносность деяния

Для цитирования: Хилjuta В. В. Онтологические аспекты понимания общественной опасности как признака преступления. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 2. С. 60–69. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.060-069

Ontological Aspects of Understanding Public Danger as an Element of a Crime

Vadim V. Hilyuta

Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Republic of Belarus

Abstract. The paper examines the issue of understanding and meaning of public danger within the definition of the concept of «a crime». The author focuses on ontological foundations of social danger and draws the conclusion about the futility of this concept in the perspective of the general doctrine of a crime. The author substantiates the idea that social danger is derived from the harm caused. It is harm that forms the general

concept of a crime, defines its contours and characteristic features. Public danger does not represent an objective element of a criminal act, it is rather conditional and is characterized in many ways by arbitrary considerations of the legislator, which are beyond the scope of criminal law. Assessment of a particular human behavior cannot be universal, and, therefore, the category of public danger is always required today only in order to justify the need to introduce a particular prohibition under criminal law. The paper states that public danger cannot characterize a crime, because crime is always associated with harm, and public danger is a derivative of the harm caused (or harm that could have been caused to social values). It is harm that characterizes an action as either dangerous or non-dangerous. Therefore, the main emphasis in understanding the crime should be shifted to the category of harm, its significance and materiality in order to define the concept of what constitutes a crime. In this perspective, public danger is a necessary element of harm and its understanding can only make sense through a general understanding of harm as a consequence of a crime. Therefore, a crime is an act that harms protected values, committed by an individual culpably and the elements of which are indicated in the criminal law.

Keywords: crime; elements of crime; public danger; harm; identity of the offender; causing harm; criminal law; corpus delicti; harmfulness of the act

Cite as: Hilyuta VV. Ontological Aspects of Understanding Public Danger as an Element of a Crime. *Lex russica*. 2024;77(2):60-69. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.060-069

Общественная опасность является одним из фундаментальных и системообразующих понятий уголовного права. Можно даже без преувеличения сказать, что все отечественное уголовное право покоится на данном понятии — «общественная опасность». Помимо того, что это понятие определяет сущность преступления и де-факто предопределяет его, общественная опасность пронизывает все уголовное право и его центральные институты: преступление и наказание.

Казалось бы, при столь значимой позиции данного института для уголовного права понятие и характеристика общественной опасности должны были быть детально определены и разработаны не только в самом уголовном праве, но в первую очередь в его доктрине. И не скажешь, что этого не произошло и нам ничего по этому поводу неизвестно, однако определенный осадок при исследовании данного института всегда остается, т.к. в его функциональном состоянии присутствуют некие недосказанность и нерешенность. Связано это во многом и с тем, что за пределы аксиоматического определения того, что общественная опасность характеризуется причинением вреда или созданием угрозы причинения вреда общественным отношениям (а по сути, личности, обществу или государству), выйти так и не удалось. Именно поэтому обще-

ственную опасность сегодня стали характеризовать как фантом, ибо во многом ее смысловое и содержательное наполнение зависит от чисто субъективных факторов и обстоятельств, связанных с конъюнктурой, целесообразностью (политической, экономической, социальной), историческим моментом развития государства и социума в целом. В этой связи теперь можно без преувеличения сказать: всё, что противоправно, и является общественно опасным¹.

Наверное, не без оснований по этой причине сегодня всё настойчивее звучат призывы к отказу от данной правовой дефиниции как чисто теоретической конструкции, не имеющей содержательной составляющей. И связывается это именно с неопределенностью и противоречивостью понимания общественной опасности, невозможностью интегрирования ее смыслового значения в правоприменительную деятельность и т.д. Всё это в конечном счете ведет к формулированию понятия преступления как исключительно противоправного деяния². Но если мы говорим об общественной опасности как признаке преступления, то можно ли на одну плоскость ставить общественную опасность преступления и общественную опасность деяния? Более того, не «растворяется» ли общественная опасность в том вреде, который и предопределяет то или иное деяние как

¹ См.: Хиллута В. В. Общественная опасность и криминализация в системе мер безопасности // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 4. С. 44–50.

² П. С. Яни и Э. С. Мурадов признают, правда с оговоркой, за общественной опасностью объективное свойство преступления. И эта оговорка заключается только в том, что в силу неопределенности общественной опасности нужна правоприменителю как определенный простор для принятия решений согласно концепции усмотрения (Яни П. С., Мурадов Э. С. Вина, виновность, общественная опасность // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 1. С. 17).

преступное? Ведь если учиняется некоторое деяние, то мы его облачаем в некую форму и наделяем общественной опасностью сугубо по тому вреду, который был причинен или может быть причинен в результате реализации этого деяния.

Но поскольку в данном случае имеет место интерпретация самого деяния с точки зрения того, какой вред может быть причинен в результате его совершения, наделять деяние общественной опасностью не совсем верно. Скорее, наоборот, не деяние является общественно опасным, а само преступление в целом, и только лишь потому, что характер и степень причиняемого вреда выводят его в плоскость опасного и антисоциального поведения, крайне вредного для общества и государства.

Тем не менее в правовой литературе именно характер и степень общественной опасности деяния продолжают рассматриваться в качестве составных частей и главных характеристик этого понятия. И связано это во многом с тем обстоятельством, что сущность общественной опасности определяется всеми элементами состава преступления. Отсюда и выводятся положения о том, что определяет качественный и количественный критерии общественной опасности.

На наш взгляд, здесь непринципиален вопрос о том, связывается ли сегодня общественная опасность исключительно с объектом преступления или же с составом преступления. При прочих равных условиях можно обосновать любую точку зрения и увязать общественную опасность исключительно с теми ценностями, на которые происходит посягательство, либо видеть общественную опасность в любом элементе состава преступления. Но общественная опасность деяния производна от вреда, который и формирует понятие преступления.

Более того, если любое преступление посягает на те ценности, которые признаются и разделяются большинством членов общества, то это обстоятельство легитимирует природу государственного насилия в отношении лица, совершающего посягательство на установленный правопорядок и существующие ценности. Од-

нако является ли это посягательство общественно опасным — вопрос во многом условный. Оценочность категории «общественная опасность» не может быть безграничной, с одной стороны, но с другой — все попытки придать строго определенный формат общественной опасности через ее характер и степень также ни к чему серьезному не привели.

Этот процесс бесконечен, потому что общественная опасность представляет собой известную область неопределенности, причем и на стадии криминализации (декриминализации) поведения лица, и в процессе применения уголовного закона. Поэтому утверждение Ю. Е. Пудовочкина о том, что «с теоретической и практической точек зрения целесообразно и даже необходимо различать общественную опасность преступления и общественную опасность деяния, которое может быть (должно быть) признано преступлением»³, не вносит ясности в обсуждаемый контекст рассматриваемой проблемы, а еще больше запутывает ее. Ибо если сегодня деяние является генеральным признаком преступления, то именно оно преступление и предопределяет, т.е. общественная опасность деяния наделяет преступление такой же опасностью⁴. В данном случае общественная опасность больше ниоткуда не берется. Она не может проистекать из признака виновности или противоправности. И что дает нам этот теоретический посыл? Пока не совсем понятно, потому что даже при установлении признаков мало-значительности деяния мы в первую очередь отвечаем на вопрос о том, причинило ли оно существенный вред охраняемым отношениям и было ли направлено на причинение такого (существенного, значимого) вреда.

Один из принципиальных посылов в понимании общественной опасности состоит в том, что уголовное право основывается на поведении людей и если они нарушают установленные предписания, то установлению в процессе криминализации общественных отношений подлежат характер и степень подобных нарушений, что может быть измерено посредством определения того вреда, который может

³ Пудовочкин Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления. М., 2019. С. 7.

⁴ Тем не менее В. М. Коган обращал внимание на то, что общественная опасность в этом случае имеет противоречивый характер. Так, по его мнению, «поскольку опасны для общества вред либо угроза вреда лишь определенным (а не любым) объектам, постольку общественная опасность деяния находится вне его самого. Поскольку же вред либо угроза вреда определенным объектам создается лишь определенным (а не любым) деянием, постольку общественная опасность деяния находится в нем самом» (Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М. : Наука, 1983. С. 81).

быть причинен. При этом, характеризуя общественную опасность, мы должны указать, что она выступает свойством преступления, а поведение человека является предметом преступного деяния. И как отмечал по этому вопросу В. В. Мальцев, общественная опасность преступления связана с природным (способность изменять внешнюю среду) и социальным (способность к проявлению в общественно-конфликтной форме) свойствами деяния⁵.

Таким образом, общественная опасность в основе поступка человека видит его способность изменять окружающую среду (или воздействовать на нее). Соответственно, последствия от совершенного деяния (или возможность их наступления) лежат в основе построения категории «общественная опасность». Наряду с этим, общественная опасность производна от той деятельности, которую осуществляет человек. Именно способ деятельности человека предопределяет опасность тех последствий, которые могут наступить. И если мы ведем речь о том, что право регулирует поведение людей относительно социальных ценностей, то содержание общественной опасности следует искать в том вреде, который причиняется общественным отношениям. С этой точки зрения общественная опасность преступления находит свое выражение при формулировании конкретной уголовно-правовой нормы. В этом аспекте можно предположить (с учетом анализа дефиниций уголовно-правовых норм), что общественная опасность преступления прямым образом находит свое выражение:

а) в поведении человека, его деянии, т.е. способе реализации его намерений;

б) в том вреде, который причиняется или может быть причинен общественным отношениям;

в) в опасности личности (деятеля), осуществляющего свое намерение.

Такая обрисовка позволяет выделить типы поведения лица и именовать их в дальнейшем преступлением или правонарушением. И в дан-

ном ракурсе именно фактически причиненный (или потенциальный) вред формирует категорию общественной опасности, а не наоборот, т.к. уголовное право ставит своей задачей охрану общественных отношений, ценностей и социальных благ от причинения им вреда (ущерба). Любая общественная опасность проявляется во вредоносности. Поэтому опасность деяния всегда трансформируется в социально вредные последствия, которые могут носить качественный или количественный характер. С другой стороны, если мы утверждаем, что общественно опасное поведение есть единственный источник антисоциального свойства — поведения человека, то мы не можем выносить за скобки самого деятеля, т.е. лицо, совершившее общественно опасное деяние. На наш взгляд, невозможно сегодня просто отрицать тот факт, что общественная опасность личности, как и ее деяние, не должна находить свое выражение в конкретном составе преступления. Конструкция уголовно-правовых норм свидетельствует о том, что, помимо самого деяния, законодатель дает оценку и личности, совершающей это деяние⁶. А это прямым образом формирует общественную опасность, которая учитывает и деяние, и самого деятеля.

Анализ правоприменительной практики позволяет утверждать, что не только общественная опасность находится в самом деянии, но и ее признаки содержатся в лице, совершающем это деяние. Тем не менее, если мы не можем определить, что представляет собой общественная опасность, и предпочитаем вести разговор о ней в оценочном ключе, тогда следует признать, что общественная опасность не может быть выведена посредством правил формальной логики и не может поддаваться данным правилам при ее определении. И если общественная опасность носит оценочный характер, то и само понятие преступления также весьма оценочно, поскольку общественная опасность деяния сегодня главный признак преступления. В таком случае общественная

⁵ См.: Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть : в 4 т. М. : Юрлитинформ, 2017. Т. 3 : Преступление. Кн. 1 : Категория «преступление» в уголовном праве: научное исследование. С. 73.

⁶ Как некогда указывал А. Э. Жалинский, «идентифицирующим признаком уголовно-правового характера запрета является также связь деяния и личности, что не ограничивается виной, и прямо предусмотрено частью 3 ст. 60 УК РФ “Общие начала назначения наказания”, где обязывается при назначении наказания учитывать характер и степень общественной опасности деяния и личности виновного» (Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. / отв. ред. О. Л. Дубовик. М. : ВШЭ, 2015. Т. 2 : Уголовное право. С. 28). Из этого следует вывод, что общественная опасность всегда приписывается деянию личности и именно оно ставится в упрек этой самой личности.

опасность есть объективная фикция и не имеет четких правил ее установления и конечного выражения (отождествления). Но очевидно и то, что общественная опасность является предметом оценки.

Следует признать данностью, что в настоящее время определенное деяние или поведение человека признается преступлением по воле законодателя. Является ли при этом то или иное деяние (поведение) опасным и, как следствие, преступным, определяет только сам законодатель, исходя из различных обстоятельств и руководствуясь факторными мотивами. Общественная опасность в этой системе производна, вторична и придает этому процессу конечный характер и правовое обоснование. Поэтому при такой постановке вопроса мы вынуждены констатировать, что порой, по логике законодателя, опасно даже не деяние человека, а сам человек — личность, субъект правонарушения (преступления), как в случае с административной преюдицией. В такой плоскости общественная опасность преступления вполне может быть увязана с общественной безопасностью государства, общества, личности и в конечном итоге с общественной защитой (превенцией). Хотя это мы уже проходили в недавнем советском прошлом, тем не менее сегодня этой идее пытаются придать новый импульс.

Отметим, что общественная опасность не может быть выведена из человеческого бытия, той реальности, в которой мы находимся, хотя бы по той причине, что это есть зло, такое же непознаваемое и объективно невыводимое

по формально заданным правилам. Следовательно, общественная опасность относится как к деянию, так и к лицу, его совершающему. Оценка сугубо деяния в отрыве от лица не может разрешить проблему понимания того, что представляет собой преступление. Яркий пример — малозначительное деяние, которое может иметь место при установлении признаков как преступления, так и правонарушения, где критерием малозначительности выступает не только само деяние, но и деятель⁷.

С другой стороны, сущность общественной опасности не может быть выведена из самого деяния (преступного поведения). Общественная опасность возникает из того вреда, который причиняется охраняемым социальным интересам и ценностям (благам). Мера такой опасности и степень вреда устанавливаются в результате социальной оценки совершенного лицом деяния (поведения). Поэтому общественная опасность никогда не возникает сама по себе. Для оценки совершенного деяния важно то последствие, которое наступает (или может наступить) и способно причинить урон охраняемым социальным ценностям. Это последствие характеризует вредоносность самого деяния и его опасность⁸.

Категория общественной опасности не может являться постоянной, она точно так же изменчива, как и те социальные отношения, которые функционируют в обществе. Безусловно, есть фундаментальные ценности (жизнь, здоровье, собственность), которые охраняются во все времена, но отношение к данным социальным ценностям не всегда равнозначное⁹.

⁷ Например, в ст. 8.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, предусматривающей основания освобождения от административной ответственности при малозначительности административного правонарушения, содержатся положения, которые не позволяют применять институт малозначительности: «1) к индивидуальному предпринимателю, если совершенное правонарушение связано с осуществляемой им предпринимательской деятельностью; 2) к должностному лицу в случае совершения им правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих должностных (служебных) обязанностей; 3) если повторное совершение административного правонарушения влечет уголовную ответственность; 4) по делам о правонарушениях, влекущих административную ответственность по требованию потерпевшего или его законного представителя». То есть малозначительность связывается в том числе и с признаками лица, совершившего деяние.

⁸ Не случайно по этому поводу О. А. Михаль указывал на то, что «общественную опасность необходимо искать за пределами уголовного права, в социальной действительности» (Михаль О. А. Характер и степень общественной опасности преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4. С. 21). То есть с этой точки зрения можно сказать, что причинение вреда это всего лишь предпосылка общественной опасности, поскольку мы в этой ситуации должны выйти за пределы конкретного состава преступления, ибо механизм причинения вреда никогда не связан «совокупностью норм».

⁹ Например, в Древней Греции рабы считались вещью, и такая вещь ничего не стоила. Раба можно было убить, и для его хозяина ответственность за это деяние не наступала.

Общественная опасность постоянно трансформировалась под влиянием экономической и политической системы общества, с изменением морально-нравственных норм общества. С этой точки зрения общественная опасность — категория не уголовно-правовая в чистом виде, а социальная, она во многом субъективна (а не объективна, как это утверждается в правовой литературе). Именно поэтому основной акцент в понимании преступления должен быть в плоскость вреда, причиняемого деянием, а не общественной опасности самого деяния¹⁰. И поскольку решающее значение в определении степени общественной опасности принадлежит ценностной характеристике вреда, именно вред должен определять контуры преступления, а не общественная опасность¹¹. Следовательно, вред характеризует деяние как преступление и позволяет отличить его от иных правонарушений¹². Более того, любое деяние не расценивается как преступление именно

потому, что не причиняется реального вреда социальным ценностям (или отсутствует угроза причинения такого вреда), а не потому, что деяние является малозначительным. Не малозначительность, а характер вреда позволяет развести преступление и правонарушение.

Общественная опасность с этих позиций не представляет собой объективного признака преступного деяния, она довольно-таки условна и характеризуется во многом конъюнктурными соображениями, которые находятся за гранью уголовного права¹³. Все постулаты об общественной опасности не более чем ширма, которой удобно в нужный момент прикрыться и которую при необходимости легко отодвинуть в сторону. Оценка того или иного поведения человека не может быть универсальной, поэтому категория общественной опасности всегда нужна будет только для того, чтобы обосновать необходимость введения того или иного уголовно-правового запрета, и поводы для этого

¹⁰ Иной подход к этому вопросу у С. А. Бочкарева. Он полагает, что «вред характеризует состояние (свойства) вещей, их пригодность или непригодность для членов социума, а опасность — состояние человека, общества и государства, их способность к адекватному, безопасному восприятию вещей и явлений, окружающих их внешних обстоятельств». Отсюда «опасность, в отличие от вреда, не измеряется арифметическими и экономическими коэффициентами, не носит материального, морального, физического или иного характера, не имеет правомерного либо противоправного значения» (Бочкарев С. А. О природе общественной опасности преступления // Бизнес в законе. 2009. № 5. С. 157, 159). Однако такое представление об общественной опасности крайне аморфно и неопределенно, причем оно отождествляется на уровне рассудка и ощущений. Опасность, в отличие от вреда, — это абстрактное состояние. Вред же имеет практический базис, всегда объективен, вытекает из человеческого опыта. Например, назначая наказание, суд руководствуется не общественной опасностью самого деяния, а фактически тем вредом, который был причинен в результате совершения преступления.

¹¹ Не зря по этому поводу А. И. Марцев сетовал на то, что «общественную опасность следует рассматривать в качестве вторичного последствия преступного поведения или преступной деятельности» (Марцев А. И. Преступление: социально-правовой анализ. Омск : Омская академия МВД России, 2012. С. 6).

¹² Это обстоятельство позволило Г. П. Новоселову прийти к выводу о том, что, сохранив в определении понятия преступления признак общественной опасности, уголовный закон определяет преступление как «такое отношение лица к личности, обществу или государству, которое выражается в совершении деяния, причиняющего или создающего угрозу причинения вреда именно им (личности, обществу или государству), а не общественным отношениям» (Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М. : Норма, 2011. С. 110–115). Вопрос о том, кому (или чему) причиняется вред, весьма дискуссионный. И главным образом эта дискуссия упирается в то, что один и тот же вопрос исследователи обсуждают с разных сторон, с разных углов зрения. Поэтому при неизменности того постулата, что преступление причиняет вред, ответ на вопрос о том, кому или чему может быть причинен вред, видится разным: общественным отношениям, людям, социальным ценностям и благам, норме права и т.д.

¹³ Так, Ю. Е. Пермяков обращал внимание на то, что «объективное содержание общественной опасности не зависит от мнения законодателя и тех признаков, с помощью которых поступки человека приобретают уголовно-правовое значение. Оно обусловлено характером социального взаимодействия — производства, общения, управления и освоения культуры, — фрагментом которого выступает преступное деяние» (Пермяков Ю. Е. Категория «общественная опасность» в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. С. 8).

(как и необходимые аргументы), поверьте, найдутся.

Следует сказать и о том, что в настоящее время основной посыл применительно к личности правонарушителя (преступника) и общественной опасности сводится к тому, что общественная опасность выражается только самим деянием, т.е. объективными внешними признаками, а общественная опасность личности никогда не может выступать основанием уголовной ответственности. То есть фактически в основе общественной опасности лежит объективный критерий — само деяние и объект посягательства, но почему тогда не придается значения субъективным признакам преступления? На каком основании они отсекаются? Действительно ли общественная опасность характеризует лишь деяние, но не само лицо?

Итак, если мы ставим вопрос о том, что общественная опасность присуща преступлению в целом, а не деянию, то тогда возникает проблема иного рода: вправе ли мы разделять деяние и деятеля? Ведь если преступление опасно, то вполне понятно, что опасно и лицо, его совершившее. Следовательно, общее понятие преступления должно содержать и указание на субъекта, т.е. на лицо, его совершающее. Очевидно, что здесь общественная опасность связывается как с самим деянием, так и с деятелем и не может быть отделена. В этом контексте

некоторые исследователи заостряют внимание на том, что «сведение сущности общественной опасности только лишь к причинению или созданию угрозы причинения вреда общественным отношениям приводит к искаженному отрыву деяния (действия или бездействия) от личности, которая его совершила»¹⁴.

Можно рассуждать иначе. Если сегодня, как указывают многие, общественная опасность олицетворяет весь состав преступления и «разливается» в нем, то очевидно также, что общественной опасностью обладает и субъект преступления, сам деятель. Как отмечает И. Я. Гонтарь, «именно личность, основу которой образует сознание, предстает объектом воздействия всей системы уголовного права, и только на сознание личности, а не на ее поведение как свойство этой личности, уже производное от сознания, может воздействовать и воздействует институт наказания»¹⁵. То есть деяние как таковое является показателем общественной опасности личности, его учинившей¹⁶. А. И. Марцев тоже указывал на то, что «главенствующим в образовании и развитии общественной опасности деяния является человек, в сознании которого сформировалась идея о возможности совершения преступления и который предпринимает усилия для реализации этой возможности»¹⁷.

Отрицать личность в понимании общественной опасности, полагаем, бессмысленно.

¹⁴ Сыч К. А., Панарина В. В. Общественная опасность деяния в связи с позитивистской концепцией опасного состояния личности // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сборник тезисов выступлений и докладов; Рязань, 21–23 ноября 2017 г. : в 8 т. Рязань, 2017. Т. 2. С. 99.

Иная точка зрения у Ю. Е. Пудовочкина, который замечает, что «опасность личности виновного, пожалуй, только в одном случае может составлять компонент опасности преступления: если свойства личности законодатель придает значение одного из признаков состава преступления» (Пудовочкин Ю. Е. Указ. соч. С. 28).

¹⁵ Гонтарь И. Категория «общественная опасность» в уголовном праве: онтологический аспект // Уголовное право. 2007. № 1. С. 17.

¹⁶ По мнению И. А. Солодкова, общественная опасность преступления складывается из причиненного вреда (или угрозы его причинения) и злонамеренности лица, а это отражает уровень потенциальной возможности совершения им новых преступлений (Солодков И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 8). Б. Т. Разгильдиев также полагает, что «общественная опасность деяния в качестве своей органической части включает в себя опасность личности» (Разгильдиев Б. Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 215). Ю. А. Демидов указывал на то, что общественная опасность личности виновного может занять доминирующее положение по отношению к общественной опасности деяния, не становясь тем не менее основанием уголовной ответственности, поскольку общественная опасность преступника определяется общественной опасностью его преступного деяния (Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М. : Юрид. лит., 1975. С. 92–96).

¹⁷ Марцев А. И. Указ. соч. С. 12.

Ведь уголовное право не борется с «голым» деянием, а имеет своей целью предупредить совершение новых преступлений конкретными лицами, т.е. противодействовать самой личности, а не ее деянию. Человек не может быть придатком своего собственного деяния. Следовательно, общественная опасность обретает свою плоть в физическом лице.

Не будем в этой связи забывать то, что преступление, безусловно, деяние конкретного человека. Но преступлением это поведение становится не сразу, а в связке с тем вредом, который причиняется или может быть причинен¹⁸. Соответственно, только вред может характеризовать преступление как общественно опасное деяние. Но в такой системе координат это вовсе и не нужно. Лицо может сколько угодно признаваться социально опасным, однако если оно не причиняет какого-либо вреда и его деятельность не направлена на причинение такого вреда, то ни о какой общественной опасности личности говорить не приходится, поскольку такая опасность находится вне контекста преступления. Лицо просто не совершает никакого посягательства на какие-либо социальные ценности. Здесь можно говорить лишь о мерах социальной защиты, но эти

меры не образуют предмет уголовного права¹⁹. Есть личности, потенциально представляющие общественную опасность²⁰, и в отношении них следует применять предупредительные меры, меры социальной защиты и т.д., но эти меры не связаны с элементами уголовно-правового воздействия.

Соответственно, общественная опасность не может характеризовать преступление, ибо оно всегда связано с причинением вреда, а общественная опасность является производной от причиненного вреда (или вреда, который мог быть причинен социальным ценностям). Именно вред характеризует деяние как опасное или неопасное. Поэтому основной акцент в понимании преступления должен быть смещен в плоскость вреда, его значимости и существенности для определения понятия того, что является преступлением. В этом отношении *преступление — это наносящее вред охраняемым ценностям деяние, которое совершено физическим лицом виновно и признаки которого указаны в уголовном законе*. В таком ракурсе общественная опасность есть необходимая составляющая вреда и ее понимание может обрести смысл только через общее понимание вреда как последствия преступления²¹.

¹⁸ А. Е. Тесленко подчеркивает, что совершенное деяние «становится общественно опасным только тогда, когда уже сформировались общественные отношения (ценности, блага), нарушение которых и представляет собой содержание этого правонарушения» (Тесленко А. Е. Общественная опасность как основание криминализации экономических преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2. С. 85).

¹⁹ Отсюда становится понятным вывод Д. В. Мирошниченко о том, что понятие общественной опасности связано не с самим фактом совершения конкретного преступления, а с оценкой личности как социально опасной (Мирошниченко Д. В. О понятии «общественно опасная личность» и его значении для предупреждения преступлений // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 1. С. 114). Сказанное может свидетельствовать только о том, что необходимо и дальше совершенствовать законодательство о социальной защите и профилактике преступлений, в основе которого лежат именно идеи безопасности и социальной защиты, общественной опасности личности.

²⁰ Правоведы обращают внимание, что опасное состояние личности может быть обусловлено ее специфическими характеристиками (алкоголизм, невменяемость, тунеядство и т.д.), а также характеристиками ранее имевшейся криминальной истории (рецидивизм, судимость и т.д.) (Бриллиантов А. В., Щербakov А. Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2010. № 10. С. 92–94). В этой связи при наличии достаточных оснований должны применяться превентивные меры воздействия.

²¹ В данном случае мы не связываем последствие с признаком объективной стороны состава преступления, а имеем в виду общее значение последствия в рамках совершенного преступного деяния человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бочкарев С. А. О природе общественной опасности преступления // Бизнес в законе. 2009. № 5. С. 155–159.
- Бриллиантов А. В., Щербаков А. Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2010. № 10. С. 90–98.
- Гонтарь И. Категория «общественная опасность» в уголовном праве: онтологический аспект // Уголовное право. 2007. № 1. С. 16–19.
- Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М. : Юрид. лит., 1975. 184 с.
- Жалинский А. Э. Избранные труды : в 4 т. / отв. ред. О. Л. Дубовик. Т. 2 : Уголовное право. М. : ВШЭ, 2015. 591 с.
- Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М. : Наука, 1983. 183 с.
- Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть : в 4 т. Т. 3 : Преступление. Кн. 1 : Категория «преступление» в уголовном праве : научное исследование. М. : Юрлитинформ, 2017. 520 с.
- Марцев А. И. Преступление: социально-правовой анализ. Омск : Омская академия МВД России, 2012. 75 с.
- Мирошниченко Д. В. О понятии «общественно опасная личность» и его значении для предупреждения преступлений // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 1. С. 107–115.
- Михаль О. А. Характер и степень общественной опасности преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 4. С. 20–24.
- Новоселов Г. П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М. : Норма, 2011. 208 с.
- Пермяков Ю. Е. Категория «общественная опасность» в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989. 22 с.
- Пудовочкин Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления. М. : РГУП, 2019. 222 с.
- Разгильдиев Б. Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2. С. 214–224.
- Солодков И. А. Общественная опасность преступления и ее уголовно-правовое измерение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 24 с.
- Сыч К. А., Панарина В. В. Общественная опасность деяния в связи с позитивистской концепцией опасного состояния личности // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации), Рязань, 21–23 ноября 2017 г. : сборник тезисов выступлений и докладов : в 8 т. Т. 2. Рязань, 2017. С. 96–102.
- Тесленко А. Е. Общественная опасность как основание криминализации экономических преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2. С. 84–87.
- Хиллута В. В. Общественная опасность и криминализация в системе мер безопасности // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 4. С. 44–50.
- Яни П. С., Мурадов Э. С. Вина, виновность, общественная опасность // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 1. С. 13–18.

REFERENCES

- Bochkarev SA. On the nature of the public danger of crime. *Business in Law*. 2009;5:155-159. (In Russ.).
- Brilliantov AV, Shcherbakov AD. The theory of the dangerous condition of person: one step forward or two steps back? *State and Law*. 2010;10:90-98. (In Russ.).
- Gontar I. The category of «public danger» in criminal law: the ontological aspect. *Criminal Law*. 2007;1:16-19. (In Russ.).
- Demidov YuA. Social value and evaluation in criminal law. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1975. (In Russ.).
- Zhalinsky AE. Selected works: in 4 volumes. Ed. by O. L. Dubovik. Vol. 2: Criminal law. Moscow: HSE Publishing House; 2015. (In Russ.).
- Kogan VM. The social mechanism of criminal law impact. Moscow: Nauka Publ.; 1983. (In Russ.).
- Maltsev VV. The course of Russian criminal law. General Part: in 4 vols. Vol. 3: A Crime. Book 1: The category of «crime» in criminal law: scientific research. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2017. (In Russ.).

Martsev AI. A Crime: socio-legal analysis. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ.; 2012. (In Russ.).

Miroshnichenko DV. On the concept of a «socially dangerous person» and its significance for the prevention of crimes. *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 2020;1:107-115. (In Russ.).

Mikhail OA. The nature and degree of public danger of the crime. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2009;4:20-24. (In Russ.).

Novoselov GP. The doctrine of the object of the crime. Methodological aspects. Moscow: Norma Publ.; 2011. (In Russ.).

Permyakov YuE. The category of «public danger» in Soviet criminal law. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Moscow; 1989. (In Russ.).

Pudovochkin YuE. The court's assessment of the public danger of the crime. Moscow: RGUP Publ.; 2019. (In Russ.).

Razgildiev BT. Public danger of crimes and other offenses. *Biblioteka kriminalista = Criminalist's Library*. 2013;2:214-224. (In Russ.).

Solodkov IA. The public danger of crime and its criminal law dimension. Cand. Sci. (Law) Diss. Author's Abstract. Saratov Publ.; 2013. (In Russ.).

Sych KA, Panarina VV. Public danger of an act in connection with the positivist concept of a dangerous state of personality. In: *3rd International Penitentiary Forum «Crime, Punishment, Rehabilitation» (To the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Code of the Russian Federation)*, Ryazan, November 21–23, 2017: Collection of abstracts of speeches and reports. Vol. 2. Ryazan; 2017. (In Russ.).

Teslenko AE. Public danger as a basis for criminalization of economic crimes. *Vestnik of the St. Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010;2:84-87. (In Russ.).

Hilyuta VV. Public danger and criminalization in the system of security measures. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Yugra State University*. 2022;4:44-50. (In Russ.).

Yani PS, Muradov ES. Fault, guilt, public danger. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2007;1:13-18. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хилюта Вадим Владимирович, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (ГрГУ имени Я. Купалы)

д. 22, Ожешко ул., г. Гродно 230029, Республика Беларусь

tajna@tut.by

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Khilyuta, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus

tajna@tut.by

Материал поступил в редакцию 25 августа 2023 г.

Статья получена после рецензирования 28 сентября 2023 г.

Принята к печати 16 января 2024 г.

Received 25.08.2023.

Revised 28.09.2023.

Accepted 16.01.2024.

Как обеспечить согласованность документов территориального планирования: лучшие практики российских городских агломераций

Резюме. Статья является частью цикла научных работ, посвященных лучшим практикам управления российскими городскими агломерациями. Авторы статьи ставили перед собой задачу найти возможные варианты решения наиболее злободневных проблем на основе действующего законодательства, что обуславливает широкое использование эмпирической информации.

Одной из ключевых задач управления на уровне городской агломерации является формирование и последовательная реализация единой градостроительной политики в пределах всей агломерации. В ее основе должны находиться документы территориального планирования и правила землепользования и застройки всех муниципальных образований, а также некоторые иные виды градостроительной документации. Для целей формирования единой градостроительной политики документы всех муниципальных образований должны быть согласованы между собой и подчинены единым целям и задачам. На примере Владивостокской, Екатеринбургской и Новосибирской городских агломераций показываются способы обеспечения согласованности градостроительной документации в границах городской агломерации. Используемые в названных агломерациях управленческие практики сопоставляются между собой с целью выявления условий максимальной эффективности каждой из них. Делается вывод о принципиальной возможности достижения согласованности градостроительной документации в рамках действующего законодательства при условии активной позиции регионального законодателя.

Ключевые слова: городская агломерация; документы территориального планирования; согласование документов территориального планирования; совместная разработка документов территориального планирования; градостроительная политика городской агломерации

Для цитирования: Лисина Н. Л., Ушакова А. П. Как обеспечить согласованность документов территориального планирования: лучшие практики российских городских агломераций. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 2. С. 70–82. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.070-082

Благодарности. Исследование выполнено в рамках гранта РНФ. Соглашение № 23-28-0-0458 от 12.01.2023.

How to Ensure Consistency of Territorial Planning Documents: Best Practices of Russian Urban Agglomerations

Natalia L. Lisina
Alexandra P. Ushakova
Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

Abstract. The paper is part of a series of scientific articles devoted to the best management practices for Russian urban agglomerations. The authors of the paper focused on finding possible solutions to the most pressing problems given the current legislation, which explains the widespread use of empirical information in the paper. One of the key tasks of management at the level of an urban agglomeration is the formation and consistent implementation of a unified urban planning policy within the entire agglomeration. It should be based on documents of territorial planning and rules of land use and development of all municipalities, as well as some other types of urban planning documentation. For the purposes of shaping a unified urban planning policy, the documents of all municipalities must be coordinated with each other and subordinated to common goals and objectives.

Analyzing the cases of Vladivostok, Ekaterinburg and Novosibirsk urban agglomerations, the authors show some ways to ensure the consistency of urban planning documentation within the boundaries of the urban agglomeration. In order to identify the prerequisites for achieving the maximum effectiveness of each of them the authors compare the management practices used in these agglomerations. It is concluded that it is generally possible to achieve consistency of urban planning documentation within the framework of the current legislation, subject to the active position of the regional legislator.

Keywords: urban agglomeration; territorial planning documents; coordination of territorial planning documents; joint development of territorial planning documents; city-planning policy of urban agglomeration

Cite as: Lisina NL, Ushakova AP. How to Ensure Consistency of Territorial Planning Documents: Best Practices of Russian Urban Agglomerations. *Lex russica*. 2024;77(2):70-82. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.070-082

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of an RNF grant. Agreement No. 23-28-0-0458 dated 12.01.2023.

Одним из основных направлений управления городской агломерацией являются формирование и реализация единой градостроительной политики всех участвующих в ней муниципальных образований. Поскольку агломерация с точки зрения экономических процессов и системы расселения представляет собой единый комплексный объект, то управление им должно быть основано на единых целях, функциях и методах. Ведь государственное (и муниципальное) управление не может быть эффективным без учета особенностей управляемых объектов, их «потребностей в управлении» и существующей в них ситуации¹.

Для создания единой градостроительной политики в пределах городской агломерации в первую очередь об этом должна быть достигнута политическая договоренность между всеми

участниками процесса (всеми муниципальными образованиями и регионом). Первоначально такая договоренность обычно фиксируется в договоре о создании городской агломерации. Однако этот договор представляет собой лишь первоначальный этап процесса, нередко «декларацию о намерениях». Реальное же воплощение политическая договоренность о единой градостроительной политике получает только в документах стратегического и территориального планирования, где происходит согласование конкретных пространственных решений с привязкой к точкам в пространстве.

О необходимости согласованного развития всех населенных пунктов в составе агломерации на основе согласованной системы документов говорят многие известные специалисты в области градостроительного законодательства и ур-

¹ Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : курс лекций. 4-е изд., стер. М. : Омега-Л, 2009. С. 12, 124–136.

банистики (развития городов)². Одни специалисты придерживаются мнения о необходимости согласования документации на основе специального документа — схемы территориального планирования (СТП) или проекта районной планировки городской агломерации³, другая часть специалистов необходимость разработки специального документа на уровне агломерации не поддерживает⁴. Однако сама идея о необходимости достижения согласованности документов территориального планирования всех муниципальных образований в составе городской агломерации поддерживается всеми известными нам специалистами.

Применимость положений Градостроительного кодекса РФ для решения задачи согласования документации

В любом государстве согласовать между собой документы стратегического и территориального планирования разных муниципальных образований — задача высшего уровня сложности. Она трудна сама по себе — организационно, технически и политически. Но в России ее дополнительно осложняют два законодательных пробела:

1) отсутствие порядка согласования / совместной подготовки документов нескольких муниципальных образований;

2) отсутствие возможности утверждения СТП городской агломерации в качестве СТП двух и более муниципальных образований (допустимо только в качестве СТП части территории субъекта РФ).

Рассмотрим названные два пробела подробнее.

1. Отсутствие порядка согласования / совместной подготовки документов нескольких муниципальных образований.

Градостроительный кодекс РФ уделяет огромное внимание процедурам согласования документов территориального планирования⁵. Однако практически все случаи согласования связаны с ситуациями «разноуровневости» субъектов территориального планирования: предусматривается взаимодействие между органами Российской Федерации, субъектов РФ и органами местного самоуправления. Возможность согласования документов территориального планирования с органами публичной власти соседних публичных образований предусмотрена только в части возможного установления на территории соседнего региона или муниципального образования зон с особыми условиями использования территорий, связанных с объектом, размещаемым на территории разрабатывающего документ субъекта РФ или муниципального образования⁶.

Для более широкого взаимодействия между органами одного уровня предусмотрены две

² См.: Лаппо Г. М. Развитие городских агломераций в СССР. М. : Наука, 1978. С. 145 ; Малоян Г. А. Агломерация — градостроительные проблемы : монография. М. : Издательство Ассоциации строительных вузов, 2010. С. 103 ; Лола А. М., Меньшикова Е. П., Лола У. А. Профессиональное городское и агломерационное управление в России: состояние и что делать // Градостроительство. 2011. № 3. С. 56–64 ; Трутнев Э. К. Градорегулирование : Правовое обеспечение градостроительной деятельности: альтернативные модели законодательства и программа исправления его ошибок. М. : Институт экономики города, 2019. С. 249–250.

³ См.: Малоян Г. А. К необходимости разработки схем территориального планирования городских агломераций // Academia. Архитектура и строительство. 2016. № 1. С. 64–67 ; Дорожная карта для субъекта РФ по реализации проекта «Развитие городской агломерации». 2018 // Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор» : сайт. URL: <https://giprogor.ru/analytics/publications> ; Лола А. М., Меньшикова Е. П., Лола У. А. Указ. соч. С. 62.

⁴ См.: Трутнев Э. К. Указ. соч. С. 249–250 ; Головин А. В. Критика проектного подхода при определении городских агломераций // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2017. № 1. С. 6–18.

⁵ Процедуре согласования посвящены статьи 12, 16, 21, 25 ГрК РФ, обязанность проводить согласования закреплена в ч. 4 ст. 11, ч. 3 ст. 15, ч. 3 ст. 20 и ч. 8 ст. 24 ГрК РФ. Эти нормы детализируются как федеральными подзаконными актами, так и законами субъектов РФ и муниципальными правовыми актами.

⁶ Для субъектов РФ эта норма закреплена в ч. 2 ст. 16 ГрК РФ, а для муниципальных образований — в ч. 4 ст. 21 ГрК РФ. Мы не рассматриваем этот вопрос более детально в связи с крайней узостью предмета согласования и, как следствие, его слабой пригодностью для целей реализации единой градостроительной политики городской агломерации.

специальные процедуры: подготовка СТП двух и более субъектов РФ (об этом будет идти речь ниже) и процедура совместной подготовки проектов документов территориального планирования, предусмотренной статьей 27 ГрК РФ.

Наиболее близким к интересующей нас области правовым инструментом может быть процедура совместной подготовки проектов документов территориального планирования, предусмотренная статьей 27 ГрК РФ⁷. Эта процедура пригодна как для «вертикальных» отношений (субъекты разного уровня иерархии, например Российская Федерация и субъект РФ), так и для «горизонтальных» отношений (несколько муниципальных образований или несколько субъектов РФ). Однако, к сожалению, возможность ее применения в целях согласования документов в рамках городской агломерации очень ограничена. Причина в узкой формулировке ст. 27 ГрК РФ: в ней предусматривается совместная подготовка документов *по вопросам размещения конкретных объектов федерального, регионального или местного значения на территории «другого субъекта»*. А значит, таким способом невозможно решить большую часть задач, стоящих перед единой градостроительной политикой городской агломерации. Приведем примеры (от более конкретных к более абстрактным):

— при решении вопроса о том, по какой трассе будет размещаться новая автодорога, в совместной подготовке документов может участвовать лишь одно муниципальное образование — то, на чьей территории расположен проектируемый участок. Между тем расположение дороги может быть важным для нескольких близлежащих муниципальных образований (в том числе и в контексте планирования подъездов к этой дороге и размещения новых жилых районов с выходом на эту дорогу);

— согласовать размещение районов высотной застройки в пригородной зоне с использованием инфраструктуры ближайшего района центра агломерации таким способом невозможно: никаких объектов на территории «другого субъекта» в данном случае нет. Более того, сам по себе район высотной жилой застройки не является объектом федерального, регио-

нального или местного значения, юридически он представляет собой функциональную зону;

— невозможно согласовать общие направления развития разных муниципальных образований, перераспределить роли между различными населенными пунктами в границах городской агломерации, создать связку между местами приложения труда и местами проживания населения, создать взаимосвязи между предприятиями, спланировать взаимное расположение жилых районов и элементов «природного каркаса». Все перечисленные задачи — это традиционная сфера влияния территориального планирования.

2. *Отсутствие возможности утверждения СТП городской агломерации в качестве СТП двух и более муниципальных образований* (а это один из двух вариантов правового статуса СТП городской агломерации). Правила ее разработки могли бы быть подобными правилам действующей статьи 13.2 ГрК РФ. Для целей сохранения контроля региональных властей за деятельностью муниципалитетов возможно дополнение этих правил требованием о согласовании проекта СТП с регионом. Такая процедура создала бы возможность подготовки СТП городской агломерации силами самих муниципальных образований, а не региона, что могло бы быть востребовано в городских агломерациях с горизонтальной моделью управления (основанной на межмуниципальном сотрудничестве).

Таким образом, в части возможности комплексного согласования или совместной подготовки документов территориального планирования разными муниципальными образованиями в градостроительном законодательстве имеется существенный пробел. На наш взгляд, целесообразно дополнение ст. 27 ГрК РФ пунктом, позволяющим применять процедуру совместной подготовки в случаях, не названных в Кодексе, *по соглашению сторон* (сейчас процедура проводится не по соглашению сторон: одна сторона проявляет инициативу, а вторая *обязана* согласиться на проведение процедуры). Может быть целесообразным также введение нового вида документов территориального планирования — схемы территориального планирования двух и более муниципальных образований.

⁷ Не случайно один из ведущих разработчиков ГрК РФ Эдуард Константинович Трутнев считает, что взаимодействие органов публичной власти в процессе управления городскими агломерациями должно осуществляться в процессе совместной подготовки документов, а не согласования или подготовки документа территориального планирования двух субъектов РФ (Трутнев Э. К. Указ. соч. С. 244, 249–250).

Между тем необходимость управления городскими агломерациями не зависит от наличия пробелов в действующем законодательстве. Как следствие, специалисты из разных российских агломераций разрабатывают возможные варианты выхода из этой неприятной ситуации⁸. Рассмотрим варианты решения обозначенной проблемы на основе *действующего* законодательства на примере трех агломераций: Владивостокской, Екатеринбургской и Новосибирской.

Опыт Владивостокской агломерации: разработка единого пакета документов территориального планирования

В 2016–2018 гг. во Владивостокской агломерации проводились масштабные работы по подготовке документов территориального планирования для всех муниципальных образований в составе агломерации. *Все документы разрабатывались в составе единого пакета одним и тем же разработчиком*. Было подготовлено 26 документов (в виде проектов новых документов или в виде проектов изменений существующих документов)⁹:

- СТП Приморского края;
- генеральные планы городских округов Владивосток и Артёмовск;

— генеральные планы 10 городских и сельских поселений Надеждинского и Шкотовского муниципальных районов;

— правила землепользования и застройки для Владивостока, Артёмовска и 10 городских и сельских поселений;

— новые нормативы градостроительного проектирования¹⁰.

Юридически такой подход стал возможным благодаря масштабному перераспределению полномочий, осуществленному во Владивостокской агломерации. В результате принятия Закона Приморского края от 18.11.2014 № 497-КЗ¹¹ полномочия в части разработки и принятия всех видов документов территориального планирования, градостроительного зонирования, а также утверждения документов планировки территории были переданы от муниципальных образований региону. Были затронуты все муниципальные образования в составе агломерации. Это стало основой системы «прямого регионального управления» во Владивостокской агломерации.

После того как полномочия оказались сконцентрированы у одного органа публичной власти, стало возможным объявить *единый* конкурс на разработку согласованных изменений вышеназванного пакета из 26 документов, что и было сделано в 2016 г.¹² Победителем конкурса стал Институт территориального планирования

⁸ В целях выявления удачных вариантов решения рассматриваемой проблемы нами была проведена работа по анализу управления в следующих городских агломерациях: Барнаульской, Владивостокской, Екатеринбургской, Иркутской, Казанской, Краснодарской, Красноярской, Махачкалинской, Нижегородской, Новосибирской, Оренбургской, Пермской, Ростовской, Самарско-Тольяттинской, Саратовской, Северо-Кузбасской, Томской, Тульской, Улан-Удэнской, Челябинской, Южно-Кузбасской, агломерации «Горный Урал».

⁹ См. презентацию выступления главного архитектора Института территориального планирования «Град» Стуканевой Ирины «Особенности планирования развития Владивостокской агломерации» на пленарном заседании V Всероссийской конференции «Развитие городских агломераций России: инновация и инфраструктура» (Новосибирск, 31 мая — 1 июня 2018 г.) (URL: https://minstroy.nso.ru/sites/minstroy.nso.ru/wodby_files/files/page_4815/3_stukaneva_i.g.pdf?ysclid=ln2x0ljcga661909923 (дата обращения: 18.10.2023)).

¹⁰ Они были утверждены 30 ноября 2017 г. постановлением администрации Приморского края «Об утверждении расчетных нормативов градостроительного проектирования в Приморском крае».

¹¹ Закон Приморского края от 18.11.2014 № 497-КЗ «О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Приморского края и органами государственной власти Приморского края и внесении изменений в отдельные законодательные акты Приморского края» // Ведомости Законодательного Собрания Приморского края. 2014. № 96. С. 54–65.

¹² Конкурс на выполнение работ по подготовке проектов изменений документов территориального планирования и градостроительного зонирования муниципальных образований, вошедших во Владивостокскую агломерацию, от 23.08.2016. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok44/view/common-info.html?regNumber=0120200004716000601> (дата обращения: 18.10.2023).

«Град» (Омск), с которым и был заключен государственный контракт на разработку всех перечисленных документов.

Отметим, что даже при столь широком перечне разрабатываемых документов оказались учтены не все виды документации: в конкурс не были добавлены схемы территориального планирования двух муниципальных районов. В результате, когда в 2018 г. объявляли второй конкурс¹³, одна из участвовавших в конкурсе организацией предложила экстремально низкую цену и выиграла конкурс¹⁴. Изначальный разработчик оказался среди проигравших. Следовательно, либо второму разработчику пришлось сделать заново значительную часть работы, чтобы вникнуть в исходную концепцию первоначальных частей, либо искомая согласованность была утрачена. Этот случай иллюстрирует, почему нужен *единый* конкурс на разработку всего пакета документов: с учетом фактора цены победителями отдельных конкурсов могут становиться разные организации.

Практика объявления единых конкурсов на разработку изменений в документы территориального планирования и градостроительного зонирования всех муниципальных образований в составе Владивостокской агломерации была сохранена и в дальнейшем (об этом свидетельствует архив конкурсов в Единой информационной системе в сфере закупок — конкурсы 2021¹⁵ и 2022 гг.¹⁶).

Каковы **преимущества разработки всего пакета проектов документации территориального планирования одним разработчиком?**

1. Документы будут учитывать общую концепцию развития агломерации, каждый из документов будет детализировать ее применительно к конкретной территории. Такой способ разработки позволяет обеспечить взаимную

увязку как общих направлений развития, так и конкретных планировочных решений.

2. Такой способ разработки обеспечивает сбор и учет разработчиками *детализированной* информации обо всех населенных пунктах в агломерации (поскольку для каждого населенного пункта необходимо разработать документацию). Между стандартным учетом наличия агломерации как «общего фактора» и учетом детально выявленных особенностей каждого населенного пункта может быть огромная разница.

3. При разработке документов в составе единого пакета заказчиком будет региональный орган. Это позволит исключить доминирование ведомственных или коррупционных интересов отдельных муниципальных образований на стадии подготовки технического задания на разработку документации. Ведь разработчики документации ограничены в своих действиях, они вынуждены соблюдать пожелания своих заказчиков.

4. Единство методологической базы. У каждого проектного института — разработчика есть свой устоявшийся опыт, свое видение способов решения тех или иных проблем, а также свой метод поиска и фиксации необходимой исходной информации. Разные специалисты могут предлагать совершенно несовпадающие пути воплощения одинаковой исходной идеи. Поэтому в случае подготовки частей единого пакета документов разными разработчиками неизбежны несоответствия даже при согласованных требованиях заказчика.

При громадных преимуществах изучаемый нами вариант разработки документации не свободен и от **недостатков**. Наиболее существенным из них является *риск неучета интересов отдельных муниципальных обра-*

¹³ Конкурс на разработку изменений в схемы территориального планирования Надеждинского и Шкотовского муниципальных районов в рамках Владивостокской городской агломерации от 18.05.2018 // URL: <https://zakupki360.ru/tender/32098556?ysclid=lmhfvhvs13700776384>.

¹⁴ Изначальная цена конкурса была объявлена 28 467 673 руб., разработчик первых частей пакета документации предложил цену 18 000 000 руб., а победитель конкурса — 9 500 000 руб. (по сведениям сайта «Закупки 360» (URL: <https://zakupki360.ru/tender/32098556?ysclid=lm5ey8ol6299609438>)).

¹⁵ Конкурс на выполнение работ по подготовке проектов изменений документов территориального планирования и градостроительного зонирования муниципальных образований Приморского края, вошедших во Владивостокскую агломерацию, от 19.05.2021 // URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok504/view/common-info.html?regNumber=0820500000821003180>.

¹⁶ Конкурс на выполнение научно-исследовательских работ по подготовке проектов изменений документов территориального планирования и градостроительного зонирования муниципальных образований Приморского края, вошедших во Владивостокскую агломерацию, от 18.07.2022 // URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/common-info.html?regNumber=0820500000822004212>.

зований в процессе разработки документов территориального планирования. Принципиально важно снизить этот риск, насколько это возможно. Для этого при заключении государственного контракта на разработку пакета документации можно предусмотреть обязанность разработчиков проводить рабочие встречи с представителями всех муниципальных образований и фиксировать все возникающие разногласия. Отдельным региональным актом (или межмуниципальным соглашением) можно предусмотреть порядок урегулирования выявленных таким способом конфликтов интересов.

Следующий недостаток владивостокской практики — *необходимость перераспределения существенного объема муниципальных полномочий в пользу региона*. Обеспечить единый конкурс на разработку документации без перераспределения градостроительных полномочий невозможно, поскольку иначе в качестве заказчика такой документации будут правомочны выступать только органы местного самоуправления каждого муниципалитета (региональные органы — только в части схемы территориального планирования субъекта РФ).

Обратим внимание, что действующее российское законодательство позволяет передавать муниципальные полномочия только органам исполнительной власти субъекта РФ¹⁷. Передать эти полномочия межмуниципальной организации не позволяет часть 4 ст. 8 Закона о

местном самоуправлении¹⁸. А координационный совет большинства городских агломераций является лишь совещательным органом (даже в тех случаях, когда координационный совет создается в качестве юридического лица¹⁹, передать ему муниципальные полномочия не позволяет уже упомянутая часть 4 ст. 8 Закона о местном самоуправлении²⁰).

К сожалению, процедура перераспределения полномочий в пользу региона очень слабо обеспечивает соблюдение интересов муниципальных образований. Она осуществляется императивно, на основании закона субъекта РФ. Неслучайно профессор А. А. Сергеев характеризует сущность данного механизма как «изъятие регионом путем издания закона части полномочий из собственной компетенции муниципалитета»²¹.

Для соблюдения прав муниципальных образований федеральный законодатель предусмотрел всего два ограничения. Во-первых, перераспределяемые полномочия не должны входить в перечень полномочий, которые не подлежат перераспределению (ч. 1.2 ст. 17 Закона о местном самоуправлении, ч. 4 ст. 6 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»). Во-вторых, возможность перераспределения полномочий в конкретной сфере должна быть предусмотрена федеральным законом (ч. 1.2 ст. 17 Закона о местном самоуправлении)²².

¹⁷ Такая возможность предусмотрена частью 1.2 ст. 17 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822) (далее — Закон о местном самоуправлении) и ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8973).

¹⁸ Аналогичное правило сохраняется и в рассматриваемом Государственной Думой РФ проекте нового закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (проектируемая часть 2 ст. 74).

¹⁹ Например, координационные советы Барнаульской, Челябинской агломераций, агломерации «Горный Урал» (Миасс — Златоуст) являются межмуниципальными ассоциациями.

²⁰ Между тем практика передачи полномочий межмуниципальному органу является основой управления городскими агломерациями во Франции, Великобритании и США (см.: Пузанов А. С., Попов Р. А. Проблемы управления городскими агломерациями в современной России // Городской альманах. Вып. 4. М.: Институт экономики города, 2009. С. 154–158).

²¹ Сергеев А. А. Передача полномочий органов местного самоуправления на региональный уровень государственной власти: правовая природа и пределы дискреции регионального законодателя // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 31–37.

²² Детальный анализ практики правоприменения в части названных двух условий см.: Сергеев А. А. Указ. соч. С. 31–37; Гаврилов Е. В. О некоторых проблемах федерального законодательного регулирования перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2020. № 4. С. 17–20.

В случае организации вертикальной модели управления городской агломерацией («прямое региональное управление») на основе перераспределения полномочий перечисленные условия соблюдаются. Во-первых, полномочия в сферах градостроительства, земельных отношений и транспорта не включены в перечень полномочий, перераспределение которых не допускается. Во-вторых, возможность их перераспределения прямо предусмотрена в соответствующих отраслевых законодательных актах: ст. 8.2 ГрК РФ, ст. 10.1 ЗК РФ, ч. 5 ст. 2 Федерального закона от 13.07.2015 № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²³.

Итак, разработка единого пакета документов территориального планирования сопряжена с серьезным ограничением самостоятельности органов местного самоуправления. Есть ли возможность добиться согласованности документации более мягким способом? Уникальный опыт в этой части имеет Екатеринбургская агломерация, сумевшая обеспечить сочетание преимуществ «прямого регионального управления» и сохранения самостоятельности муниципальных образований. Это было сделано благодаря *использованию разных моделей управления городской агломерацией на разных этапах управления*²⁴.

«Двухэтапное управление» Екатеринбургской агломерацией

Управление любой городской агломерацией на разных этапах преследует свои цели и задачи. Для начальных этапов управления главной становится задача подготовки согласованных документов территориального планирования, а для последующих этапов — поиск инвесторов и реализация конкретных запланированных проектов. В Екатеринбургской агломерации систему управления агломерацией приспособили для решения задач, актуальных для разных этапов управления.

Для первого этапа в Екатеринбургской агломерации было введено «прямое региональное управление» в сфере градостроительной деятельности²⁵. Однако, в отличие от Владивостока, здесь *перераспределение полномочий было кратковременным*: полномочия были полностью возвращены муниципалитетам после принятия документов территориального планирования в 2021 г.²⁶ За это время Министерство строительства и развития инфраструктуры Свердловской области успело полностью подготовить весь пакет необходимых документов.

На втором этапе стала использоваться модель «межмуниципального сотрудничества» (горизонтальная модель). Когда документы территориального планирования были подготовлены, градостроительные полномочия были возвращены муниципалитетам. Далее было заключено межмуниципальное согла-

²³ СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4346.

²⁴ Подробнее о моделях управления городскими агломерациями см.: *Шугрина Е. С.* Модели управления российскими агломерациями // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 2. С. 39–43; Правовые проблемы устойчивого пространственного развития государств — участников СНГ / отв. ред. Е. А. Галиновская, М. В. Пономарев. М.: Инфра-М, 2022. С. 375–387; *Галиновская Е. А., Кичигин Н. В.* Городская агломерация как правовая категория: постановка проблемы // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 141–156; *Корабельникова Ю. Л.* Проблемы определения правового статуса городских агломераций в России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 43–46; *Павлов Ю. В., Королева Е. Н., Евдокимов Н. Н.* Теоретические основы формирования системы управления городской агломерацией // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 3. С. 834–850.

²⁵ Закон Свердловской области от 12.10.2015 № 111-ОЗ «О перераспределении полномочий в сфере градостроительной деятельности между органами местного самоуправления муниципального образования “город Екатеринбург” и органами государственной власти Свердловской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. 14.10.2015. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

²⁶ Закон Свердловской области от 08.12.2021 № 116-ОЗ «О признании утратившим силу Закона Свердловской области ОЗ “О перераспределении полномочий в сфере градостроительной деятельности между органами местного самоуправления муниципального образования “город Екатеринбург” и органами государственной власти Свердловской области”» // Официальный интернет-портал правовой информации. 14.12.2021. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

шение о сотрудничестве²⁷ и был создан межмуниципальный Координационный совет, при котором работают семь экспертных советов. В июле 2021 г. члены Координационного совета подписали первый перечень межмуниципальных проектов по развитию агломерации (16 проектов²⁸). А в 2023 г. была создана Ассоциация муниципальных образований «Екатеринбургская городская агломерация», на которую планируется возложить функции по текущему управлению реализацией агломерационных проектов.

Отметим, что изменение модели управления характерно для многих российских агломераций. Однако в подавляющем большинстве случаев оно происходило в связи со сменой губернатора, а не в связи с характеристиками самого управленческого процесса, как это было в Екатеринбургской агломерации²⁹.

Вышеприведенные примеры основаны на постоянном (Владивостокская агломерация) или временном (Екатеринбургская агломерация) перераспределении градостроительных полномочий. Однако возможно ли обеспечить искомую согласованность документации с сохранением полномочий за муниципальными органами? Рассмотрим возможный практический механизм на примере Новосибирской агломерации.

Опыт Новосибирской агломерации

Единство градостроительной политики и согласованность градостроительной документации в Новосибирской агломерации обеспечивают два механизма, применяемых к разным типам муниципальных образований.

1. Для семи *муниципальных* районов введено «прямое региональное управление» с длительным перераспределением полномочий в пользу региона³⁰.

2. Для пяти *городских округов* предусмотрен механизм согласования документов территориального планирования с Координационным советом Новосибирской агломерации при сохранении полномочий за органами местного самоуправления городских округов³¹.

Поскольку варианты работы механизма «прямого регионального управления» подробно рассматривались выше, остановимся только на втором пункте.

Правовую основу согласования градостроительной документации в Новосибирской агломерации составляет соглашение между муниципальными образованиями и регионом от 22.05.2015 № 29³². Это редкий пример межмуниципального соглашения, обеспечивающего реализацию конкретной управленческой задачи с детальным регулированием прав и обязанностей сторон. В большинстве случаев межмуниципальные соглашения в рамках управления городскими агломерациями выполняют более общие задачи: фиксируют состав участников агломерации, цели и задачи управления ею, а

²⁷ Соглашение о взаимодействии органов местного самоуправления в рамках развития Екатеринбургской городской агломерации от 11.11.2020.

²⁸ Подписан первый перечень проектов по развитию Екатеринбургской агломерации // Коммерсант. 2021. 7 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4889773?ysclid=lm8mewvl9916399360> (дата обращения: 15.10.2023).

²⁹ Так произошло в Челябинской, Красноярской, Саратовской, Томской, Тульско-Новомосковской, Иркутской городских агломерациях.

³⁰ Закон Новосибирской области от 18.12.2015 № 27-ОЗ «О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Новосибирской области и органами государственной власти Новосибирской области и внесении изменения в статью 3 Закона Новосибирской области “Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в Новосибирской области”» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/465711039?section=status> (дата обращения: 11.10.2023).

³¹ Соглашение от 22.05.2015 № 29 «Об информационном взаимодействии между Правительством Новосибирской области и органами местного самоуправления муниципальных образований в сфере градостроительной деятельности» между Новосибирской областью и 12 муниципальными образованиями // URL: <https://minstroy.nso.ru/page/1293>.

³² Соглашение от 22.05.2015 № 29 «Об информационном взаимодействии между Правительством Новосибирской области и органами местного самоуправления муниципальных образований в сфере градостроительной деятельности».

также обозначают намерение сотрудничества в определенных областях³³.

В соответствии с соглашением об информационном взаимодействии муниципальные образования и Новосибирская область приняли на себя обязательство направлять в Координационный совет проекты следующих видов документов:

- документов территориального планирования;
- правил землепользования и застройки;
- проектов планировки и проектов межевания территории.

Координационный совет рассматривает представленные документы и направляет мотивированное решение о соответствии или несоответствии проекта документам территориального планирования агломерации³⁴. В целях обеспечения компетентного выполнения Координационным советом данной функции при нем был образован специализированный экспертный совет³⁵.

После получения заключения Координационного совета органы местного самоуправления самостоятельно принимают решения об утверждении документа. При этом *решение Координационного совета имеет рекомендательный характер: теоретически принимающий решение орган местного самоуправления может с ним не согласиться*. Копия итогового варианта документа направляется в Координационный совет уже «для сведения» (что тем не менее позволяет Координационному совету получать оперативную информацию о фактическом учете или неучете его позиции).

К сожалению, даже в этом межмуниципальном соглашении, максимально подробном среди найденных нами, не урегулирован механизм

разрешения разногласий между сторонами, например для случая несогласия органа местного самоуправления с решением Координационного совета или для ситуации постоянного игнорирования позиции Координационного совета одним из органов местного самоуправления.

Предположительно в части данного вопроса в Новосибирской агломерации действует политический механизм. В таком случае учет или игнорирование позиции Координационного совета будет зависеть от двух факторов. Первый из них — насколько велико влияние региона (и в особенности губернатора) в конкретном муниципалитете. Второй — насколько важна деятельность Координационного совета для региональных органов власти (и в особенности для губернатора). Следовательно, новосибирская модель согласования в основном опирается на политическую власть губернатора региона и его стремление заниматься проектом развития агломерации. В случае смены губернатора существует риск фактической отмены согласования, например, если новый губернатор будет придерживаться других представлений об управлении развитием агломерации или не посчитает это направление своей работы важным.

Тем не менее, *если в подобном межмуниципальном соглашении предусмотреть юридический механизм разрешения разногласий, то договорный способ согласования документации может стать весьма эффективным*. Например, можно зафиксировать правила, сходные по смыслу с порядком работы согласительной комиссии, предусмотренным ч. 9–12 ст. 25 ГрК РФ и п. 3.1–3.9 Порядка согласования проектов документов территориального планирования муниципальных образований³⁶.

³³ В Новосибирской агломерации тоже есть такое общее соглашение — это Соглашение от 22.05.2015 «О создании и совместном развитии Новосибирской агломерации Новосибирской области» между 12 муниципальными образованиями (без Новосибирской области) (URL: <https://minstroy.nso.ru/page/1293> (дата обращения: 15.10.2023)).

³⁴ В настоящий момент действует схема территориального планирования Новосибирской агломерации, утв. постановлением Правительства Новосибирской области от 28.04.2014 № 186-п. 35 Презентация доклада начальника отдела территориального планирования Управления архитектуры и градостроительства Министерства строительства Новосибирской области С. М. Новокшонова «Опыт развития городских агломераций в Новосибирской области» на заседании Комитета по стратегическому развитию Общероссийского конгресса муниципальных образований, июль 2018 г. // URL: http://asmo45.ru/menu/manual/agglomeration/msno_aglomeracii.PDF (дата обращения: 15.10.2023).

³⁶ Порядок согласования проектов документов территориального планирования муниципальных образований, состав и порядок работы согласительной комиссии при согласовании проектов документов территориального планирования (утв. приказом Министерства экономического развития РФ от 21.07.2016 № 460) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 45.

Для эффективной работы механизма межмуниципального согласования также должен быть четко установлен предмет согласования. В случае Новосибирской агломерации это — соответствие представленного в Координационный совет проекта документа схеме территориального планирования городской агломерации³⁷. Возможен и другой вариант определения предмета согласования — соответствие представленного документа схеме территориального планирования субъекта РФ. Теоретически возможно установление процедуры согласования *напрямую* документов территориального планирования разных муниципальных образований между собой, однако такой вариант предполагает намного более глубокое регулирование самой процедуры согласования и процесса разрешения возникающих разногласий.

Вышеприведенный вариант согласования может быть применен не только для координационной модели управления городской агломерацией (при которой действия муниципальных образований координируются регионом), но и

для модели межмуниципального сотрудничества, в котором регион юридически не участвует.

Таким образом, несмотря на отсутствие специально предусмотренных для этого правовых процедур, в условиях действующего российского законодательства возможно обеспечить согласованность документации муниципальных образований в границах городской агломерации. В зависимости от принятой в конкретной агломерации модели взаимодействия региона и муниципалитетов возможны три варианта: постоянное перераспределение градостроительных полномочий от муниципальных образований в пользу субъекта РФ, временное перераспределение градостроительных полномочий, договорная модель согласования документации. Более распространенным в российской практике стало постоянное или временное перераспределение градостроительных полномочий, а полноценная договорная модель согласования встречается исключительно редко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : курс лекций. 4-е изд., стер. М. : Омега-Л, 2009. 579 с.

Гаврилов Е. В. О некоторых проблемах федерального законодательного регулирования перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2020. № 4. С. 17–20.

Галиновская Е. А., Кичигин Н. В. Городская агломерация как правовая категория: постановка проблемы // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 141–156.

Головин А. В. Критика проектного подхода при определении городских агломераций // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2017. № 1. С. 6–18.

Корабельникова Ю. Л. Проблемы определения правового статуса городских агломераций в России // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 43–46.

Лаппо Г. М. Развитие городских агломераций в СССР. М. : Наука, 1978. 152 с.

Лола А. М., Меньшикова Е. П., Лола У. А. Профессиональное городское и агломерационное управление в России: состояние и что делать // Градостроительство. 2011. № 3. С. 56–64.

Малоян Г. А. Агломерация — градостроительные проблемы : монография. М. : Издательство Ассоциации строительных вузов, 2010. 121 с.

Малоян Г. А. К необходимости разработки схем территориального планирования городских агломераций // Academia. Архитектура и строительство. 2016. № 1. С. 64–67.

Павлов Ю. В., Королева Е. Н., Евдокимов Н. Н. Теоретические основы формирования системы управления городской агломерацией // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 3. С. 834–850.

Правовые проблемы устойчивого пространственного развития государств — участников СНГ / отв. ред. Е. А. Галиновская, М. В. Пономарев. М. : Инфра-М, 2022. 456 с.

³⁷ Юридически схема территориального планирования городской агломерации имеет статус СТП части территории субъекта РФ (ч. 2 ст. 14 ГрК РФ).

Пузанов А. С., Попов Р. А. Проблемы управления городскими агломерациями в современной России // Городской альманах. Вып. 4. М. : Институт экономики города, 2009. С. 154–158.

Сергеев А. А. Передача полномочий органов местного самоуправления на региональный уровень государственной власти: правовая природа и пределы дискреции регионального законодателя // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 2. С. 31–37.

Трутнев Э. К. Градорегулирование : Правовое обеспечение градостроительной деятельности: альтернативные модели законодательства и программа исправления его ошибок. М. : Институт экономики города, 2019. 682 с.

Шугрина Е. С. Модели управления российскими агломерациями // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 2. С. 39–43.

REFERENCES

Atamanchuk GV. Theory of public administration: A course of lectures. 4th ed., reprint. Moscow: Omega-L Publ.; 2009. (In Russ.).

Gavrilov EV. On some problems of federal legislative regulation of reauthorization between local governments and public authorities of the constituent entities of the Russian Federation. *Municipal Service: Legal Issues*. 2020;4:17-20. (In Russ.).

Galinskaya EA, Kichigin NV. Urban agglomeration as a legal category: Problem statement. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2020;8:141-156. (In Russ.).

Golovin AV. Criticism of the design approach in defining urban agglomerations. Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. *Applied ecology. Urban Development*. 2017;1:6-18. (In Russ.).

Korabelnikova YL. Problems of determining the legal status of urban agglomerations in Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2023;2:43-46. (In Russ.).

Lappo GM. The development of urban agglomerations in the USSR. Moscow: Nauka Publ.; 1978. (In Russ.).

Lola AM, Menshikova EP, Lola UA. Professional urban and agglomeration management in Russia: Status and things to do. *Urban planning*. 2011;3:56-64. (In Russ.).

Maloyan GA. Agglomeration. Urban planning problems: A monograph. Moscow: Publishing House of the Association of Construction Universities; 2010. (In Russ.).

Maloyan GA. Towards the need to develop territorial planning schemes for urban agglomerations. *Academia. Architecture and construction*. 2016;1:64-67. (In Russ.).

Pavlov YuV, Koroleva EN, Evdokimov NN. Theoretical foundations of the formation of an urban agglomeration management system. *The economy of the region*. 2019;15(3):834-850. (In Russ.).

Galinskaya EA, Ponomarev MV. Legal problems of sustainable spatial development of the CIS member states. Moscow: Infra-M Publ.; 2022. (In Russ.).

Puzanov AS, Popov RA. Problems of urban agglomerations management in modern Russia. *The city almanac*. 2009;4:154-158. (In Russ.).

Sergeev AA. Transfer of powers of local governments to the regional level of government: Legal nature and limits of discretion of the regional legislator. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2020;2:31-37. (In Russ.).

Trutnev EK. Urban regulation. Legal support for urban planning activities: Alternative models of legislation and a program to correct its mistakes. Moscow: Institute of City Economics Publ.; 2019. (In Russ.).

Shugrina ES. Management models of Russian agglomerations. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie [State Power and Local Self-Government]*. 2018;2:39-43. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лисина Наталья Леонидовна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса юридического института, проректор по развитию имущественного комплекса Кемеровского государственного университета
д. 6, Красная ул., г. Кемерово 650000, Российская Федерация
lisina_nl@mail.ru

Ушакова Александра Павловна, кандидат юридических наук, руководитель Лаборатории правового сопровождения развития городских агломераций, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса юридического института Кемеровского государственного университета
д. 6, Красная ул., г. Кемерово 650000, Российская Федерация
apushakova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia L. Lisina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure, Law Institute, Vice-Rector for the Development of the Property Complex, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation
lisina_nl@mail.ru

Alexandra P. Ushakova, Cand. Sci. (Law), Head of the Laboratory of Legal Support for the Development of Urban Agglomerations, Associate Professor, Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure, Law Institute, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation
apushakova@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 23 октября 2023 г.
Статья получена после рецензирования 20 ноября 2023 г.
Принята к печати 16 января 2024 г.*

*Received 23.10.2023.
Revised 20.11.2023.
Accepted 16.01.2024.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.083-096

И. В. Чечельницкий

Рабочий аппарат Уполномоченного
по правам человека в Российской Федерации
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Понятие и виды принципов государственной правозащитной деятельности

Резюме. В статье проанализированы представленные в современной науке взгляды и сформулирована собственная концепция в отношении понятия и видов принципов государственной правозащитной деятельности. Актуализирован вопрос о роли принципов государственной правозащитной деятельности для повышения ее эффективности. В теоретико-правовом аспекте исследована проблема соотношения категорий принципов права, правовых принципов и принципов государственной правозащитной деятельности. Проведен анализ закрепленных в законодательстве принципов государственной правозащитной деятельности, предложена их классификация. Сделан вывод о фрагментарности закрепления в российском законодательстве принципов государственной правозащитной деятельности, об отсутствии единой системы указанных принципов, что негативно отражается на стабильности и качестве правозащитной работы государственных органов. Сформулированы предложения по внесению изменений в законодательство Российской Федерации в части требований к государственной правозащитной деятельности. Следует согласиться с авторами, которые полагают, что «принципы правозащиты должны концептуализироваться за пределами либеральной идеологии. Правозащита нуждается в поиске нравственных оснований и более тесной связи с принципами реальной демократии». С учетом современного этапа развития российской государственности и уникального отечественного опыта работы в данной области необходимо коренным образом переосмыслить сложившиеся за последние десятилетия правозащитные аксиомы и предложить принципиально новую парадигму развития государственной системы защиты прав человека в контексте традиционных российских принципов и ценностей.

Ключевые слова: принцип права; правовой принцип; понятие принципа; правозащитный принцип; государственная правозащитная деятельность; классификация принципов; права человека; роль принципов; виды правозащитных принципов

Для цитирования: Чечельницкий И. В. Понятие и виды принципов государственной правозащитной деятельности. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 2. С. 83–96. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.083-096

The Concept and Types of Principles of State Human Rights Activities

Ilya V. Chechelnitzsky

The working apparatus of the Commissioner
for Human rights in the Russian Federation
Kutaфин Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The author analyzes the views presented in modern science and formulates the author's concept regarding the terms and types of principles of state human rights activities. The paper draws attention to the issue of the role of the principles of state human rights activity to increase its effectiveness. In the theoretical and legal aspect, the problem of the correlation of categories of principles of law, legal principles and principles of state human rights activity is studied. The analysis of the principles of state human rights activity enshrined in legislation is carried out, and their classification is proposed. It is concluded that the principles of state human

© Чечельницкий И. В., 2024

rights activity are fragmented in the Russian legislation, and that there is no unified system of these principles, which negatively affects the stability and quality of the human rights work of state bodies. Proposals have been formulated to amend the legislation of the Russian Federation regarding the requirements for state human rights activities. One should agree with the authors who believe that «the principles of human rights protection should be conceptualized beyond the limits of liberal ideology. Human rights protection needs to find moral grounds and a closer connection with the principles of real democracy.» Taking into account the current stage of development of Russian statehood and the unique domestic experience in this field, it is necessary to radically rethink the human rights axioms that have developed over the past decades and propose a fundamentally new paradigm for the development of the state system of human rights protection in the context of traditional Russian principles and values.

Keywords: principle of law; legal principle; concept of principle; human rights principle; state human rights activity; classification of principles; human rights; role of principles; types of human rights principles

Cite as: Chechelnitzky IV. The Concept and Types of Principles of State Human Rights Activities. *Lex russica*. 2024;77(2):83-96. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.083-096

Сегодня на уровне политики и в юридической науке признается, что правозащитная деятельность имеет принципиальное значение для формирования и развития современного демократического правового государства, каким стремится быть Российская Федерация. В ходе данной работы не только обеспечиваются права человека и достигается справедливость, но и исправляются ошибки, допущенные в ходе государственного управления, что позволяет снизить уровень социальной напряженности в обществе и способствует укреплению государства. Особую роль в этом процессе, конечно, играют государственные правозащитные органы (судебная система, прокуратура, омбудсмены и др.), поскольку только у них, в отличие от общественных правозащитных институтов, имеются соответствующие полномочия для отмены незаконных и несправедливых решений, принятых недобросовестными чиновниками в отношении человека, а порою и для наказания виновного должностного лица.

Государственная правозащитная деятельность представляет собой целенаправленную работу правозащитных органов государственной власти по защите, восстановлению, обеспечению, оказанию содействия в реализации

прав и свобод человека и гражданина, групп граждан, коллективных прав и интересов общества в целом, осуществляемую на основании специальных средств и в соответствии с определенными принципами и процедурами.

Как писал классик, «обстоятельства переменчивы, принципы неизменны. Принципы — это ось, вокруг которой движутся стрелки политического барометра»¹. Поэтому так важно четко представлять систему этих начал в любой деятельности и обеспечивать их адекватное нормативное закрепление с тем, чтобы они становились руководством к практическому действию. Особое значение принципы имеют для государства в сфере защиты прав человека. Как справедливо подчеркнуто, принципы выступают «исходными началами и “нравственным фоном” концепции защиты прав и свобод человека»², а «характеристика принципов защиты прав и свобод человека позволяет выявить “опорные пункты” правозащитной деятельности»³.

Отечественная юридическая наука уделяет значительное внимание исследованию различных аспектов и элементов правозащитной деятельности⁴. Вместе с тем вопрос о ее принципах, несмотря на фундаментальное значе-

¹ Бальзак О. де. Утраченные иллюзии // URL: <http://lib.ru/INOOLD/BALZAK/illusinos.txt> (дата обращения: 04.01.2024).

² Мархгейм М. В. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации. Ростов н/Д: Росиздат, 2006. С. 14.

³ Мархгейм М. В. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации. С. 22.

⁴ См., например: Москалькова Т. Н. Защита прав человека: сборник статей и выступлений. М.: Проспект, 2020; Анисимов П. В. Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005; Рагимов А. Т. Правозащитные отношения: вопросы теории и методологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011; Мархгейм М. В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

ние для теории и практики работы по защите прав граждан, предметно исследовался лишь отдельными учеными⁵. При этом необходимо отметить, что более корректным представляется всё же говорить о принципах правозащитной деятельности, а не о принципах правозащитной функции, как указывали некоторые авторы⁶.

Прежде чем перейти к анализу понятия и видов принципов правозащитной деятельности, представляется важным исследовать имеющиеся в теории взгляды на дефиниции принципа в целом и принципа права в частности, а также их соотношение с категорией правового принципа. Наиболее известные словари понимают под принципом «основное начало, на котором построено что-нибудь (какая-нибудь научная система, теория, политика, устройство и т.п.)»⁷; «основное исходное положение какой-л. научной системы, теории, политического устройства и т.п.»⁸; «центральное понятие, обоснование системы, представляющее обобщение и распределение какого-либо положения на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован»⁹; «основное, исходное положение какой-н. теории, учения, мировоззрения, теоретической программы»¹⁰; «основное, исходное положение какой-л. теории, учения, науки и т.п.»¹¹; «в субъективном смысле основное положение, предпосылку (принцип мышления); в объективном смысле исходный пункт, перво-

основу, самое первое (реальный принцип, принцип бытия)»¹². Тем не менее представляется необходимым дополнительно указать, что принцип — это всегда некая нравственно обоснованная, выработанная, исходя из ценностей и традиций определенного общества, базовая идея, лежащая в основе какой-либо деятельности или организации определенной системы отношений, без претворения в жизнь которой само ее существо изменяется необратимо.

В теории права полагают, что принципы права — это «основные идеи, руководящие положения, определяющие содержание и направление правового регулирования»¹³; «идеи о том, как человеческое общежитие в случае их эффективной адаптации к конкретной текущей ситуации может быть организовано при помощи права наилучшим образом: с обеспечением достойного, как в текущей, так и в долгосрочной перспективе, существования каждого индивида, готового следовать определенной модели поведения; с оптимальной организацией частной и публичной сфер, призванной способствовать этому достойному существованию; с профилактикой и минимизацией межличностных и межгрупповых конфликтов и оптимальным исправлением их последствий»¹⁴; «императивное правило, отклонение от которого невозможно (*jus cogens*), сформулированное в нормативной форме с наибольшей степенью обобщения и

⁵ См.: *Степин А. Б.* Принципы осуществления и защиты гражданских прав: вопросы теории и практики // *Адвокатская практика*. 2022. № 6. С. 46–50; *Ермолова О. Н.* Принцип защиты прав субъектов предпринимательской деятельности // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2019. № 9. С. 43–46; *Степин А. Б.* Принципы защиты прав предпринимателей в российском законодательстве // *Российская юстиция*. 2018. № 1. С. 7–9; *Анохин Ю. В., Чесноков А. А.* Принципы защиты прав личности во внешней и внутренней правовой политике Российского государства // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2014. № 4 (30). С. 33–39; *Степин А. Б.* Принципы защиты частного права в российском законодательстве // *Современное право*. 2011. № 4. С. 54–56.

⁶ *Красилова Е. В.* К вопросу о системе принципов правозащитной функции государства // *Юрист-Правовед*. 2021. № 1 (96). С. 212–216.

⁷ Словарь Ушакова // URL: <https://znachenie-slova.ru/принцип> (дата обращения: 05.12.2023).

⁸ Толковый словарь Ефремовой // URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/342185.html> (дата обращения: 05.12.2023).

⁹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1982. Т. 3. С. 431.

¹⁰ Толковый словарь Ожегова // URL: <https://glosum.ru/Значение-слова-Принцип-в-словаре-Ожегова> (дата обращения: 06.12.2023).

¹¹ Толковый словарь Кузнецова // URL: <https://scanwordbase.ru/vocabulary.php?slug=princip&type=tolkovyj-slovar-kuznesova> (дата обращения: 05.12.2023).

¹² *Философская энциклопедия* // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3084/ПРИНЦИП (дата обращения: 06.12.2023).

¹³ *Краснов Ю. К., Надвигова В. В., Шкатулла В. И.* Юридическая техника : учебник. М. : Юстицинформ, 2014. С. 211.

¹⁴ *Коновалов А. В.* К вопросу о понятии принципов права // *Lex russica*. 2018. № 8. С. 85.

распространяющее свое охранительное действие в целом на ту правовую систему, в которой оно действует»¹⁵; «синтезирующее средство, определяющее нормотворческую и правоприменительную деятельность, связующую систему права»¹⁶; «определяют главные требования к содержанию и форме законодательных установлений, регулирующих... отношения, которые выступают ориентиром как для субъектов законодательства, так и для правоприменителей, реализующих соответствующие законодательные нормы»¹⁷; «отличаются своей фундаментальностью, универсальностью, устойчивостью, максимальной абстрактностью и императивностью»¹⁸; «предшествуют нормам права и влияют не только на формирование отдельных правовых норм, но и на системы права в государстве»¹⁹; «очерчивают сферу действия и значение норм права, выступают самостоятельным методологическим инструментарием по их применению»²⁰. Существуют и иные подходы к пониманию принципов права²¹. В целом, несмотря на обилие различных дефиниций принципов права, «все они строятся на понимании принципов как основных начал правового регулирования, руководящих идей»²².

При этом следует отметить, что давно развивается научная дискуссия о соотношении понятий принципов права и правовых принци-

пов. В последнее время в науке всё чаще звучат призывы приравнять указанные категории, поскольку они отражают сходные нравственно-правовые идеи²³. Вместе с тем представляется важным не согласиться с данной точкой зрения, поскольку, если исходить из фундаментальных основ теории государства и права, понятия «правовая система» и «система права» не обладают свойством идентичности. Первая по своему объему и значению, несомненно, превосходит вторую. Следовательно, логично согласиться с авторами, которые полагают, что категория правового принципа по своему наполнению намного шире и глубже, чем понятие принципа права²⁴. Если первые включают в себя нравственно-правовые императивы, пронизывающие всю правовую материю, начиная от правосознания, правотворчества и заканчивая правореализацией, в том числе в контексте правозащитной деятельности, то вторые, как представляется, намного уже и опосредуют конкретные базовые идеи отрасли права или законодательства (например, принцип презумпции невиновности в уголовном праве).

Вместе с тем можно сделать вывод, что, говоря о принципах правозащитной деятельности, нужно исследовать основополагающие идеи, которые составляют сущность данного процесса, отличая его от иных правовых явле-

¹⁵ Нешатаева Т. Н. Об общих принципах права и судебном толковании // Журнал российского права. 2023. № 3. С. 113–125.

¹⁶ Цинделиани И. А. Принципы финансового права // Финансовое право. 2019. № 4. С. 3–9.

¹⁷ Черников В. В. Актуальные вопросы качества полицейского законодательства России // Административное право и процесс. 2021. № 7. С. 16–27.

¹⁸ Мирошник С. В. О принципах финансового права // Финансовое право. 2023. № 4. С. 2–5.

¹⁹ Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М. : Проспект, 2018. С. 64.

²⁰ Ирхин И. В. К дискуссии о природе принципов права (правовых принципов) в условиях конвергенции правовых систем // Lex russica. 2020. № 4. С. 120.

²¹ См.: Штурцев Ю. Ю. Принципы права: уточнение понятия // История государства и права. 2015. № 5. С. 38–41; Гаджиев Г. А. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2. С. 22–45; Ищенко Н. С. К вопросу о принципах права // Принципы права: проблемы теории и практики : материалы XI Междунар. науч.-практ. конференции : в 2 ч. М. : РГУП, 2017. Ч. I (разд. I–IV). С. 157; Сидоркин А. С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 7–8; Чернобель Г. Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 84–94; Коновалов А. В. Понятие принципов права в современной российской цивилистической науке // Lex russica. 2017. № 12 (133). С. 38–53.

²² Варламова А. Н. Принципы конкурентного права // Конкурентное право. 2021. № 4. С. 14–17.

²³ Ирхин И. В. Указ. соч. С. 117–129.

²⁴ См.: Керимов Д. А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. М. : Изд-во СГУ, 2011. С. 345; Воронин М. В. Принципы права и системность права // Юридический мир. 2012. № 11. С. 63–66; Сырых В. М. Логические основания общей теории права. 2-е изд., стер. М. : Юстицинформ, 2004. Т. 1 : Элементарный состав. С. 63.

ний и определяя постоянные закономерности его существования и развития. Наличие законодательно закрепленных принципов придает стабильность и предсказуемость государственной правозащитной деятельности, отличая ее от иных форм правозащитной работы. Таким образом, можно сформулировать вывод, что принципы государственной правозащитной деятельности представляют собой основополагающие идеи, составляющие сущность работы по защите прав и свобод человека и гражданина органами публичной власти, требования обязательного плана, которым должна соответствовать в полном объеме деятельность институтов государственной правозащиты.

Определившись с пониманием категории принципов правозащитной деятельности, можно перейти к исследованию вопроса о том, какие же императивы составляют ее нравственно-правовое, идеологическое содержание на современном этапе развития. Одни авторы относят к идейным основам правозащитной деятельности принципы справедливости, честности, уважения, приоритетности²⁵. Вторые акцентируют внимание на принципах всесторонности правовой защиты прав и свобод человека и гражданина, свободного выбора форм защиты прав человека, добровольности использования правовой защиты, гласности обеспечения права на правовую защиту²⁶. Третьи отмечают правозащитный потенциал принципа защиты слабой стороны в правоотношении²⁷. Четвертые обращают особое внимание на правозащитную направленность принципа законности, лежащего в основе организации системы и деятельности органов государства²⁸.

В ходе встречи с членами СПЧ 4 декабря 2023 г. Президент РФ В. В. Путин отметил, что в настоящее время особенно важно «находить решения для формирования эффективной, справедливой, равной для всех системы обеспечения прав человека». Представляется, что именно эти требования могут рассматриваться не только как критерий оптимальности

функционирования правозащитной системы, но и как основополагающие начала работы ее органов. При этом важно разделить принципы на общие (универсальные) и специальные. К общим можно отнести справедливость, законность, независимость, равноправие, эффективность, открытость. Универсальные принципы объективны. Они могут быть закреплены в законодательстве или нет либо отражены в законе неполно, неадекватно. Однако от этого данные принципы не перестают быть нравственной целью и основой государственной правозащитной деятельности. Поэтому и законодательство нужно совершенствовать.

Специальные принципы правозащитной деятельности достаточно обширны. К ним относятся, например, субсидиарность, приоритетность, равенство, добросовестность и др. Их можно классифицировать по различным признакам.

Закрепленные в действующем законодательстве принципы государственной правозащитной деятельности представляется возможным классифицировать по трем следующим основаниям:

- по лицам, чьи права защищаются;
- по субъектам, реализующим государственную правозащитную деятельность;
- по отраслям законодательства, в рамках которого производится защита нарушенных прав.

При классификации принципов государственной правозащитной деятельности по лицам, в отношении которых она осуществляется, можно выделить, например, следующие их разновидности:

- принципы системы гарантирования прав застрахованных лиц (защита прав и законных интересов застрахованных лиц при наступлении гарантийного случая; обязательность участия страховщиков в системе гарантирования прав застрахованных лиц; накопительный характер формирования фонда гарантирования пенсионных накоплений)²⁹;

²⁵ Мархгейм М. В. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации. С. 14, 18.

²⁶ Красилов Е. В. Указ. соч. С. 216.

²⁷ Несвит Е. А. Суд как субъект защиты прав граждан // Административное право и процесс. 2020. № 10. С. 48–51.

²⁸ Ким Ю. В. О понятиях правозащитной деятельности и правозащитной системы или же к вопросу об организационно-правовых предпосылках «всемирного счастья» // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 27–35.

²⁹ Федеральный закон от 28.12.2013 № 422-ФЗ «О гарантировании прав застрахованных лиц в системе обязательного пенсионного страхования Российской Федерации при формировании и инвестировании

— принципы системы гарантирования прав участников негосударственных пенсионных фондов в рамках деятельности по негосударственному пенсионному обеспечению (защита прав и законных интересов участников, правопреемников участников при наступлении гарантийного случая; обязательность участия негосударственных пенсионных фондов, осуществляющих деятельность по негосударственному пенсионному обеспечению, в системе гарантирования прав участников; накопительный характер формирования фонда гарантирования пенсионных резервов)³⁰;

— принципы защиты прав юридических лиц, индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля (преимущественно уведомительный порядок начала осуществления отдельных видов предпринимательской деятельности; презумпция добросовестности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей; открытость и доступность для юридических лиц, индивидуальных предпринимателей нормативных правовых актов РФ, муниципальных правовых актов, соблюдение которых проверяется, и др. (ст. 3 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»)).

При классификации принципов государственной правозащитной деятельности по субъектам ее осуществления можно выделить следующие их категории: принципы деятельности прокуратуры, принципы деятельности омбудсменов, принципы деятельности судов. В частности, к принципам государственной правозащитной деятельности относятся следующие требования к организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации: принцип единства и централизации, принцип независимости, принцип законности, принцип гласности, принцип информированности населения о состоянии законности и др. (ст. 4 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»).

Для Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации законодателем напрямую не сформулированы принципы деятельности в самостоятельной норме, однако указано, что омбудсмен при осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам (ст. 2 Федерального конституционного закона от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»). Кроме того, исходя из содержания законодательства, можно сформулировать принцип субсидиарности деятельности омбудсмена по отношению к иным правозащитным институтам (ст. 3 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»). Кроме того, к принципам деятельности омбудсмена также относится справедливость, что вытекает из текста его присяги при вступлении в должность (ст. 9 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»). При этом интересно, что, несмотря на отсутствие в данном Федеральном конституционном законе прямого закрепления принципов деятельности федерального омбудсмена, законодательно определены принципы деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации. К ним, в частности, относятся принципы справедливости, гуманности, законности, гласности, беспристрастности, а также принцип независимости и неподотчетности регионального уполномоченного по правам человека при осуществлении своих полномочий.

Проведенный анализ также показал, что законодательно закреплены на федеральном уровне, в отличие от иных специализированных институтов государственной защиты прав человека, принципы деятельности финансового уполномоченного при осуществлении им своих полномочий: принцип независимости от федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, Центрального банка Российской Федерации (Банка России) и иных организаций,

средств пенсионных накоплений, установлении и осуществлении выплат за счет средств пенсионных накоплений» // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6987.

³⁰ Федеральный закон от 28.12.2022 № 555-ФЗ «О гарантировании прав участников негосударственных пенсионных фондов в рамках деятельности по негосударственному пенсионному обеспечению» // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 2.

должностных лиц; принцип законности; принцип уважения прав и свобод человека и гражданина; принцип добросовестности и принцип справедливости (ст. 2 Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»). Для иных специализированных институтов омбудсмена (Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка и Уполномоченный при Президенте РФ по правам предпринимателей) и их региональных коллег, к сожалению, принципов правозащитной деятельности законодательно не установлено (см., например, Федеральный закон от 27.12.2018 № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации»). Полагаю, что восполнение данного законодательного пробела могло бы повысить эффективность правозащитной работы данных институтов.

Вместе с тем представляется, что к принципам государственной правозащитной деятельности можно отнести также и требования к организации судебной системы как главного правозащитного инструмента Российского государства. К ним, в частности, относятся принцип единства судебной системы, принцип осуществления правосудия только судами, принцип самостоятельности судов и независимости судей, принцип обязательности судебных постановлений, принцип равенства всех перед законом и судом, принцип участия граждан в осуществлении правосудия, принцип гласности в деятельности судов, принцип языка судопроизводства и делопроизводства в судах и др. (ст. 3–10 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»). Наиболее подробно законодателем сформулированы основные принципы деятельности Конституционного Суда РФ, к которым относятся независимость, коллегиальность, гласность, состязательность и равноправие сторон (ст. 5 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Несмотря на определенную специфику принципов деятельности различных субъектов защиты прав человека, их анализ показывает, что некоторые из них носят сквозной характер

(справедливость, законность, гласность и др.), а другие следовало бы распространить и на иные институты государственной защиты прав человека (равноправие, уважение прав и свобод человека и гражданина, добросовестность и др.).

Очевидно, что государственная правозащитная деятельность может иметь свою специфику в зависимости от отрасли законодательства, регулирующей те или иные общественные отношения, в ходе которых человеку понадобилась защита его прав и свобод. Поэтому по отраслям законодательства, в рамках которого осуществляется защита нарушенных прав, принципы государственной правозащитной деятельности можно классифицировать на следующие категории:

— уголовно-правовые (законность при производстве по уголовному делу; уважение чести и достоинства личности; неприкосновенность личности; охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве; неприкосновенность жилища; презумпция невиновности; состязательность сторон; обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту и др. (гл. 2 УК РФ));

— гражданско-правовые (равенство участников гражданских отношений, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебной защиты и др. (гл. 1 ГК РФ));

— административно-правовые (принцип равенства перед законом; презумпция невиновности; обеспечение законности при применении мер административного принуждения в связи с административным правонарушением и др. (гл. 1 КоАП РФ)).

В современных правовых исследованиях отмечается большой потенциал и иных принципов, которые, как представляется, чрезвычайно актуальны и для исследования правозащиты. К ним, в частности, можно отнести такие основные начала, как научность³¹, технологический прогресс³², деятельность³³, нормативность³⁴, историзм³⁵, объективность³⁶ и др.

³¹ См.: Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд. М.: Норма, 2010. С. 558.

³² Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. Т. 74. № 2. С. 11.

³³ Корнев А. В. Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6. С. 21–30.

Определенный интерес представляют результаты сравнительного анализа принципов государственной правозащитной деятельности и принципов работы негосударственных правозащитных институтов. Например, к принципам деятельности адвокатуры законодательно отнесены требования законности, независимости, самоуправления, корпоративности, а также равноправия адвокатов (ст. 3 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Общественные объединения, в том числе в своей правозащитной деятельности, руководствуются принципами равенства перед законом, добровольности, равноправия, самоуправления и законности (ст. 15 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»). Более обширны принципы общественного контроля как формы негосударственной правозащитной деятельности. Они включают приоритет прав и законных интересов человека и гражданина, добровольность участия в осуществлении общественного контроля, самостоятельность субъектов общественного контроля и их независимость, публичность и открытость, законность деятельности субъектов общественного контроля и т.д. (ст. 6 Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»). К принципам деятельности нотариусов относятся гуманность, уважение к человеку, самоуправление (ст. 14, 24 Основ законодательства РФ о нотариате (утв. Верховным Советом РФ 11.02.1993 № 4462-1)).

Как видим, несмотря на ряд общих принципов (законность, независимость, открытость), в них есть определенная специфика по сравнению с государственными институтами. Акцент делается на самоуправлении, равноправии, добровольности, корпоративности. Интересно, что среди законодательно установленных принципов негосударственной правозащитной

деятельности отсутствует принцип справедливости, который нормативно закреплен в качестве основы для многих видов государственной правозащитной работы. Конечно, это не значит, что негосударственные правозащитники не руководствуются принципом справедливости, однако законодатель говорит о его особой важности именно для государственных институтов.

Отсюда можно сделать вывод, что важнейшим характерным принципом государственной правозащитной деятельности является именно требование справедливости. Это связано с особой природой институтов государственной защиты прав человека и спецификой осуществляемой ими функции. Главная задача государственного правозащитника — отреагировать на несправедливость в отношении личности, группы граждан, общества в целом. Причем эта несправедливость может быть связана с нарушением законодательства со стороны граждан или должностных лиц, а может совершаться в рамках действующего законодательства. Первые ситуации проще для разрешения, поскольку на стороне защитника прав человека выступает вся сила закона. Всегда легче устранять несправедливость, связанную с нарушением законодательства или правовыми коллизиями. Так, только за первое полугодие 2023 г. «прокурорами пресечено около трех миллионов нарушений в сфере исполнения законов, соблюдения прав и свобод граждан»³⁷. Кроме того, необходимо отметить, что «более 50 судебных решений было отменено по ходатайствам омбудсмена РФ в последние три года»³⁸.

Вторая ситуация складывается, когда нормы законодательства идут вразрез с требованиями справедливости. Она представляет большую сложность для практического разрешения государственными защитниками прав человека. К сожалению, нередко возникают ситуации, когда, выражаясь словами классика, «формально правильно, а по сути издевательство»³⁹. Вот

³⁴ Корнев А. В. Нормативность права и нормативизм в праве: теоретические и практические перспективы отдельных юридических школ // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 5–18.

³⁵ Корнев А. В. Принцип историзма и его методологическое значение // История государства и права. 2023. № 8. С. 47–56.

³⁶ Черников В. В. Указ. соч. С. 16–27.

³⁷ Птицын Д. Генпрокуратура РФ подвела итоги первой половины 2023 года // URL: <https://m.5-tv.ru/news/442602/genprokuratura-rfpodvela-itogi-pervoj-poloviny-2023-goda/> (дата обращения: 18.12.2023).

³⁸ Более 50 судебных решений было отменено по ходатайствам омбудсмена РФ в последние три года — Москалькова // URL: https://dzen.ru/a/Y6MZ_GlaShVTTWNR (дата обращения: 18.12.2023).

³⁹ Владимир Ильич Ленин — цитаты // URL: <https://citaty.info/man/vladimir-ilich-lenin> (дата обращения: 18.12.2023).

здесь государственному правозащитнику требуется мужество, чтобы, руководствуясь требованиями справедливости, подняться над законодательством и принять меры для исправления нормотворческих ошибок. Так, представляется противоречащим требованиям справедливости, когда обвиняемые по экономическим, а порой и по предпринимательским, составам преступлений годами находятся под стражей⁴⁰, а потом в отношении них выносятся приговоры, нередко более суровые, чем за совершение убийств и иных тяжких преступлений против личности⁴¹.

В дни СВО серьезная общественная дискуссия разгорелась вокруг справедливости помилования за участие в боевых действиях для осужденных за особо тяжкие преступления, связанные с насилием над жертвой и ее последующим убийством с отягчающими обстоятельствами⁴². Конечно, очень важно в условиях возрастающей угрозы свободе и независимости России и ее народа мобилизовать все силы для победы, однако необходимо учитывать и чувства родственников жертв таких страшных преступлений и подходить к вопросу более дифференцированно.

Представляется, что в широком смысле принцип справедливости в государственной правозащитной деятельности заключается в поиске баланса между формально установленными требованиями законодательства и сложившимися на определенном этапе исторического развития представлениями общества о добре и зле, чести и совести, истине и правде в случае, если данные нормы расходятся при разрешении конкретного юридического спора или системной правовой проблемы. Выходом из сложившейся ситуации, как правило, становится внесение предложений государственным

защитником прав человека по совершенствованию законодательства для устранения сложившейся в обществе несправедливости. Так было, например, когда омбудсмен помогала «решить уникальную ситуацию с “валютными ипотечниками”, когда люди оказались в критической ситуации “ни жилья, ни денег” после скачка курса доллара. Их не выселили из единственного жилья после... обращения к Президенту РФ В. В. Путину, который понял уникальность ситуации, когда по закону всё правильно, а по сути — чистое издевательство. В итоге людям было выделено дополнительно 2 млрд руб., и оказана помощь по 21 905 ипотечным жилищным кредитам»⁴³. Еще один пример — разработанный и внесенный Верховным Судом РФ в парламент законопроект об уголовном проступке⁴⁴, требующий, как представляется, скорейшего принятия. Анализируя принцип справедливости применительно к правозащитной деятельности, также необходимо помнить о сформулированных в науке подходах к справедливости как сбалансированному соотношению интересов и ценностей на определенном этапе социального развития. При этом «нельзя забывать, что интересы личности могут быть эгоистическими, а имеющиеся у личности права — использованы для защиты таких интересов...»⁴⁵. Вместе с тем «недопустимо и стремление к безусловному приоритету общества и государства. В этом случае индивид стал бы просто средством для общества и государства»⁴⁶.

Еще один важнейший принцип государственной правозащитной деятельности связан с обеспечением подлинной независимости государственных правозащитных институтов от иных органов публичной власти. Необходимо отметить, что принцип независимости законодательно закреплён практически для всех госу-

⁴⁰ Бизнес-омбудсмен РФ сообщил, что более 930 предпринимателей находятся в СИЗО // URL: <https://www.interfax.ru/russia/906444> (дата обращения: 18.12.2023).

⁴¹ *Замахина Т.* Путин признался, что сам «оторопевает» от сроков в 14–15 лет осужденным за экономические преступления // URL: <https://rg.ru/2023/12/14/putin-priznalsia-chto-sam-otoropevaet-ot-srokov-v-14-15-let-osuzhdennym-za-ekonomicheskie-prestupleniia.html> (дата обращения: 18.12.2023).

⁴² *Прокофьева А.* На Сахалине помиловали за участие в СВО осужденного каннибала-рецидивиста Горина // URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/11/23/21772381.shtml> (дата обращения: 18.12.2023).

⁴³ Татьяна Москалькова: мы защитили права 1 млн человек // URL: <https://www.interfax.ru/interview/760750> (дата обращения: 18.12.2023).

⁴⁴ Верховный Суд внес законопроект об уголовном проступке // URL: <http://duma.gov.ru/news/50767/> (дата обращения: 02.01.2024).

⁴⁵ *Экимов А. И.* Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 57.

⁴⁶ *Экимов А. И.* Указ. соч. С. 57.

дарственных органов, занимающихся защитой прав и свобод человека и гражданина (суды, прокуратура, омбудсмены). Причем данное требование нашло отражение как в национальном законодательстве, так и на уровне международного права. Например, Парижские принципы 1993 г. среди гарантий независимости и плюрализма омбудсменов закрепляют его избрание в соответствии с «процедурой, предусматривающей все необходимые гарантии обеспечения плюралистического представительства общественных сил»; наделение омбудсмена «инфраструктурой, обеспечивающей бесперебойное осуществление его деятельности, в частности достаточным финансированием», а также «стабильность его мандата, действующего в течение заранее определенного срока на основании специального акта»⁴⁷.

Необходимо отметить, что требование о независимости далеко не случайно является базовым императивом государственной правозащитной работы, поскольку основная ее задача — выявлять и исправлять ошибки, допущенные органами публичной власти в ходе правоприменительной и нормотворческой деятельности. Достижение этих результатов невозможно в случае наличия корпоративной связанности государственных правозащитников с органами власти, а тем более в условиях наличия иерархической соподчиненности с ними.

Представляется, что в современной России, в отличие от многих других государств мира, институты государственной правозащитной деятельности действуют независимо от иных органов публичной власти. Это относится и к судебным органам, и к органам прокуратуры, и к омбудсменам. Существующий порядок позволяет им эффективно обеспечивать гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем необходимо констатировать, что принцип независимости во многом подвергается испытаниям, когда речь идет о материальном и финансовом обеспечении деятельности правозащитных органов, ведь

финансирование институтов государственной защиты прав человека осуществляется из соответствующих средств федерального и региональных бюджетов, а значит, в этом смысле они напрямую зависят от воли органов исполнительной и законодательной власти, которые разрабатывают и утверждают бюджет. Например, несмотря на общий тренд к укреплению института государственной защиты прав человека в современной России, в некоторых субъектах Российской Федерации региональные уполномоченные по правам человека в последние годы лишились своих рабочих аппаратов, а выполнение их функций возложено на региональные органы исполнительной власти, что, как представляется, противоречит принципу независимости в государственной правозащитной деятельности.

Еще один принцип государственной правозащитной работы, который носит универсальный характер, — это законность. Анализ законодательства и теоретических изысканий показал, что данный императив одинаково важен для всех субъектов государственной правозащитной деятельности. Это связано с тем, что любые формы и методы работы по защите прав человека и гражданина, реализуемые государственными институтами, осуществляются исключительно в рамках правового поля, определенного законодателем. Принцип законности четко определяет границы допустимого поведения государственных правозащитников: их действия никогда не должны противоречить Конституции РФ, федеральному и региональному законодательству, подзаконным нормативным правовым актам.

Традиционно законность в юридической доктрине рассматривается в трех аспектах: как принцип (идея, требование) законности, как способ (метод) действия в соответствии с требованиями законности и как режим законности в общественной жизни⁴⁸. Представляется целесообразным экстраполировать данный подход на характеристику принципа законности при-

⁴⁷ Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека (Парижские принципы. Приложение к резолюции 48/134 Генеральной Ассамблеи от 20.12.1993) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/paris.shtml (дата обращения: 18.12.2023).

⁴⁸ См.: Законность в Российской Федерации : монография / Т. Я. Хабриева [и др.]. М. : Контракт, 2008. С. 15–18 ; Мартынов А. В. Понимание и соблюдение законности как важнейшие проблемы современного государственного управления России // Сборник научных статей «Актуальные проблемы административного права и административного процесса», изданный по результатам научно-практической конференции, посвященной 85-летию Ю. М. Козлова и 100-летию А. Е. Лунева. М. : Издательский центр

менительно к государственной правозащитной деятельности. В первом варианте идея о строгом соблюдении законодательных установок находит отражение в сознании граждан, общества, должностных лиц, а затем в действующем законодательстве. Применительно к государственной правозащитной деятельности можно констатировать, что принцип законности лежит в основе работы всех публичных институтов защиты прав и свобод человека и гражданина.

Второй аспект заключается в осуществлении правозащитной деятельности исключительно законными средствами. В этой связи важно обратить внимание на то, что недопустимы «правозащитные» действия, направленные против законно избранных (назначенных) органов власти, если только они сами не допускают преступных действий по отношению к гражданам, обществу и государству. Правозащитная деятельность, как представляется, в любом случае должна быть направлена на соблюдение и укрепление режима законности путем исправления ошибок и беззакония, допускаемых отдельными представителями органов публичной власти.

Третий компонент законности, ее режим в общественной жизни, — одна из целей правозащитной деятельности. Вместе с тем необходимо отметить, что не любая законность может быть целью и принципом правозащиты, а лишь та, что основана на идеях гуманизма, социальной справедливости, солидарности, свободы и равноправия, традиционных духовно-нравственных ценностях российского народа. Ведь в государствах, ставших символами исторической несправедливости и угнетения человека в определенные исторические периоды XX столетия, законы, как правило, соблюдались неукоснительно, а их деспотичные лидеры были избраны (назначены) в рамках установленных процедур.

Важность следования принципу законности проявляется особенно в кризисные, переходные периоды общественно-государственного

развития. Зарубежная практика работы публичных институтов защиты прав человека показывает, что в переломные для государств моменты чрезвычайно важно, чтобы государственные правозащитные органы в своей деятельности всегда оставались в рамках правового поля и никогда не ставили политические интересы выше правозащитных целей. Как отмечала выдающаяся правозащитница современной России Е. П. Глинка, или Доктор Лиза, правозащитники «вне политики... на стороне мира, диалога и сотрудничества со всеми людьми»⁴⁹.

Иными словами, когда часть общества пытается незаконными методами решить вопрос о переходе действующей власти в иные руки, государственные правозащитные институты как посредники между государством и народом должны сохранять поддержку законно избранной власти и руководствоваться в первую очередь действующим законодательством. Особая роль государственных институтов защиты прав человека и важность соблюдения ими принципа законности в последние годы проявились в ходе государственных кризисов в Армении, Кыргызстане, Казахстане, на Шри-Ланке и в других государствах, где институты государственной защиты прав человека в период массовых беспорядков и попыток государственного переворота, с одной стороны, обеспечивали права всех граждан, а с другой — поддерживали эффективное функционирование действующих публичных институтов. В современной истории России была заметна роль Конституционного Суда РФ как государственного правозащитного органа в урегулировании конституционного кризиса 1992–1993 гг.⁵⁰

Анализ сформулированных в действующем законодательстве и научной литературе подходов к определению понятия и видов принципов государственной правозащитной деятельности позволяет сделать несколько выводов.

К сожалению, понятие принципа государственной правозащитной деятельности не раскрыто в действующем законодательстве, как

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2011. С. 76–86 ; *Хобраков Д. Ц.* Законность муниципальных нормативных правовых актов как объект теоретического исследования // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 9. С. 26–29.

⁴⁹ Президент вручил Государственные премии за выдающиеся достижения в области благотворительной и правозащитной деятельности // Официальный сайт Президента РФ. 08.12.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53437> (дата обращения: 05.01.2024).

⁵⁰ *Князев С., Комарова Е.* «Страна пережила одну из величайших трагедий»: политики и общественные деятели — о конституционном кризисе 1993 года // URL: <https://russian.rt.com/science/article/1211404-konstitucionnyi-krizis-godovschina> (дата обращения: 03.01.2024).

и само содержание этого важнейшего вида государственной работы. Думается, что здесь имеется резерв для законодательного регулирования, поскольку наличие выверенных законодательных дефиниций всегда служит систематизации правоприменительного процесса и повышению его эффективности. С учетом богатого отечественного правозащитного опыта целесообразно задуматься над разработкой самостоятельного федерального законодательного акта «О государственной правозащитной деятельности в Российской Федерации», в котором следует отразить понятие, виды, цели, средства, принципы данной работы, субъектов ее осуществления, а также ее иные основополагающие элементы.

К общим (универсальным) принципам государственной правозащитной деятельности представляется целесообразным относить такие императивы, как справедливость, независимость, законность, эффективность, открытость (гласность), гуманность и беспристрастность (равноправие). К специальным — субсидиарность, приоритетность, равенство, добросовестность и т.д. Универсальные принципы носят объективный характер, тогда как специальные — присущи отдельным направлениям или субъектам государственной правозащитной деятельности.

На практике игнорирование или недооценка роли принципов приводит к методологическим ошибкам в государственной правозащитной работе, поскольку именно принципы как ее важнейшие морально-нравственные императивы обеспечивают стабильность и эффективность государственной защиты прав и свобод человека и гражданина.

Сформулированные в действующем законодательстве принципы государственной право-

защитной деятельности крайне разнообразны и требуют унификации и дополнения. В частности, необходимо законодательно закрепить принципы государственной правозащитной деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка и Уполномоченного при Президенте РФ по правам предпринимателей по аналогии с законодательными актами о финансовом омбудсмене и об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации.

Нуждаются в соответствующей ревизии, как представляется, и нормативные правовые акты об иных институтах государственной защиты прав человека в части принципов их деятельности. Например, в законах о прокуратуре и о судебной системе отсутствует указание на принцип справедливости как основу деятельности соответствующих государственных институтов, хотя очевидно, что этот универсальный принцип лежит в основе их работы.

Кроме того, следует согласиться с авторами, которые полагают, что «принципы правозащиты должны концептуализироваться за пределами либеральной идеологии. Правозащита нуждается в поиске нравственных оснований и более тесной связи с принципами реальной демократии»⁵¹. С учетом современного этапа развития российской государственности и уникального отечественного опыта работы в данной области необходимо коренным образом переосмыслить сложившиеся за последние десятилетия правозащитные аксиомы и предложить принципиально новую парадигму развития государственной системы защиты прав человека в контексте традиционных российских принципов и ценностей⁵².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беспалова М. А. Становление правозащитной функции Российского государства в условиях современного конституционного строительства : дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2011. 184 с.

Ирхин И. В. К дискуссии о природе принципов права (правовых принципов) в условиях конвергенции правовых систем // Lex russica. 2020. № 4. С. 117–129.

Керимов Д. А. Методология права : Предмет, функции, проблемы философии права. 6-е изд. М. : Изд-во СГУ, 2011. 521 с.

⁵¹ Александр Щипков: «Принципы правозащитной деятельности должны концептуализироваться за пределами либеральной идеологии» // URL: <http://ruspole.org/?p=14312> (дата обращения: 27.11.2023).

⁵² См., например: Принципы и направления правозащитной деятельности Русской православной церкви // URL: <https://mospat.ru/ru/documents/87599-printsipy-i-napravleniya-pravozashchitnoy-deyatelnosti-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi/> (дата обращения: 05.01.2024).

Корнев А. В. Принцип историзма и его методологическое значение // История государства и права. 2023. № 8. С. 47–56.

Корнев А. В. Нормативность права и нормативизм в праве: теоретические и практические перспективы отдельных юридических школ // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 5–18.

Корнев А. В. Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6. С. 21–30.

Мартынов А. В. Понимание и соблюдение законности как важнейшие проблемы современного государственного управления России // Сборник научных статей «Актуальные проблемы административного права и административного процесса», изданный по результатам научно-практической конференции, посвященной 85-летию Ю. М. Козлова и 100-летию А. Е. Лулева. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2011. С. 76–86.

Мархгейм М. В. Правозащитная деятельность публичных структур в Российской Федерации. Ростов н/Д : Росиздат, 2006. 111 с.

Москалькова Т. Н. Защита прав человека : сборник статей и выступлений. М. : Проспект, 2020. 480 с.

Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // Lex russica. 2021. Т. 74. № 2. С. 9–20.

Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд. М. : Норма, 2010. 672 с.

Степин А. Б. Принципы осуществления и защиты гражданских прав: вопросы теории и практики // Адвокатская практика. 2022. № 6. С. 46–50.

Татьяна Москалькова: мы защитили права 1 млн человек // URL: <https://www.interfax.ru/interview/760750> (дата обращения: 18.12.2023).

Черников В. В. Актуальные вопросы качества полицейского законодательства России // Административное право и процесс. 2021. № 7. С. 16–27.

Экимов А. И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Правоведение. 2013. № 2 (307). С. 51–61.

REFERENCES

Bespalova MA. The formation of the human rights function of the Russian state in the context of modern constitutional construction. Cand. Diss. (Law). Belgorod; 2011. (In Russ.).

Irkhin IV. Discussion on the Nature of the Principles of Law (Legal Principles) in the Context of Convergence of Legal Systems. *Lex russica*. 2020;4:117-129. (In Russ.).

Kerimov DA. Methodology of law: Subject, functions, problems of the philosophy of law. 6th ed. Moscow: SSU Publishing house; 2011. (In Russ.).

Kornev AV. The principle of historicism and its methodological significance. *Istoriya gosudarstva i prava [History of State and Law]*. 2023;8:47-56. (In Russ.).

Kornev AV. Normativity of law and normativism in law: Theoretical and practical perspectives of individual law schools. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2020;12:5-18. (In Russ.).

Kornev AV. Juridical Activities in the Digital Age: A Concept, Content, Forms. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;6:21-30. (In Russ.).

Martynov AV. Understanding and observance of the rule of law as the most important problems of modern public administration in Russia. «Current problems of administrative law and administrative procedure», Collected Papers of a scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of Yu. M. Kozlov and the 100th anniversary of A. E. Lunev. Moscow: Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Publ.; 2011. Pp. 76–86. (In Russ.).

Markhgeim MV. Human rights activities of public structures in the Russian Federation. Rostov n/A: Rosizdat Publ.; 2006. (In Russ.).

Moskalkova TN. Protection of human rights: A collection of articles and speeches. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).

Sinyukov VN. Law of the 20th and 21st Centuries: Continuity and Novelty. *Lex russica*. 2021;74(2):9-20. (In Russ.).

Sinyukov VN. The Russian legal system. An introduction to general theory. 2nd ed. Moscow; 2010. (In Russ.).

Stepin AB. Principles of the implementation and protection of civil rights: Issues of theory and practice. *Advokatskaya praktika [Advocate's Practice]*. 2022;6:46-50. (In Russ.).

Tatiana Moskalkova: we have protected the rights of 1 million people. Available from: <https://www.interfax.ru/interview/760750> [cited 2023 December 18]. (In Russ.).

Chernikov VV. Current issues of the quality of Russian police legislation. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2021;7:16-27. (In Russ.).

Ekimov AI. Law in the context of justice: Towards a research methodology. *Legal studies*. 2013;2(307):51-61. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чечельницкий Илья Валентинович, кандидат юридических наук, первый заместитель руководителя рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, докторант, старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 12, стр. 2, Смоленский бульвар, г. Москва 119121, Российская Федерация
iv89261863056@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya V. Chechelnitzsky, Cand. Sci. (Law), First Deputy Head of the Office of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation; Doctoral Candidate, Senior Lecturer, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
iv89261863056@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 19 октября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 25 ноября 2023 г.

Принята к печати 16 января 2024 г.

Received 19.10.2023.

Revised 25.11.2023.

Accepted 16.01.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.097-107

С. А. Агамагомедова

Институт государства и права Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация

Предмет науки административного права: современная оценка

Резюме. В статье рассмотрены подходы к пониманию предмета науки административного права. На основе анализа научной литературы выделены две группы подходов к предмету науки административного права: группа узких и группа широких подходов. Первая группа подходов включает в предмет науки административно-правовые нормы и (или) административно-правовые отношения; группа расширенных подходов связана с отнесением к предмету науки административно-правовых норм, общественных отношений, регулируемых ими, административно-правовых категорий, практики применения административно-правовых норм и иных элементов. Предложено авторское понимание содержания предмета науки административного права. Автор делает вывод о том, что отождествление предмета науки административного права с общественными отношениями в большинстве случаев связано со смешением понимания административного права как науки и административного права как отрасли права, что определено в качестве проблемы современного понимания предмета рассматриваемой науки. Выделены иные проблемы в определении предмета науки административного права, к которым отнесены: свойство комментирования административного законодательства; понимание в качестве предмета науки административного права самих процессов научного познания; проблема соотношения предмета науки административного права с предметами других юридических и неюридических наук; смешение таких понятий, как предмет науки, область науки, система науки, содержание науки, объект науки административного права. Сделан вывод о постоянных процессах расширения и (или) сужения пределов предмета науки административного права, что свидетельствует о подвижности и живости науки административного права, ее связанности с реальными административно-правовыми отношениями, нормами административного права и правоприменительной практикой.

Ключевые слова: наука административного права; отрасль права; административно-правовые отношения; административно-правовые нормы; административная практика; административно-правовые категории; предмет науки; объект науки

Для цитирования: Агамагомедова С. А. Предмет науки административного права: современная оценка. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 2. С. 97–107. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.097-107

The Subject of the Science of Administrative Law: Modern Assessment

Saniyat A. Agamagomedova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper considers approaches to understanding the subject of the science of administrative law. Based on the analysis of scientific literature, two groups of approaches to the subject of the science of administrative law are identified: narrow and wide. The first group of approaches includes administrative and legal norms and (or) administrative and legal relations in the subject of science, the group of extended approaches is associated with the assignment of administrative and legal norms, public relations regulated by them, administrative and legal categories, the practice of applying administrative and legal norms and other elements to the subject of science. The author's understanding of the content of the subject of the science of administrative law is proposed. The author concludes that the identification of the subject of the science of administrative law with public relations in

© Агамагомедова С. А., 2024

most cases is associated with a confusion of understanding of administrative law as a science and administrative law as a branch of law, which is defined as a problem of modern understanding of the subject of the science in question. Other problems in defining the subject of the science of administrative law are highlighted, which include: the property of commenting on administrative legislation; understanding the processes of scientific cognition themselves as the subject of the science of administrative law; the problem of the correlation of the subject of the science of administrative law with the subjects of other legal and non-legal sciences; mixing concepts such as the subject of science, the field of science, the system of science, the content science, the object of the science of administrative law. The conclusion is made about the constant processes of expansion and (or) narrowing of the limits of the subject of the science of administrative law, which indicates the mobility and vivacity of the science of administrative law, its connection with real administrative and legal relations, the norms of administrative law and law enforcement practice.

Keywords: science of administrative law; branch of law; administrative and legal relations; administrative and legal norms; administrative practice; administrative and legal categories; subject of science; object of science

Cite as: Agamagomedova SA. The Subject of the Science of Administrative Law: Modern Assessment. *Lex russica*. 2024;77(2):97-107. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.097-107

Стремительное развитие общественных отношений в современном мире требует от юридической науки оперативного реагирования на процессы, явления, институты сегодняшней действительности. При этом вопросы теоретического обоснования предмета и методов юридических наук приобретают особую актуальность. Наука административного права как наука, пожалуй, наиболее связанная с государственным строительством, развитием управленческого инструментария (как внутриорганизационного, так и внешненаправленного), эволюцией форм взаимодействия граждан и организаций с публичной властью, также продолжает формировать свою теоретическую базу. В качестве элемента последней традиционно понимается предмет науки, который применительно к науке административного права по-прежнему вызывает живой интерес и отличается многообразием подходов.

Примечательно, что вопросы определения и теоретического обоснования предмета науки административного права волновали ученых в различные периоды развития этой сравнительно молодой публично-правовой науки. Так, почти столетие назад споры о предмете административного права признавались специалистами «коренным разногласием среди ученых-административистов»¹. В современный период дискуссионность мнений о предмете административного права, его составляющих, их соотношении в единстве такого предмета

сохраняется. Более того, в условиях активной трансформации управленческих механизмов под влиянием цифровизации, глобализационных и одновременно деглобализационных процессов, реформирования системы государственного управления под воздействием внутренних и внешних вызовов, постоянного совершенствования законодательства, включая конституционные изменения, потребность в доктринальном обосновании и структуризации предмета науки административного права становится очевидной. Четкое определение границ такого предмета, обоснование структуры и иерархии его составляющих призваны, на наш взгляд, выстроить верный вектор развития науки административного права — вектор, не позволяющий предмету этой науки наложиться на предметы иных юридических наук или совпасть с предметом административного права как отрасли права, призванный содействовать актуальным научным исследованиям в целях оптимизации административно-правового регулирования в современном обществе.

Административное право сегодня понимается как отрасль права, отрасль законодательства, наука и учебная дисциплина. К этому можно добавить понимание административного права как бытия². По мнению В. А. Юсупова, познание бытия административного права выдвигает важнейшую задачу онтологического характера: выяснение существа науки об административном праве и о закономерностях изучения бытия

¹ *Энгельфельд В. В.* Новые течения в науке административного права. Харбин : Отделение типографии КВЖД, 1929. С. 3.

² *Аврутин Ю. Е.* Бытие административного права в социокультурном и аксиологическом измерении (перечитывая проф. В. Д. Сорокина) // *Административное право и процесс*. 2014. № 3. С. 11–21.

административного права³. Кроме того, административное право может рассматриваться в качестве доктрины, обобщенным понятием которой охватывается вся совокупность юридико-научных трактовок суждений о позитивном праве⁴.

Будучи одной из самых молодых юридических наук, изучающих фундаментальные отрасли права, наука административного права прошла в своем развитии путь длиной в три столетия — от «науки полиции» или «полицейского права» до современной науки административного права⁵. Попробуем обозначить предмет современной науки административного права, его пределы и составляющие, проблемы его понимания в современных условиях.

По мнению В. Г. Афанасьева, в исследованиях социальной системы любого уровня, любой степени организации обязательно должны присутствовать четыре элемента: объективно существующая система (система-объект); теоретическая научная система как отражение в мышлении объективно существующей системы; движение этой теоретической системы в направлении ее более адекватного отражения системы-объекта; практика как исходный пункт познания⁶.

Предмет науки играет роль первоначала в составе любой науки, связывая ее части в нечто целостное, завершенное⁷. При этом достаточно распространена позиция, согласно которой предмет любой науки не может состоять из качественно различных частей; напротив, он всегда один, поскольку представлен однородной областью (группой) особых закономерностей⁸.

Выдающийся отечественный ученый И. Т. Тарасов почти полтора века назад сказал, что наука административного права в современном своем развитии очень далека от идеала, судя по множеству противоречивых ответов, которые она дает даже на основные вопросы, например на вопрос о границах и предметах этой науки⁹.

К. С. Бельский в целостном предмете науки административного права выделял три составляющие: административно-правовые нормы, административно-правовые категории и практику применения норм административного права¹⁰.

Аналогичную позицию занимает ученик К. С. Бельского В. И. Ивакин, диссертация которого является одним из немногочисленных исследований в области предмета науки административного права. В. И. Ивакин определяет предмет административно-правовой науки с широких позиций как совокупность трех его элементов (аспектов): административно-правовых норм, управленческой практики и административно-правовых категорий¹¹. При этом у учителя и ученика несколько расходятся взгляды на соотношение этих элементов в едином предмете науки административного права, значимость отдельных из них. Так, если К. С. Бельский подчеркивает познавательную первичность административно-правовых категорий и вторичность действующего административного права¹², то его ученик видит именно в административно-правовых нормах тот узел, который стягивает в одно целое все другие элементы предмета, имеющие подсобный, инструментальный характер¹³.

³ Юсупов В. А. Труды по административному праву : в 3 т. М. : Издательство НП «Евразийская академия административных наук», 2012. Т. 2. С. 606–608.

⁴ Аврутин Ю. Е. К вопросу о понятиях и дефинициях в административно-правовой теории и практике // Избранные труды. Размышления о государстве и государственной власти, законности и правопорядке, публичном управлении и административном праве / вступ. ст. д-ра юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ Ю. Н. Старилова. СПб. : Юридический центр, 2017. С. 553.

⁵ Административное право : учебник / под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. М. : Юрист, 2000. С. 97 (автор раздела — К. С. Бельский).

⁶ Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М. : Политиздат, 1981. С. 3.

⁷ Бельский К. С. О предмете и системе науки административного права // Государство и право. 1998. № 10. С. 19–20.

⁸ Рабинович П. М. К вопросу о специфических государственно-правовых закономерностях как предмете юридической науки // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 45.

⁹ Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. Ярославль, 1888. С. 8.

¹⁰ Бельский К. С. Указ. соч. С. 20.

¹¹ Ивакин В. И. Предмет науки административного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 5.

¹² Административное право : учебник. С. 87 (автор раздела — К. С. Бельский).

¹³ Ивакин В. И. Указ. соч. С. 5.

Предлагаемый взгляд на структуру предмета науки административного права, выделяющий в нем три элемента, отличается от ранее предлагавшихся подходов, где за основу брались только правовые нормы и отношения, т.е. догматическая часть административно-правовой науки¹⁴. К представителям такого суженного подхода можно отнести профессора А. И. Елистратова, принадлежащего к реалистической школе государствоведов и считавшего науку административного права учением о правоотношениях в области государственного управления¹⁵. Среди ученых более позднего периода следует назвать Н. М. Кони́на, который полагал, что наука административного права изучает не только соответствующие нормы и общественные отношения, но и их историю, перспективы развития¹⁶.

Об истории в предмете науки административного права следует сказать отдельно. История науки является не только ее памятью и одновременно лабораторией (К. С. Бельский), но и великой ценностью. История науки административного права позволяет сохранить (зафиксировать) движение научной мысли ученых различных исторических периодов, которое определенным образом формирует современное понимание всех элементов предмета науки. Причем особое значение здесь имеет история формирования и развития категорий, определенная категориальная эволюция в предмете науки, которая, безусловно, выступает теоретической базой для полноценного (в том числе с позиций научной этимологии) обоснования современных административно-правовых категорий. Учет истории науки позволяет также не возвращаться к уже пройденным процессам в развитии категорий, учитывать их в современной интерпретации, выстраивать хронологические параллели в понимании и использовании этих категорий.

Сегодня имеет место расширение уже существующих пониманий предмета науки административного права посредством включения в него и норм, и отношений, и категорий (которые могут быть обозначены в качестве понятийного аппарата и др.), и иных составляющих. Примером может служить научное мнение,

согласно которому предмет науки административного права включает в себя административно-правовые отношения, административно-правовые нормы, административное законодательство, административную правоприменительную практику, а также научные теории, концепции, взгляды и идеи, наиболее существенные признаки, свойства и связи административно-правовых явлений, основные административно-правовые категории и их функционирование¹⁷. Последняя позиция, на наш взгляд, содержит определенную тавтологию (административно-правовые нормы и административное законодательство) и отличается определенной громоздкостью, загроуженностью.

Таким образом, можно выделить как минимум две группы подходов к пониманию предмета науки административного права: группа узких подходов (формула «административно-правовые нормы — административно-правовые отношения» (либо только административно-правовые отношения)) и группа расширенных подходов (формулы: «административно-правовые нормы — административно-правовые категории — практика»; «административно-правовые нормы — административно-правовые отношения — административно-правовые категории — практика» и т.д.).

Представляется, что позиция К. С. Бельского и В. И. Ивакина может быть дополнена элементом отношений, причем как отношений, регулируемых административно-правовыми нормами, так и тех, которые в настоящее время не урегулированы, но потенциально могут быть урегулированы ими. Несмотря на то что опосредованно общественные отношения присутствуют в формуле Бельского — Ивакина (совокупность общественных отношений в качестве предмета регулирования административно-правовых норм), из предмета науки административного права в данной формуле «выходят» общественные отношения, которые были и (или) могут быть урегулированы административно-правовыми нормами, а в настоящее время не подлежат административной регуляции по тем или иным причинам. Условно эти группы

¹⁴ Ивакин В. И. Указ. соч. С. 6.

¹⁵ См.: Энгельфельд В. В. Указ. соч. С. 4.

¹⁶ Конин Н. М. Административное право России : учебник М. : ТК Велби, Проспект, 2007. С. 44.

¹⁷ Жеребцов А. Н. Тенденции развития науки российского административного права : учеб. пособие. Краснодар : Экоинвест, 2016. С. 18.

отношений можно назвать отношениями, регулируруемыми административными нормами в прошлом и в будущем (не в настоящем).

По нашему мнению, в предмет науки административного права следует включить административно-правовые нормы; общественные отношения, как регулируемые ими, так и не регулируемые ими (подлежавшие регуляции в прошлом или подлежащие регуляции в будущем); административно-правовые категории (категориальный аппарат) и практику применения норм административного права (административную практику). Предметом науки выступает то, на что направлены исследовательская активность, научное внимание, познавательный интерес. Выявление закономерностей, выдвижение гипотез и их доказывание, выделение принципов, формирование моделей и конструкций, построение типологических связей и вариантов соотношения различных институтов и явлений в исследуемой сфере, их сравнительный анализ, классификация — всё это следует отнести к задачам науки. Так, на основе научного анализа выделенных нами четырех структурных элементов предмета административного права, ученые выделяют и обосновывают эти закономерности и принципы развития различных административно-правовых институтов, явлений, процессов. По мнению отдельных авторов, дальнейшим развитием науки в этом направлении могло бы стать, к примеру, «открытие иных методов правового регулирования, в первую очередь метода восходящего подчинения»¹⁸, в дополнение к традиционным методам¹⁹.

Значение категорий для науки административного права следует подчеркнуть особо. Нельзя понять и подвергнуть толкованию административные нормы без помощи основных управленческих категорий. Поэтому наука административного права в первую очередь должна позаботиться о разработке аппарата административно-правовых категорий, чтобы на этой базе изучать действующие правовые

нормы²⁰. Система данных категорий, их соотношение друг с другом, иерархия выступают фундаментом теоретического блока науки административного права, без которого прикладная ее часть слаба, в понятийном отношении разрознена, бессистемна. Порядок, системность в категориях ведут к стройной логике и теоретической последовательности всех основанных на них изысканий и разработок. Путаница в категориях, множественность их теоретических трактовок и определений влекут бессистемность нормотворчества и непоследовательность правоприменения.

О значении терминологического, или категориального, порядка в административно-правовой науке, логичности и системности неоднократно говорил Ю. Е. Аврутин, который, отмечая повышение интереса административистов к «понятийному строю своей науки», сетовал на то, что применительно к административному праву можно говорить не просто об отставании теории от практики, а об определенном «доктринальном хаосе»²¹. Близкую позицию применительно к терминологии и ее значению для отраслевой юридической науки в целом и науки административного права в частности занимает А. А. Гришковец, который признает, что должного внимания такому элементу, как терминология, не уделяется, а его значение явно недооценивается, с чем вряд ли можно согласиться²².

В качестве проблем в понимании предмета науки административного права можно назвать следующие.

Во-первых, это отождествление предмета науки административного права с предметом административного права как отрасли. Выделенный выше узкий подход к пониманию предмета науки административного права является, на наш взгляд, отражением этой проблемы. Когда в предмете науки административного права видят прежде всего общественные отношения, мы имеем дело с отождествлением понимания науки и отрасли. Применительно к

¹⁸ Демин А. А. Соотношение конституционного и административного права в системе российского права // Административное право и процесс. 2006. № 1. С. 5–10.

¹⁹ А. А. Демин имел в виду в данном случае дополнение существующих традиционных методов правового регулирования: императивного и диспозитивного.

²⁰ Административное право : учебник. С. 87 (автор раздела — К. С. Бельский).

²¹ Аврутин Ю. Е. К вопросу о понятиях и дефинициях в административно-правовой теории и практике. С. 552–553.

²² Гришковец А. А. Допустим ли термин «деликт» в науке административного права? // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 13–17.

отдельным аспектам административно-правовых исследований на это обращает внимание А. Б. Зеленцов²³.

Во-вторых, науке административного права исторически присуще свойство комментирования административного законодательства. Неслучайно В. В. Энгельфельд почти столетие назад комментирование административно-правового материала называет «особенностью нашей науки»²⁴. Подобное комментирование не должно подменять предмет науки административного права.

В-третьих, в качестве предмета науки административного права нередко представляют сами процессы научного познания чего-либо. Так, ведущие ученые, справедливо относя науку административного права к составной части юридической науки в целом и науки публичного права, определяют в качестве ее предмета исследование правоотношений в сфере государственного управления, применения норм административного права, действия «административно-правовых» законодательных актов, «правотворчества» самих органов государственного управления²⁵. На наш взгляд, это историческая тенденция в научном обосновании предмета науки административного права. Так, И. Т. Тарасов еще в конце XIX в., рассуждая о том, что администрация имеет целью удовлетворение публичных потребностей посредством совокупности публичных служб, выдвигал тезис о том, что предмет и задача науки административного права заключаются в теоретическом исследовании и определении тех условий и средств, при помощи которых администрация достигает этой цели²⁶. В данной позиции объединены предмет и задача науки, что не позволяет четко очертить предмет. Последний представляет собой целостную систему элементов, на которую нацелено исследовательское воздействие. Вари-

анты же подобного воздействия (выдвижение гипотезы, построение моделей, выделение закономерностей в развитии тех или иных составляющих предмета науки и др.) характеризуют задачи науки административного права, которых можно выделить достаточно много. Задачи науки позволяют исследовать предмет науки с разных сторон, различными способами и средствами.

Полагаем, что выделенная выше позиция проблемой так таковой не является, а отражает инструментальный подход к науке административного права. В связи с этим профессор Ю. А. Тихомиров выделяет подход к науке административного права как важному инструменту познания управленческих закономерностей²⁷.

В-четвертых, имеет место совпадение предмета науки административного права с предметами других юридических и неюридических наук. Области такого совпадения/пересечения достаточно обширны, поскольку многие понятия (категории) входят в области исследования нескольких наук одновременно. Н. М. Конин справедливо полагал, что наука административного права является также частью единой комплексной науки управления, оставаясь при этом одной из правовых наук²⁸. В этой связи В. Е. Чиркин отмечал, что те или иные стороны государственного и муниципального управления изучаются многими юридическими науками²⁹.

Примером может служить категория прав и обязанностей гражданина. По мнению В. В. Энгельфельда, права и обязанности граждан во всем их своеобразии могут быть выяснены только путем анализа элементов публично-правового отношения, т.е. тем путем, по которому идет ново-догматическое направление в разработке административного права³⁰. Существует множество подобных категорий, закономерно входящих в предмет одновременно нескольких

²³ Зеленцов А. Б. Границы и структура предмета административного права современной России: дискуссионные вопросы // Административное право и процесс. 2020. № 9. С. 5–20.

²⁴ Энгельфельд В. В. Указ. соч. С. 11.

²⁵ Старилов Ю. Н. Курс общего административного права : в 3 т. М. : Норма, 2002. Т. 1 : История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. С. 4.

²⁶ Тарасов И. Т. Указ. соч. С. 2–3.

²⁷ Тихомиров Ю. А. Наука административного права: преемственность и новые повороты // Административное право и процесс. 2021. № 7. С. 11–15.

²⁸ Конин Н. М. Указ. соч. С. 46.

²⁹ Чиркин В. Е. Система государственного и муниципального управления : учебник. М. : Юрист, 2006. С. 17.

³⁰ Энгельфельд В. В. Указ. соч. С. 8.

отраслевых юридических наук, представляющих собой сквозные теоретические категории.

В-пятых, в качестве проблемы позиционирования и структурирования предмета науки административного права следует обозначить смешение таких понятий, как предмет науки, область науки, система науки, содержание науки, объект науки (или объект научного познания). Так, А. Н. Жеребцов говорит о подмене предмета науки административного права характеристикой элементов системы науки³¹. Что касается соотношения предмета науки административного права с ее объектом, то этот вопрос требует более детального рассмотрения.

К. С. Бельский выступает одним из немногих ученых-административистов, которые разграничивают предмет и объект науки административного права. По его мнению, в качестве объекта науки административного права выступает вся область административно-правовой действительности. В сравнении с объектом предмет науки административного права — предельно отчетливое, строгое и принципиальное понятие³². Таким образом, объект науки административного права существенно шире и разнообразнее по содержанию, нежели предмет административного права.

Ученые еще в середине 70-х гг. прошлого века отмечали в качестве недостатка определение той или иной юридической науки не через предмет, а посредством чрезмерно общего указания лишь на ее объект, обычно исследуемый с различных сторон несколькими науками³³. В. И. Ивакин в связи с этим использует понятие объекта познания; по его мнению, административно-правовая наука — единая сумма знаний, единая область знаний, имеющая единый объект познания — административное право и тесно связанные с ним общественные явления³⁴. Последнее утверждение в определенном смысле подтверждает выдвинутый нами тезис о том, что направленность науки административного права не ограничена общественными отношениями, регулируемые административно-правовыми нормами, а включает в себя и отношения, тесно связанные с ними.

Что касается содержания науки, то здесь следует согласиться с Н. М. Кониным в том, что оно представлено совокупностью научных положений, представлений, понятий и постулатов о нынешнем состоянии и динамическом развитии всей системы составляющих эту отрасль норм административного права³⁵.

Нами приведен далеко не полный перечень проблемных вопросов в определении предмета науки административного права. К их числу могут быть отнесены и «горький разрыв и отрыв отраслевых наук, отраслей законодательства от науки теории права, теории государства»³⁶, которые присущи и иным отраслевым наукам.

Следует обратить внимание на то, что на всем протяжении эволюции понимания предмета науки административного права предпринимались попытки расширения и ограничения данного предмета. Одной из них можно назвать существовавший столетие назад вариант включения в предмет науки административного права исключительно права внутри-организационного, или «внутреннего» (право внутреннего управления). В. В. Энгельфельд в конце 20-х гг. прошлого века видел основной спорный вопрос в том, следует ли науке административного права изучать юридический порядок всех отраслей государственного управления или ограничиться юридической стороной одного внутреннего управления. Стремление ограничить объем науки административного права указанным образом наблюдается, по мнению ученого, в германской и в особенности в русской литературе. Мотивом подобного ограничения является образование новых дисциплин, занимающихся исследованием управления международного, церковного, судебного, финансового³⁷.

В связи с этим в определенные периоды развития науки административного права имели место прогнозы частичного исчерпания административного права как науки. Ученые высказывали мнение о том, что крайнее разнообразие административно-правового материала делает неосуществимым его общий охват административным правом. Поэтому распадение

³¹ Жеребцов А. Н. Указ. соч. С. 18.

³² Бельский К. С. Указ. соч. С. 21–22.

³³ Рабинович П. М. Указ. соч. С. 45.

³⁴ Ивакин В. И. Указ. соч. С. 13.

³⁵ Конин Н. М. Указ. соч. С. 44.

³⁶ Тихомиров Ю. А. Указ. соч. С. 11–15.

³⁷ Энгельфельд В. В. Указ. соч. С. 9.

особенной части административного права на ряд отдельных дисциплин и совершенное исчезновение ее как целого являются вопросом недалекого будущего³⁸. Время, к счастью, показало утопичность данных воззрений. Современная наука административного права успешно обосновывает вполне закономерное «отпочкование» новых отраслей права от материнской отрасли, что, в свою очередь, выступает поводом для развития новых аспектов науки административного права, призванной определить принципы и закономерности этих процессов.

Вопросы расширения, ограничения, иных изменений пределов предмета науки административного права ставятся в исследованиях постоянно. Примером может служить традиционно один из дискуссионных вопросов административно-правовой науки — о возможности отнесения к предмету административного права отношений между гражданами в сфере публичного общения без непосредственного участия публичной администрации в качестве субъекта³⁹. Представляется, что этот вопрос может быть отнесен и к предмету отрасли административного права, и к предмету науки административного права.

Таким образом, в современных исследованиях отсутствует единство относительно пределов и содержания предмета науки административного права. Представляется, что множество позиций по вопросу предмета науки административного права — составная часть современной структуры науки административного права, а также ее качественное свойство. Плюрализм понимания, отграничения такого предмета, его структуризации и обозначения в определенный промежуток социального времени, безусловно, отражает живость и подвижность науки административного права, ее неразрывную связанность с реальной жизнью, правоприменением, развитием и совершенствованием административного законодательства.

Наука административного права закономерно воздействует на развитие административного законодательства и правопримени-

тельной практики, в то же время изменения в административно-правовом регулировании и тенденции правоприменения, в свою очередь, «оттеняют» внутреннее содержание предмета административно-правовой науки. Это два разнонаправленных и закономерных процесса, одинаково значимых и постоянных. В то же время нельзя не согласиться с мнением авторов о том, что именно юридическая наука призвана влиять на законодательство и способствовать его эффективности, а не наоборот⁴⁰.

Несмотря на свою относительную юность, наука административного права служит ареной многочисленных и разнообразных научных споров, имеющих громадную ценность и для правоведения вообще⁴¹.

Нами выше было приведено мнение В. Г. Афанасьева, которое может быть использовано и для определения предмета науки административного права. В предложенной нами модели структуры предмета административного права имеет место объективно существующая система (система норм административного права и общественные отношения, регулируемые ими); теоретическая научная система (совокупность категорий) и практика (правоприменение). Возникает вопрос: как отразить движение этой теоретической системы в направлении более адекватного отражения объективно существующей системы? Как показать динамику, развитие элементов в предмете науки административного права? В этой связи уместно привести мнение И. Т. Тарасова о том, что как наука административного права, так и положительное административное право подчиняются в своем развитии законам постоянства и движения, а потому они представляются как бы постоянно стремящимися к идеалу, которого, однако, никогда не достигнуть⁴². Полагаем, что движение в предмете науки административного права можно отразить в элементе общественных отношений, развитие которых трансформирует все остальные элементы, включаемые в предмет науки. Реальные отношения, непосредственные связи между их

³⁸ *Энгельфельд В. В.* Указ. соч. С. 11.

³⁹ См.: *Зеленцов А. Б.* Указ. соч. С. 5–20; *Кононов П. И.* О некоторых дискуссионных вопросах понимания предмета современного российского административного права // *Административное право и процесс.* 2013. № 2. С. 4–8.

⁴⁰ *Купреев С. С.* К дискуссии о предмете современного административного права // *Административное право и процесс.* 2012. № 4. С. 22–25.

⁴¹ *Энгельфельд В. В.* Указ. соч. С. 30.

⁴² *Тарасов И. Т.* Указ. соч. С. 6.

участниками всегда разнообразнее, сложнее, зачастую противоречивее теоретической модели их интерпретации. Научное отражение системы существующей действительности в структуре управленческого взаимодействия всегда отстает от состояния (статике) и движения (динамики) непосредственных его участников, а также в большинстве случаев отражает реальность с некоторой погрешностью. Чем меньше будет эта погрешность, чем ближе будет наука административного права к жизни, тем оперативнее и эффективнее будет позитивное воздействие научного понимания тех или иных процессов, явлений и институтов на эти процессы, явления, институты, их состояние и (или) функционирование в определенный период.

Важным свойством любой науки и одновременно критерием ее научной полезности выступает возможность определения перспектив развития элементов предмета науки. Применительно к предмету науки административного права речь идет о предложении оптимальных вариантов эволюции административно-правовых отношений, прогнозировании изменений в законодательстве, предвидении тенденций правоприменительной практики, обосновании перспектив развития теоретических конструкций в системе административного права во

всех его пониманиях (наука, законодательство, отрасль права, учебная дисциплина, бытие). И в этой связи очевидна особая роль науки административного права, которая призвана стать теоретико-доктринальным каркасом для всех иных пониманий административного права, основанным на достижениях научной мысли ученых-административистов, локомотивом в развитии исследований в области взаимодействия человека с институтами власти, области, присущей миру человека с момента его возникновения в социальном смысле.

Следует также подчеркнуть огромное значение определения границ и пределов предмета науки административного права. Представляет ценность как раздвижение их вширь, так и сужение их в направлении сокращения или более компактного структурирования внутреннего содержания. Расширение его пределов призвано стимулировать новые направления административно-правовых исследований, сужение способно углубить разработку аспектов, традиционно включаемых в предмет рассматриваемой науки. Подобная динамика призвана стимулировать науку административного права в движении к тому самому идеалу административно-правового регулирования, о котором говорили отечественные ученые много лет назад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аврутин Ю. Е. Бытие административного права в социокультурном и аксиологическом измерении (перечитывая проф. В. Д. Сорокина) // Административное право и процесс. 2014. № 3. С. 11–21.

Аврутин Ю. Е. К вопросу о понятиях и дефинициях в административно-правовой теории и практике // Избранные труды. Размышления о государстве и государственной власти, законности и правопорядке, публичном управлении и административном праве / вступ. статья д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки РФ Ю. Н. Старилова. СПб. : Юридический центр, 2017. 720 с.

Административное право : учебник / под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. М. : Юристъ, 2000. 728 с.

Афанасьев В. Г. Общество: системность, познание и управление. М. : Политиздат, 1981. 432 с.

Бельский К. С. О предмете и системе науки административного права // Государство и право. 1998. № 10. С. 18–26.

Гришковец А. А. Допустим ли термин «деликт» в науке административного права? // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 13–17.

Демин А. А. Соотношение конституционного и административного права в системе российского права // Административное право и процесс. 2006. № 1. С. 5–10.

Жеребцов А. Н. Тенденции развития науки российского административного права : учеб. пособие. Краснодар : Экоинвест, 2016. 272 с.

Зеленцов А. Б. Границы и структура предмета административного права современной России: дискуссионные вопросы // Административное право и процесс. 2020. № 9. С. 5–20.

Ивакин В. И. Предмет науки административного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 142 с.

Конин Н. М. Административное право России : учебник. М. : ТК Велби, Проспект, 2007. 448 с.

Кононов П. И. О некоторых дискуссионных вопросах понимания предмета современного российского административного права // Административное право и процесс. 2013. № 2. С. 4–8.

Купреев С. С. К дискуссии о предмете современного административного права // Административное право и процесс. 2012. № 4. С. 22–25.

Рабинович П. М. К вопросу о специфических государственно-правовых закономерностях как предмете юридической науки // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 43–49.

Старилов Ю. Н. Курс общего административного права : в 3 т. Т. 1 : История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М. : Норма, 2002. 728 с.

Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. Ярославль, 1888. 386 с.

Тихомиров Ю. А. Наука административного права: преемственность и новые повороты // Административное право и процесс. 2021. № 7. С. 11–15.

Чиркин В. Е. Система государственного и муниципального управления : учебник. М. : Юрист, 2006. 382 с.

Энгельфельд В. В. Новые течения в науке административного права. Харбин : Отделение типографии КВЖД, 1929. 30 с.

Юсупов В. А. Труды по административному праву : в 3 т. Т. 2. М. : Изд-во НП «Евразийская академия административных наук», 2012. 780 с.

REFERENCES

Avrutin YuE. The existence of administrative law in the socio-cultural and axiological dimension (re-reading Prof. V. D. Sorokin). *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2014;3:11-21. (In Russ.).

Avrutin YuE. On the question of concepts and definitions in administrative legal theory and practice. Selected works. Reflections on the state and state power, law and order, public administration and administrative law. Intro. article by Prof. Yu.N. Starilov, Dr. Sci. (Law), Honored Science worker of the Russian Federation. St. Petersburg: Law Center Publ.; 2017. (In Russ.).

Kozlov YuM, Popov LL, editors. Administrative law: A textbook. Moscow: Jurist Publ.; 2000. (In Russ.).

Afanasev VG. Society: Consistency, cognition and management. Moscow: Politizdat Publ.; 1981. (In Russ.).

Belsky KS. On the subject and system of the science of administrative law. *State and law*. 1998;10:18-26. (In Russ.).

Grishkovets AA. Is the term «tort» acceptable in the science of administrative law? *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2020;8:13-17. (In Russ.).

Demin AA. The correlation of constitutional and administrative law in the system of Russian law. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2006;1:5-10. (In Russ.).

Zherebtsov AN. Trends in the development of the science of Russian administrative law: A textbook. Krasnodar: Ekoinvest Publ.; 2016. (In Russ.).

Zelentsov AB. Boundaries and structure of the subject of administrative law in modern Russia: controversial issues. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2020;9:5-20. (In Russ.).

Ivakin VI. The subject of the science of administrative law. Cand. Diss. (Law). Moscow; 1995. (In Russ.).

Konin NM. Administrative law of Russia: A textbook. Moscow: TK Velbi, Prospekt Publ.; 2007. (In Russ.).

Kononov PI. On some controversial issues of understanding the subject of modern Russian administrative law. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2013;2:4-8. (In Russ.).

Kupreev SS. On the discussion of the subject of modern administrative law. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2012;4:22-25. (In Russ.).

Rabinovich PM. On the issue of specific state-legal patterns as a subject of legal science. In: Current problems of the theory of the socialist state and law. Moscow; 1974. Pp. 43–49. (In Russ.).

Starilov YuN. Course of general administrative law: in 3 vols. Vol. 1. History. Science. Matter. Standards. Subjects. Moscow: Norma Publ.; 2002. (In Russ.).

Tarasov IT. A brief outline of the science of administrative law. Yaroslavl; 1888. (In Russ.).

Tikhomirov YuA. The science of administrative law: continuity and new turns. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2021;7:11-15. (In Russ.).

Chirkin VE. The system of state and municipal government: A textbook. Moscow: Jurist Publ.; 2006. (In Russ.).

Engelfeld VV. New trends in the science of administrative law. Harbin: Department of the Printing House of KVZhD; 1929. (In Russ.).

Yusupov VA. Works on administrative law: in 3 volumes. Vol. 2. Moscow: Publishing house of NP «Eurasian Academy of Administrative Sciences»; 2012. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Агамагомедова Саният Абдулганиевна, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук
д. 10, Знаменка ул., г. Москва 119019, Российская Федерация
saniyat_aga@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Saniyat A. Agamagomedova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Senior Researcher at the Sector of Administrative Law and Administrative Process at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
saniyat_aga@mail.ru

Материал поступил в редакцию 22 октября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 21 ноября 2023 г.

Принята к печати 16 января 2024 г.

Received 22.10.2023.

Revised 21.11.2023.

Accepted 16.01.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.108-122

Э. Л. Лещина

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
г. Челябинск, Российская Федерация

Административное судопроизводство как вид административно-процессуальной деятельности

Резюме. Формирование единой общепризнанной концепции административного процесса и определение его структуры требуют выяснения правовой природы деятельности судов по разрешению на основании КАС РФ споров о правах и обязанностях в административно-публичной сфере, применению мер административного ограничения и принуждения. Анализируется содержание процессуальной деятельности судов по реализации норм административного права и иных материальных отраслей права для определения ее соответствия ключевым признакам административного процесса в контексте сопоставления их предмета, структуры процессуальной деятельности, особенностей и содержания административно-процессуальных отношений, типов связей между субъектом, ведущим процесс, и его участниками. Оценено соответствие процессуальных форм рассмотрения и разрешения административных дел, основанных на реализации дозволений в целях защиты права или на обеспечении действия запретов вследствие совершения правонарушений, правовой аномалии, административно-правовому типу регулирования, в первую очередь обеспечивающему реализацию предписаний. Административное судопроизводство является процессуальной формой правосудия и видом административно-процессуальной деятельности судов по реализации норм административного права и иных материальных отраслей, и его можно считать «административным» лишь с определенной долей условности. По сравнению с производствами, входящими в структуру «традиционного» административного процесса, в административном судопроизводстве другое правовое положение его основных участников (сторон), характер связей между ними и субъектом, ведущим процесс, соотношение процессуальных стадий и производств. Материально-правовая природа административных дел для административного судопроизводства не является определяющей, имеется частичное несоответствие процессуальной (исковой) формы административного судопроизводства единому методу правового регулирования.

Ключевые слова: административный процесс; административное судопроизводство; административное дело; административно-процессуальная форма; административно-процессуальная деятельность; административно-процессуальные отношения; метод правового регулирования; стадия производства; структура административного процесса

Для цитирования: Лещина Э. Л. Административное судопроизводство как вид административно-процессуальной деятельности. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 2. С. 108–122. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.108-122

Administrative Legal Proceedings as a Type of Administrative Procedural Activity

Eduard L. Leshchina
South Ural State University
(National Research University)
Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. The shaping of a unified generally recognized concept of the administrative procedure and the definition of its structure requires clarification of the legal nature of the courts' activities to resolve disputes based on the CAS of the Russian Federation on rights and obligations in the administrative and public sphere, the application

© Лещина Э. Л., 2024

of administrative restrictions and coercion. The author analyzes the content of the procedural activity of courts in the implementation of the norms of administrative and other substantive branches of law in order to determine its compliance with the key features of the administrative procedure in the context of comparing their subject matter, the structure of procedural activity, the features and content of administrative procedural relations, types of relations between the subject conducting the process and its participants. The conformity of the procedural forms of consideration and resolution of administrative cases based on the implementation of permits in order to protect the right or to ensure the operation of prohibitions due to the commission of offenses, legal anomalies, to the administrative and legal type of regulation, primarily ensuring the implementation of regulations, is assessed. Administrative legal proceedings are a procedural form of justice and a type of administrative procedural activity of courts for the implementation of the norms of administrative law and other material branches, and it can be considered «administrative» only with a certain degree of conditionality. In comparison with the proceedings that are part of the structure of the «traditional» administrative process, the administrative proceedings have a different legal status of its main participants (parties), the nature of the relations between them and the subject conducting the process, the ratio of procedural stages and proceedings. The substantive nature of administrative cases is not decisive for administrative proceedings, there is a partial discrepancy between the procedural (claim) form of administrative proceedings and the unified method of legal regulation.

Keywords: administrative procedure; administrative legal proceedings; administrative case; administrative procedural form; administrative procedural activity; administrative procedural relations; method of legal regulation; stage of production; structure of the administrative process

Cite as: Leshchina EL. Administrative Legal Proceedings as a Type of Administrative Procedural Activity. *Lex russica*. 2024;77(2):108-122. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.108-122

Введение

Одной из ключевых проблем отечественной науки административно-процессуального права и предметом многолетней научной дискуссии выступает определение назначения, содержания и структуры административного процесса. Вплоть до начала государственно-правовых реформ в России в отечественной административистике в качестве основного (так называемого управленческого) подхода превалировало мнение, что административный процесс — это одна из форм исполнительной власти, правовая процедура разрешения индивидуально-конкретных дел как позитивного, так и конфликтного характера¹. В дальнейшем, с учетом имеющихся правовых установлений, специалисты в сферу административно-процессуальной деятельности стали также включать административное судопроизводство².

При обращении к КАС РФ не составляет труда убедиться, что его разработчиками использована административная (например, «административное дело», «административные и иные публичные правоотношения», «реали-

зация отдельных административных властных требований») и административно-процессуальная терминология («административная процессуальная правоспособность», «административная процессуальная дееспособность», «административная процессуальная правосубъектность»). Соответственно, из формального прочтения КАС РФ следует вывод, что рассмотрение судами административных и иных дел, возникающих из публичных правоотношений, выступает видом юридической административно-процессуальной деятельности. Вместе с тем факт наличия в КАС РФ административной и административно-процессуальной терминологии не свидетельствует безусловно, что рассмотрение судами административных дел в процессуальной форме административного судопроизводства является именно административным процессом.

Анализ научной литературы позволяет заключить, что ряд авторитетных представителей административно-правовой науки в силу различных причин не признают в качестве административного процесса административное судопроизводство, считая его, например, судебным

¹ Сорокин В. Д. Вопросы теории советского административно-процессуального права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1968. С. 9–10.

² Салищева Н. Г. Проблемные вопросы административного процесса // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы : сборник статей / отв. ред. Л. Л. Попов и М. С. Студеникина. М. : Юрист, 2004. С. 221–232.

процессом³, рассуждают об административном процессе и административном судопроизводстве как о равноуровневых понятиях⁴, которые хотя и связаны между собой, но обозначают разные виды правоприменительной деятельности, разные виды юридического процесса⁵ или административного процесса⁶, или по крайней мере дипломатично откладывают окончательное решение этого вопроса до создания системы административных судов⁷.

Складывающиеся в рамках административного судопроизводства общественные отношения опосредованы процессуальными нормами, учитывающими односторонне властную природу административных правоотношений и специфику деятельности судебной власти по разрешению административно-правовых споров и конфликтов. При отнесении административного судопроизводства к административному процессу в сферу последнего включается деятельность судов по разрешению споров о правах и обязанностях, а также правовых конфликтов, материально-правовые основы которых лежат в сфере деятельности публичной администрации. В этой связи рассмотрение назначения, понятия, предмета, содержания и структуры процессуальной деятельности судов по разрешению административных дел видится важной проблемой науки административно-процессуального права.

1. Административное дело как предмет административного процесса и административного судопроизводства

Не вызывает сомнений правовая природа административного судопроизводства, поскольку оно «связано с разбирательством *юридического дела*, т.е. таких обстоятельств и фактов, которые основываются на праве (законе) и влекут определенные юридические последствия»⁸. Наличие индивидуально-конкретного дела традиционно считается одним из ключевых признаков, характеризующих правовую процедуру именно в качестве административного процесса⁹. Административное дело выступает в качестве основной категории административного процесса, составляет его предмет, хотя на основании КАС РФ разрешаются не только «административные», но и иные дела, обусловленные действиями субъектов публичного управления и администрирования в различных сферах, например налогообложения, строительства, землепользования, социального обеспечения и т.д. Такого рода дела «административными» можно считать с определенной долей условности, с учетом наличия в них властной стороны — субъекта публичного управления. В этом вопросе разделяю позицию, что «термин “административное”... обусловлен отраслевой принадлежностью материальных

³ Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право : учебник для юридических высших учебных заведений / подгот. А. И. Каплунов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2008. С. 218.

⁴ См.: Панова И. В. Административно-процессуальное право России : монография. 4-е изд., пересмотр. М. : Норма : Инфра-М, 2016. С. 115 ; Абсаямов А. В. Административное судопроизводство в арбитражном суде: теоретико-методологические аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 14.

⁵ Кононов П. И. Административное судопроизводство в России: проблемы понимания юридической сущности и структуры // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки РФ В. Д. Сорокина, 22 марта 2012 г. : в 2 ч. СПб. : Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2012. Ч. 1. С. 17–25.

⁶ Салищева Н. Г. О некоторых теоретических вопросах административного процесса на современном этапе развития российской правовой системы // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РФ В. Д. Сорокина : в 2 ч. СПб. : Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2010. Ч. 1. С. 27.

⁷ См.: Чечот Д. М. Административная юстиция (Теоретические проблемы). Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1973. С. 80 ; Административный процесс Российской Федерации : учебник / отв. ред. Л. Л. Попов. М. : РГ-Пресс, 2021. С. 18 (автор главы — Л. Л. Попов).

⁸ Теория юридического процесса / под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков : Вища школа : Изд-во при Харьк. ун-те, 1983. С. 52–53.

⁹ Административно-процессуальное право : учебник / под ред. А. И. Каплунова. СПб. : Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2015. С. 13.

норм, закрепляющих дозволения или запреты, ставшие предметом спора»¹⁰.

Применительно к сфере административного судопроизводства законодатель не дает определения административного дела, а лишь характеризует его как вид споров, вытекающих из публичных правоотношений, возбуждаемых по инициативе гражданина или организации (ч. 2 ст. 1 КАС РФ), либо дел, возбуждаемых по инициативе административно-публичных органов и должностных лиц, наделенных публичной властью (ч. 3 ст. 1 КАС РФ), т.е. дел «контрольного характера». Небезынтересно, что часть 1 ст. 18 проекта Кодекса административного судопроизводства РФ № 246960-6, внесенного в Государственную Думу Президентом РФ 26 марта 2013 г., содержала следующее определение: «административное дело — принятое к производству суда требование о разрешении правового спора между субъектами публичных правоотношений, а также материалы, относящиеся к этому спору»¹¹. Таким образом, административное дело характеризуется как публичный, управленческий спор, «в котором одним из субъектов является исполнительный орган публичной власти (администрация)»¹².

В современной научной и учебной правовой литературе встречаются различные мнения относительно характеристики категории «административное дело». Основанием административно-процессуальной деятельности являются именно индивидуальные дела¹³. П. И. Кононов, на основе интегративного подхода к административному процессу выделяя в его структуре два вида административного процесса — исполнительный и судебный, считает возможным и выделение соответствующих им

дел — собственно административных и судебно-административных¹⁴. В целом соглашаясь с возможностью существования в сфере деятельности судов самостоятельной процессуальной категории «судебных административных дел», полагаю правильным в этом вопросе все-таки руководствоваться легальными, закрепленными в законодательстве терминами «административное дело», «административный спор».

Характерными чертами (признаками) административного дела считаю следующие:

— это юридическая процессуальная категория;

— это отправная точка административного процесса;

— это конкретный жизненный случай, юридико-фактическая ситуация индивидуального характера в административно-публичной сфере;

— внешней формой дела выступает определенный юридический документ (юридическое дело), а внутренней — определенная правовая процедура его разрешения;

— оно фиксирует определенные факты и действия касательно данного конкретного случая;

— разрешается субъектом публичного управления во внесудебной (административной) процедуре, а судом — в форме судебной процедуры (административного или гражданского судопроизводства);

— итогом разрешения административного дела является юридический результат, заранее predetermined законодательством¹⁵.

На этой основе *административное дело* может быть определено как предусмотренная материальной правовой нормой юридико-фак-

¹⁰ Каплунов А. И. Современные подходы к пониманию административного процесса как результат и основа развития отечественного административно-процессуального законодательства // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 3. С. 265.

¹¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/246960-6?ysclid=lobopi8jhz4472152> (дата обращения: 29.10.2023).

¹² Панова И. В. Административно-процессуальное право России. С. 116.

¹³ Административные процедуры : монография / отв. ред. Л. Л. Попов, С. М. Зубарев. М. : Норма : Инфра-М, 2018. С. 27–28.

¹⁴ Кононов П. И. О понятии и видах административных дел в административном процессе // Журнал административного судопроизводства. 2018. № 5. С. 5–13.

¹⁵ Лещина Э. Л. Административное дело как категория административного процесса // Административные процедуры: проблемы правового регулирования. XX Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ). XVII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Секция административного права : сборник науч. статей / под ред. Э. П. Андрюхиной, С. М. Зубарева, Ю. В. Степаненко. М. : РГ-Пресс, 2020. С. 72.

тическая индивидуальная ситуация в административно-публичной сфере позитивного или конфликтного характера, которая разрешается в форме административного производства субъектом публичного управления или в форме административного судопроизводства судом в целях получения predetermined законом юридического результата, с документальной фиксацией определенных фактов, действий и итоговых правоприменительных решений¹⁶.

С точки зрения его предмета (*административное дело*) административное судопроизводство можно считать *видом административно-процессуальной деятельности*¹⁷, входящим в структуру административного процесса. Однако анализ действующего законодательства приводит к выводу, что категория «административное дело» не совпадает с понятием «административный спор». В отличие от судебного процесса, административный процесс охватывает рассмотрение не только дел о правонарушениях и административных спорах, но и позитивных дел в ходе осуществления прав и обязанностей в сфере управления, в которых отсутствует необходимость правовой оценки поведения сторон¹⁸. Соответственно, судебные административные дела выступают подвидом дел административных. Административно-спорные и административно-контрольные дела, составляющие основу современного административного судопроизводства, детерминированы возникновением правового спора, требованием о защите в особой процессуальной форме имеющих самостоятельный публичный характер прав и обязанностей либо необходимостью применения мер государственного принуждения, т.е. наличием правового конфликта, правонарушения, аномалии.

2. Структура административного процесса и административного судопроизводства

Структурирование административного процесса осуществляется в первую очередь по предметному критерию. В отличие от других видов юридического процесса, административный процесс «имеет сложную структуру производств, отличающихся друг от друга характером дел и расположенных параллельно»¹⁹. Выделение отдельных групп административных производств целесообразно производить по признаку вида юридической деятельности, получая, таким образом, правотворческие и правоприменительные производства. Процесс применения права носит как позитивный, так и правоохранительный, защитный характер, и ему соответствуют позитивные (правонаделительные) и правоохранительные (юрисдикционные) производства.

Административное производство — это установленный административно-процессуальными нормами порядок рассмотрения и разрешения однородной категории индивидуально-конкретных дел²⁰. Именно производство является составной частью, элементом структуры административного процесса, а не его видом. Некоторые научные школы, в силу особенностей индивидуально-конкретных дел и порядка их разрешения, определенные, соответствующие всем признакам юридического процесса виды позитивной (бесспорной) административно-процессуальной деятельности считают юридическими процедурами, определяя *процедуру* в качестве одного из *видов административно-процессуальных форм* (Н. Г. Салищева, Л. Л. Попов)²¹. Исходя из единства административного процесса и особенностей

¹⁶ Лещина Э. Л. Административное дело как категория административного процесса. С. 71–72.

¹⁷ И. В. Панова характеризует административно-процессуальную деятельность как «нормативно урегулированную деятельность (или порядок деятельности), в ходе осуществления которой рождаются отношения, регулируемые нормами административно-процессуального права и получающие характер административно-процессуальных правоотношений (Панова И. В. Административно-процессуальная деятельность в РФ : монография. М. : Инфра-М ; Норма ; Znanium.com, 2017. С. 113).

¹⁸ См.: Лория В. А. Некоторые вопросы кодификации административно-процессуального права. Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1974. С. 32 ; Административный процесс Российской Федерации : учебник. С. 29 (автор главы — Л. Л. Попов).

¹⁹ Панова И. В. Административный процесс в Российской Федерации: понятие, принципы и виды // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 2 (229). С. 119.

²⁰ Административно-процессуальное право : учебник / под ред. А. И. Каплунова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Р-Копи, 2017. С. 16.

²¹ Салищева Н. Г. Проблемные вопросы административного процесса. С. 222–226 ; Попов Л. Л. Эссе о доктрине административного процесса // Lex russica. 2021. Т. 74. № 6. С. 14.

индивидуально-конкретных дел, образующих его структуру, и соответствующих им процессуальных форм и административные процедуры, и административные производства выступают разновидностями административно-процессуальной деятельности в широком значении, и на этой основе также возможно формировать современную модель структуры административного процесса, при четком определении критериев разграничения правовых и иных процедур реализации возложенных обязанностей, не носящих характера юридического процесса.

Как представляется, характерными видовыми признаками административных производств выступают:

- 1) в основном их органическая «встроенность» в соответствующий институт материального права;
- 2) виды индивидуально-конкретных дел, составляющих предмет конкретного вида производства, как основной критерий их разграничения;
- 3) собственные цели, задачи и специальные процессуальные принципы осуществления;
- 4) законодательное закрепление процессуальной формы производства, детальная регламентация его этапов и стадий;
- 5) соответствие процессуальной формы основным способам регулирования поведения участников материальных правоотношений;
- 6) установление нормативными актами круга субъектов и участников производства и их административно-процессуального статуса, который, как и их виды, может меняться на разных стадиях производства;
- 7) реализация в их рамках материальных норм права;
- 8) возможность принятия в ходе производства обеспечительных и принудительных мер, промежуточных решений;
- 9) получаемый по итогам разрешения дела определенный юридический результат, отражаемый в юридическом акте²².

Если экстраполировать выделенные признаки на административное судопроизводство, то ему не имманентна возможность признания его «встроенным элементом» соответствующего материального института права. Вместе с тем часть административных производств име-

ет в своей основе также институты иных материальных отраслей, помимо «материнской», т.е. административного права. Например, исполнительное производство, в соответствии с Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», осуществляется по разным видам юридических правоприменительных актов и образует комплексный межотраслевой институт, основы которого закреплены в первую очередь административно-процессуальными нормами. Развернутая характеристика соответствия процессуальной формы административного судопроизводства основным способам регулирования поведения участников материальных отношений будет дана позднее.

Далее, что касается архитектоники административного судопроизводства, то у административистов его внутренняя логическая структура, соотношение видов производств, стадий и этапов процессуальной деятельности может вызывать вопросы, которых нет у представителей наук гражданского и уголовно-процессуального права. Еще раз подчеркну: принято считать, что административный процесс состоит из административных производств, у каждого из которых выделяют основные (конститутивные) и дополнительные (факультативные) процессуальные стадии, в своем содержании соответствующие логическим стадиям применения права. Признаки самостоятельной процессуальной стадии процесса (производства) следующие: логическое назначение, достигаемые цели и задачи, моменты начала и окончания, виды субъектов и участников, их процессуальный статус, определенный или допустимый законом, круг процессуальных действий, последовательность и порядок их совершения, правила принятия решений и закрепления юридических результатов, порядок и условия перехода на следующую (очередную) стадию²³. При этом, согласно видению разработчика национальной доктрины административного процесса В. Д. Сорокина, административный процесс складывается из нескольких, последовательно сменяющих друг друга стадий:

- а) возбуждение производства по административному делу;
- б) рассмотрение административного дела;

²² Лещина Э. Л. Современные подходы к определению структуры административного процесса // Административное право и процесс. 2021. № 1. С. 28.

²³ См. подробнее: Лещина Э. Л. Стадии производства по дисциплинарным делам государственных служащих Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11. С. 24.

в) принятие решения по административному делу;

г) исполнения решения по административному делу;

е) пересмотр решения по административному делу²⁴.

Административное судопроизводство как процесс отправления правосудия, одна из его процессуальных форм, «обладает определенной структурой, включающей ряд разнородных элементов — процессуальные производства, процессуальные стадии, процессуальные этапы и процессуальные действия»²⁵. Во всех случаях под производством имеется в виду порядок рассмотрения дела в определенной судебной инстанции: первой, кассационной, надзорной, — а также в стадии исполнения²⁶, причем одного и того же дела, чего нет в «традиционном» административном процессе. Корни такого деления следует искать в материально-правовых и обусловленных ими процессуальных особенностях тех категорий дел, которые отнесены к подведомственности суда²⁷.

Соответственно, процессуальное производство по КАС РФ представляет собой вид административно-процессуальной деятельности суда по рассмотрению административных и иных публичных дел. В соответствии с КАС РФ в структуре административного судопроизводства в общем суде выделены полные и сокращенные (ускоренные) производства — как дифференциация судебной процессуальной формы²⁸. Имеется также параллельное расположение судебных производств по административным делам, объединенных в определенные группы в зависимости от их категорий, как и в

традиционном административном процессе, но одно и то же дело может пройти несколько инстанций, также именуемых производствами.

Система стадий административного судопроизводства включает в себя:

- производство в суде первой инстанции;
- производство в суде второй (апелляционной) инстанции;
- производство в суде кассационной инстанции;
- производство в суде надзорной инстанции;
- пересмотр по новым и вновь открывшимся обстоятельствам;
- исполнительное производство²⁹.

Каждая из стадий, в свою очередь, включает определенные этапы судебного производства: возбуждение производства на данной стадии; подготовку дела к судебному разбирательству; судебное разбирательство, завершающееся вынесением решения³⁰. Соответственно, то, что обозначено в КАС РФ в качестве его процессуальных *этапов* (точнее — *стадий движения дела*), традиционно в общей теории права и науке административного процессуального права считается процессуальными *стадиями* производства³¹. Есть все основания полагать, что в связи с движением административного дела в суде через определенные стадии «закондатель употребляет термин “производство” для характеристики отдельных этапов этого движения»³². Этапы судебного производства соответствуют функциональным стадиям «традиционного» процесса. Налицо несовпадение стадий административного процесса и административного судопроизводства.

²⁴ Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право. С. 237.

²⁵ Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Судебное административное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «юриспруденция» / Рос. ун-т дружбы народов, Юрид. ин-т. М. : Статут, 2017. С. 261–262.

²⁶ Юридическая процессуальная форма: Теория и практика / Н. В. Виртук [и др.] ; под ред. В. М. Горшенева, П. Е. Недбайло. М. : Юрид. лит., 1976. С. 194 (автор главы — В. Д. Сорокин).

²⁷ Юридическая процессуальная форма: Теория и практика. С. 194.

²⁸ Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Указ. соч. С. 262.

²⁹ Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Указ. соч. С. 262.

³⁰ Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Указ. соч. С. 262.

³¹ См.: Теория юридического процесса. С. 130 ; Административный процесс : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. М. А. Шатиной. М. : Юрайт, 2017. С. 20–21 ; Панова И. В. Актуальные проблемы административного процесса в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 15–16.

³² Юридическая процессуальная форма : Теория и практика. С. 194 (автор главы — В. Д. Сорокин).

3. Особенности процессуальных правоотношений в административном процессе и судопроизводстве по административным делам и правового положения их участников

Применительно к рамкам административно-процессуальной деятельности в соответствии с КАС РФ следует указать на особый характер складывающихся здесь процессуальных правоотношений и отметить их особенности, которые имеются и в иных видах судебного процесса. Например, в их рамках процессуальные правоотношения возникают в основном не по инициативе суда. Они могут носить как односторонний (решение о возбуждении производства или об отказе в приеме заявления), так и многосторонний характер (назначение экспертизы), могут складываться не только между судом и конкретным участником (стороной) процесса, а в отдельных случаях и между его участниками, иными лицами, не участвующими в процессе, например судебными приставами по ОУПДС. Возможность вступления в административное дело представителя (адвоката) определяется правильностью оформления соответствующих документов, подтверждающих его полномочия, и в этом вопросе мы видим проявление воли стороны судопроизводства и наличие соответствующей обязанности суда допустить доверенное лицо к участию в деле.

Наличие фактического отношения при опосредовании его правовыми нормами является основанием для возникновения отношения правового, выступающего элементом связи, юридическим фактом, основой для возникновения правоотношения процессуального, в котором в процессуальной форме как раз и происходят реализация материальных норм права, прав и обязанностей участников правоотношения и достижение результата, предусмотренного законом. Процессуальные отношения — это отношения формального характера, их содержание формируют процессуальные права и обязанности³³. Свое основное содержание процессуальное правоотношение приобретает благодаря материальному праву.

Одной из обязательных сторон как материального, так и основанного на нем административно-процессуального отношения выступают субъект публичного управления (административно-публичный орган), его должностное лицо или суд. Основные административно-процес-

суальные отношения по поводу установления основы индивидуально-конкретного дела и его разрешения по существу складываются между должностным лицом органа, ведущего производство, или судом и иными субъектами (участниками): гражданами, организациями, их представителями, вступившими в процесс для удовлетворения, защиты своих законных прав или привлеченными в качестве его участников властным субъектом. Эти отношения носят линейный характер и строятся по схеме «орган (должностное лицо) — участник производства». Решение по индивидуально-конкретному делу принимает компетентный орган. В управленческом административном процессе административно-процессуальные отношения между его участниками *невозможны*, поскольку между невластными субъектами *невозможны* правоотношения, основанные на началах власти и подчинения. Обязанность доказывания фактов, обстоятельств индивидуального дела возложена на органы публичного управления, органы правоприменения. Что касается административного судопроизводства, сконструированного на основе гражданско-процессуальной (исковой) формы, безотносительно видов и особенностей административных дел, то в ходе него, как видится, складываются носящие вертикальный характер *судебные административно-процессуальные отношения*. Решение по делу как особого рода процессуальный акт судом принимается от имени государства.

Вместе с тем процессуальные правоотношения в рамках правоприменительной деятельности органов публичного управления (начала власти и подчинения) и процессуальные правоотношения в сфере административного судопроизводства (дозволительные начала, состязательность и процессуальное равенство) имеют различия. В управленческих правоотношениях основаниями их возникновения выступают определенные юридические факты, обусловленные действиями (бездействием) граждан и организаций, должностных лиц, наступлением определенных жизненных обстоятельств. Возникновение судебных процессуальных отношений обусловлено подачей административного искового заявления в суд и его принятием к рассмотрению.

Далее, важно отметить, что участники административно-процессуальных отношений должны обладать определенными юридическими

³³ Bennecke H., Beling E. Lehrbuch des deutschen Reichs-Strafprozessrechts. Breslau, 1900. P. 8.

свойствами, в число которых входят административно-процессуальная правоспособность и дееспособность. Вместе с тем должностное лицо, выступая в качестве участника материального административно-публичного правоотношения, при возникновении административного процесса в процессуальных правоотношениях выступает в качестве *субъекта власти*, ведущего производство (дело) от имени органа публичного управления. Соответственно, данных участников дела считают *субъектами*, ведущими производство, а всех иных лиц — *участниками* производства (например, такой подход использован в действующем КоАП РФ).

Иначе определяется процессуальный статус лиц, участвующих в административном судопроизводстве. Для признания равноправного процессуального положения заинтересованных в результатах административного судопроизводства и могущих своей волей влиять на его развитие и на получение предусмотренного законом результата административного исца и административного ответчика, его основных участников законодатель определил как *стороны*, что обусловлено исковой формой защиты права, отражающей особенности реализации дозволений как основных регулирующих элементов единого метода правового регулирования соответствующего материального правоотношения. Сторона в процессе есть субъект права, который противостоит власти, чтобы получить от нее решение того, что в конкретном случае должно быть признано правом³⁴. КАС РФ также содержит институты процессуального соучастия (административные соистцы и административные соответчики), процессуального правопреемства и замены ненадлежащего ответчика. Для случаев, предусмотренных КАС РФ, обязательно наличие представителей лиц, участвующих в деле (ч. 5 ст. 45). Как и в административно-юрисдикционных и контрольно-надзорных правоотношениях, в качестве иных участников административного судопроизводства могут выступать эксперт, специалист, свидетель, переводчик (ст. 45 КАС РФ). Соответственно, правовое положение сторон административного судопроизводства имеет отличия от статуса участников «обычных» ад-

министративно-процессуальных отношений, в которых «сторон» нет и быть не может в силу их линейного характера.

4. Реализуемый метод (тип) правового регулирования и его влияние на формы процесса

Динамическим элементом единого механизма правового регулирования является определенный вид юридического процесса, выступающего каналом реализации и отражающего особенности соответствующего (надлежащего) типа правового регулирования — гражданско-правового, административно-правового и уголовно-правового³⁵. Соответственно характеру складывающихся материальных правоотношений и типу правового регулирования материальной отрасли конструируется опосредующий его вид процесса — гражданский, уголовный, административный. При этом судебный юрисдикционный процесс, в зависимости от содержания материального правоотношения и особенностей опосредующего типа правового регулирования, может быть либо состязательным, либо следственным³⁶. Налицо парные категории (следственный процесс — состязательный процесс), основаниями которых выступают также два способа регулирования поведения людей как компоненты единого метода правового регулирования: запреты — дозволения.

В гражданско-правовом типе регулирования общественных отношений начало свободного распоряжения (дозволение), по общему правилу свойственное гражданским правам, отражается и на их судебной защите в исковой форме. В гражданском судопроизводстве стороны обладают широкими полномочиями *по распоряжению материальным правом* в споре.

Для уголовно-правового типа характерно существенное преобладание уголовного *запрета* как специфического способа воздействия, определенных видов поведения (бездействия). От волеизъявления сторон уголовного судопроизводства не зависит движение дела, хотя и существует предусмотренная законом возможность прекращения производства в связи с примирением сторон. Соответственно, законодателем

³⁴ Загряцков М. Д. Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Право и жизнь, 1925. С. 12.

³⁵ Каплунов А. И. Современные подходы к пониманию административного процесса... С. 266–268.

³⁶ Павлушина А. А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития : дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2005. С. 17.

установлена современная процессуальная форма следственного типа уголовного процесса³⁷. Она является наиболее формализованной и строгой по отношению к иным видам процесса юридического в силу особенностей охраняемых от нарушений общественных отношений и ценностей и максимально неблагоприятных последствий для лица, признанного виновным в совершении преступления.

Для административно-правового типа регулирования характерно наличие элементов всех типов единого метода правового регулирования³⁸. В силу разнообразия проявлений государственно-управленческой деятельности нормы административного права закрепляют различные способы регулирования поведения участников административных правоотношений, что находит свое отражение в опосредующих их процессуальных формах, обеспечивающих, соответственно, реализацию предписаний, дозволений и запретов. Причем предметом административного судопроизводства выступают дела, обеспечивающие реализацию как *дозволений* в целях защиты права, так и *запретов* вследствие наличия правонарушения или правовой аномалии. Однако рассмотрение дел так называемого контрольного характера (применение мер административного принуждения и ограничения) в форме процедуры, основанной на исковой форме защиты права, требует наличия следственного типа юрисдикционного процесса, а не искового производства³⁹. В этой части административное судопроизводство не в полной мере соответствует надлежащему типу правового регулирования материального правоотношения. При этом в соответствии с КАС и АПК РФ должностное лицо «должно объяснить» о законности своих действий (актов) либо представить административное дело в суд для его решения, т.е. выполнить публичную обя-

занность, что соответствует надлежащему типу регулирования.

При подготовке административного дела судьей к разбирательству в предварительном судебном заседании могут быть использованы примирительные процедуры (ст. 138 КАС РФ), что также не присуще традиционному административному процессу. Например, возможность примирения с потерпевшим при оскорблении (ст. 5.61 КоАП РФ), клевете (ст. 5.61.1 КоАП РФ), нанесении побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ) связана не с действием принципа диспозитивности, где потерпевший распоряжается предметом процесса, а с тем, что «примирение с потерпевшим и заглаживание причиненного ему вреда как обстоятельство, смягчающее административную ответственность (ст. 4.2 КоАП РФ), подтвержденное ходатайством потерпевшего, может стать основанием для оценки совершенного административного правонарушения как малозначительного»⁴⁰. В таком случае само исходное основание охранительного правоотношения исчезает, и, соответственно, прекращаются возникшие на его основе процессуальные отношения.

В ряде случаев возможность приема судом административного искового заявления обусловлена обязательностью досудебного урегулирования разногласий (например, при предоставлении государственных услуг, оспаривании результатов контрольно-надзорной деятельности), чего нет в обычном административном процессе как условия рассмотрения административной жалобы, за отдельными исключениями, например, в юрисдикционных внесудебных механизмах защиты служебных прав государственных служащих, основанных на трудовом законодательстве⁴¹.

В этой связи можно только высказать пожелания о приведении в соответствие содержа-

³⁷ Рудич В. В. Механизм применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2020. С. 109.

³⁸ Каплунов А. И. О правовой природе и классификации административно-процессуальных форм деятельности органов исполнительной власти // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 54.

³⁹ См.: Каплунов А. И. О процессуальной природе и содержании «административного» судопроизводства // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3.1. С. 63 ; Каплунов А. И. Современные подходы к пониманию административного процесса... С. 268.

⁴⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 № 2125-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малкова Андрея Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 29.9, 30.7 и 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.10.2023).

⁴¹ Государственный гражданский служащий вправе обратиться со служебным спором в комиссию государственного органа, если он самостоятельно или с участием своего представителя не урегулировал

нию правоотношений, составляющих единый предмет правового регулирования, и средствам воздействия административно-правового типа правового регулирования административно-процессуальных форм административного судопроизводства, как это имело место ранее в ГПК РФ в отношении дел контрольного характера, возникающих из публичных отношений, по которым субъект публичного управления в заявительном порядке был обязан обосновать законность своих притязаний, а суд — установить основу дела и принять решение.

В завершение отмечу, что признание административного судопроизводства видом административно-процессуальной деятельности и включение его в структуру административного процесса и административно-процессуального права (в качестве подотрасли Особенной части) обуславливают изменения понимания *предмета материального административного права как сферы деятельности органов публичной власти и судов по защите публичных интересов административно-правовыми методами*⁴². Однако вопрос о подобной коррекции требует основательной проработки и доктринального обоснования, поскольку в качестве такового понимается «совокупность общественных отношений, возникающих в процессе организации и деятельности исполнительных органов публичной власти и иных субъектов, наделенных исполнительными полномочиями»⁴³, к которым суд не относится. Также встает вопрос об административно-процессуальных формах защиты прав и обязанностей, лежащих в плоскости публичного права, определяемых особенностями их материально-правового содержания, поскольку имеющиеся формы судебной защиты являются *судебно-процессуальными*.

Выводы

Выявление основных сущностных признаков административного судопроизводства, анализ содержания и особенностей складывающихся здесь процессуальных отношений дают основание считать его видом юридической процессуальной деятельности, процессуальной формой правосудия, урегулированной административно-процессуальными нормами правовой процедуры рассмотрения административных и иных дел (споров), возникающих из публичных правоотношений.

Процессуальная форма административного судопроизводства закрепляет требования к административно-процессуальной деятельности судов (судей) по разрешению публично-правовых споров (реализация дозволений), применению мер административного ограничения и принуждения в отношении физических лиц и организаций в целях защиты имеющих самостоятельный характер публичных прав и обязанностей в административно-публичной сфере (реализация запретов).

Для признания административного судопроизводства полноправным структурным элементом административного процесса и административно-процессуального права (в качестве подотрасли Особенной части) необходима модернизация существующих в КАС РФ процедур рассмотрения административных дел, в основе которых лежит разрешение конфликта с публичной властью, путем приведения их в соответствие с единым методом правового регулирования.

разногласия при непосредственных переговорах с представителем нанимателя (ч. 7 ст. 70 Федерального закона от 27.04.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»).

⁴² Старилов Ю. Н. Дискуссия об административном судопроизводстве и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации: год 2020-й // Журнал административного судопроизводства. 2020. № 3. С. 12.

⁴³ Россинский Б. В. Современное понимание предмета административного права // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3.1. С. 41.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абсалямов А. В. Административное судопроизводство в арбитражном суде: теоретико-методологические аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 53 с.
- Административное судопроизводство : учебник / отв. ред. В. В. Ярков ; Урал. гос. юрид. ун-т. 2-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2021. 662 с.
- Административно-процессуальное право : учебник / под ред. А. И. Каплунова. СПб. : Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2015. 375 с.
- Административно-процессуальное право : учебник / под ред. А. И. Каплунова. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Р-КОПИ, 2017. 376 с.
- Административно-процессуальное право : учебник / под ред. А. И. Каплунова. 3-е изд., перераб. и доп. СПб. : Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2022. 356 с.
- Административные процедуры : монография / отв. ред. Л. Л. Попов, С. М. Зубарев. М. : Норма : Инфра-М, 2018. 240 с.
- Административный процесс Российской Федерации : учебник / отв. ред. Л. Л. Попов. М. : РГ-Пресс, 2021. 352 с.
- Административный процесс : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. М. А. Шатиной. М. : Юрайт, 2017. 364 с.
- Загряцков М. Д. Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Право и жизнь, 1925. 244 с.
- Зеленцов А. Б., Ястребов О. А. Судебное административное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «юриспруденция» / Рос. ун-т дружбы народов, Юрид. ин-т. М. : Статут, 2017. 766 с.
- Каплунов А. И. О правовой природе и классификации административно-процессуальных форм деятельности органов исполнительной власти // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 2. С. 53–58.
- Каплунов А. И. О процессуальной природе и содержании «административного» судопроизводства // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3.1. С. 57–65.
- Каплунов А. И. Современные подходы к пониманию административного процесса как результат и основа развития отечественного административно-процессуального законодательства // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 3. С. 261–276.
- Кононов П. И. Административное судопроизводство в России: проблемы понимания юридической сущности и структуры // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти д-ра юрид. наук, проф., заслуж. деятеля науки РФ В. Д. Сорокина, 22 марта 2012 г. : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2012. С. 17–25.
- Лещина Э. Л. Административное дело как категория административного процесса // Административные процедуры: проблемы правового регулирования. XX Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (МГУ). XVII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Секция административного права : сборник науч. статей / под ред. Э. П. Андрюхиной, С. М. Зубарева, Ю. В. Степаненко. М. : РГ-Пресс, 2020. С. 68–72.
- Лещина Э. Л. Современные подходы к определению структуры административного процесса // Административное право и процесс. 2021. № 1. С. 25–29.
- Лещина Э. Л. Стадии производства по дисциплинарным делам государственных служащих Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11. С. 20–31.
- Панова И. В. Административно-процессуальная деятельность в РФ : монография. М. : Инфра-М ; Норма ; Znanium.com, 2017. 452 с.
- Панова И. В. Административно-процессуальное право России : монография. 4-е изд., пересмотр. М. : Норма : Инфра-М, 2016. 288 с.
- Панова И. В. Административный процесс в РФ: понятие, принципы и виды // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 2 (229). С. 114–127.
- Панова И. В. Актуальные проблемы административного процесса в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 46 с.

Россинский Б. В. Современное понимание предмета административного права // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3.1. С. 37–43.

Салищева Н. Г. О некоторых теоретических вопросах административного процесса на современном этапе развития российской правовой системы // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуж. деятеля науки РФ В. Д. Сорокина : в 2 ч. Ч. 1. СПб. : Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2010. С. 26–30.

Салищева Н. Г. Проблемные вопросы административного процесса // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы : сборник статей / отв. ред. Л. Л. Попов и М. С. Студеникина. М. : Юрист, 2004. С. 221–232.

Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право : учебник для юрид. высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2008. 571 с.

Сорокин В. Д. Вопросы теории советского административно-процессуального права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1968. 39 с.

Сорокин В. Д. Избранные труды. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2005. 1084 с.

Старилов Ю. Н. Дискуссия об административном судопроизводстве и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации: год 2020-й // Журнал административного судопроизводства. 2020. № 3. С. 5–23.

Теория юридического процесса / под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков : Вища шк. : Изд-во при Харьк. ун-те, 1985. 192 с.

Чечот Д. М. Административная юстиция (Теоретические проблемы). Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1973. 136 с.

Юридическая процессуальная форма : Теория и практика / Н. В. Виртук [и др.] ; под ред. В. М. Горшенева, П. Е. Недбайло. М. : Юрид. лит., 1976. 278 с.

Bennecke H., Beling E. Lehrbuch des deutschen Reichs-Strafprozessrechts. Breslau, 1900. 769 p.

REFERENCES

Absalyamov AV. Administrative proceedings in the commercial (arbitrazh) court. Theoretical and methodological aspects. The author's abstract of the Dr. Sci. (Law). Moscow; 2009. (In Russ.).

Yarkov VV, editor. Administrative proceedings: A textbook. Ural State Law University. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Statut Publ.; 2021. (In Russ.).

Kaplunov AI. Administrative procedural law: A textbook. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2015. (In Russ.).

Kaplunov AI, editor. Administrative procedural law: A textbook. 2nd ed., reprint. and suppl. St. Petersburg: R-KOPI Publ.; 2017. (In Russ.).

Kaplunov AI, editor. Administrative procedural law: A textbook. 3d ed., reprint. and suppl. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2022. (In Russ.).

Popov LL, Zubarev SM, editors. Administrative procedures: A monograph. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2018. (In Russ.).

Popov LL, editor. Administrative procedure in the Russian Federation: A textbook. Moscow: RG-Press Publ.; 2021. (In Russ.).

Shtatina MA. Administrative procedure in the Russian Federation: A textbook for undergraduate and graduate programs. Moscow: Yurait Publ.; 2017. (In Russ.).

Zagryatskov MD. Administrative justice and the right of complaint in theory and legislation. 2nd ed., reprint. and suppl. Moscow: Pravo i Zhizn Publ.; 1925. (In Russ.).

Zelentsov AB, Yastrebov OA. Judicial administrative law: A textbook for university students taking a «Jurisprudence» course. Russian University of Friendship of Peoples, Law Institute. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).

Kaplunov AI. On the legal nature and classification of administrative and procedural forms of activity of executive authorities. *Legal policy and legal life*. 2022;2:53-58. (In Russ.).

Kaplunov AI. On the procedural nature and content of «administrative» proceedings. *Legal policy and legal life*. 2021;3.1(85):57-65. (In Russ.).

Kaplunov AI. Modern approaches to understanding the administrative procedure as a result and the basis for the development of domestic administrative procedure legislation. *Siberian Law Review*. 2021;18(3):261-276. (In Russ.).

Kononov PI. Administrative legal proceedings in Russia: Problems of understanding the legal essence and structure. Topical issues of administrative and administrative procedural law: Proceeding of the annual All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Scientist of the Russian Federation V.D. Sorokin, March 22, 2012. Part 1. St. Petersburg; 2012. Pp. 17–25. (In Russ.).

Leshchina EL. Administrative business as a category of administrative procedure. In: Andriukhina EP, Zubarev SM, Stepanenko YuV, editors. Administrative procedures: Problems of legal regulation. 20th International Scientific and Practical Conference of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University (MSU). 17th International scientific and practical conference «Kutafin Readings», Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Administrative law subpanel. Collection of scientific articles. Moscow: RG-Press Publ.; 2020. Pp. 68–72. (In Russ.).

Leshchina EL. Modern approaches to determining the structure of the administrative procedure. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2021;1:25-29. (In Russ.).

Leshchina EL. Stages of proceedings on disciplinary cases of civil servants in the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;16(11):20-31. (In Russ.).

Panova IV. Administrative and procedural activity in the Russian Federation: A monograph. Moscow: Infra-M; Norma Publ.; Znanium.com; 2017. (In Russ.).

Panova IV. Administrative procedural law in Russia: A monograph. 4th ed., rev. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2016. (In Russ.).

Panova IV. Administrative procedure in the Russian Federation: Concept, principles and types. *News of higher educational institutions. Law studies*. 2000;2(229):114-127. (In Russ.).

Panova IV. Topical issues of administrative procedure in the Russian Federation. The author's abstract of the Dr. Sci. (Law). Ekaterinburg; 2000. (In Russ.).

Rossinskiy BV. Modern understanding of the subject of administrative law. *Legal policy and legal life*. 2021;3.1:37-43. (In Russ.).

Salishcheva NG. On some theoretical issues of the administrative procedure at the present stage of development of the Russian legal system. Topical issues of administrative and administrative procedural law: Proceeding of the annual All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Scientist of the Russian Federation V.D. Sorokin. In 2 parts. Part 1. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2010. Pp. 26–30. (In Russ.).

Salishcheva NG. Problematic issues of the administrative procedure. In: Popov LL, Studenikina MS, editors. Administrative law and administrative procedure. Topical issues: Collection of articles. Moscow: Yurist Publ.; 2004. Pp. 221–232. (In Russ.).

Sorokin VD. Administrative procedural law: A textbook for law universities. 2nd ed., rev. and suppl. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr-Press Publ.; 2008. (In Russ.).

Sorokin VD. Questions of the theory of Soviet administrative procedural law. The author's abstract of the Dr. Sci. (Law). Leningrad; 1968. (In Russ.).

Sorokin VD. Selected works. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentr-Press Publ.; 2005. (In Russ.).

Starilov YuN. Discussion on administrative proceedings and the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation: the year 2020. *Journal of Administrative Proceedings*. 2020;3:5-23. (In Russ.).

Gorshenev VM, editor. Theory of the legal procedure. Kharkov: Vishcha shk.: Publishing house at Kharkov University; 1985. (In Russ.).

Chechot DM. Administrative justice (Theoretical problems). Leningrad: Publishing House of the Leningrad University; 1973. (In Russ.).

Nedbaylo PE, Gorshenev VM, editors. The legal procedural form. Theory and practice. Moscow: Yurid. lit. Publ.; 1976. (In Russ.).

Bennecke H, Beling E. Lehrbuch des deutschen Reichs-Strafprozessrechts. Breslau; 1900. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лещина Эдуард Леонидович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета)
д. 149, Коммуны ул., г. Челябинск 454080, Российская Федерация
leshina74@mail.r

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard L. Leshchina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation
leshina74@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 3 ноября 2023 г.
Статья получена после рецензирования 1 декабря 2023 г.
Принята к печати 16 января 2024 г.*

*Received 03.11.2023.
Revised 01.12.2023.
Accepted 16.01.2024.*

М. В. Шавалеев

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Исследовательский центр частного права
имени С.С. Алексеева при Президенте РФ
г. Москва, Российская Федерация

Внедрение электронного коносамента: международный опыт. Часть I

Резюме. Статья посвящена компаративному анализу попыток имитации функций коносамента, выданного на бумажном носителе, в виртуальной среде. В статье подчеркивается, что использование бумажной формы коносамента сдерживает потенциал морской перевозки и нивелирует достигнутые технологическим прогрессом успехи в морской торговле. Рассматриваются попытки создания функциональной эквивалентности коносамента на основании создания так называемых клубных систем, в которых юридическая сила коносамента обеспечивается договорными связями: SeaDocs, Bolero, essDOCS. Раскрываются причины, по которым ни одной из клубных систем не удалось полноценно имитировать функциональную эквивалентность коносамента, выпущенного на бумажном носителе. Освещаются попытки внедрения электронного коносамента на основании унификации норм международного права. Для этого рассматриваются Правила для электронных коносаментов, разработанные Международным морским комитетом (Comité Maritime International (CMI)), Конвенция о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов (Роттердамские правила), а также Типовой закон об электронных передаваемых записях, утвержденный ЮНСИТРАЛ (Model Law on Electronic Transferable Records (MLETR)). Анализируется возможность придания эквивалентного правового статуса коносаменту в электронной форме в национальных правовых порядках. Отмечается, что такая возможность большинством национальных правовых порядков не признается, что оставляет открытым вопрос признания электронного коносамента, выданного в иных юрисдикциях. Исключение составляют правовые порядки Австралии, США и Республики Корея, положения которых и выбраны для компаративного анализа.

Ключевые слова: электронный коносамент; LOI; SeaDocs; Bolero; CMI; MLETR; Роттердамские правила; клубные системы; функциональная эквивалентность электронного коносамента

Для цитирования: Шавалеев М. В. Внедрение электронного коносамента: международный опыт. Часть I. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 2. С. 123–139. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.123-139

Благодарности. Автор выражает благодарность А. Г. Архиповой за высказанные при написании статьи критические замечания и предложения. В то же время за любые ошибки и недочеты работы отвечает исключительно автор.

Implementation of the Electronic Bill of Lading: International Experience. Part I

Mikhail V. Shavaleev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Private Law Research Center named after S.S. Alekseev
under the President of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to a comparative analysis of attempts to simulate the functions of a bill of lading issued on paper in a virtual environment. The paper emphasizes that the use of the paper form of the bill of lading constrains the potential of maritime transportation and levels the successes achieved by technological progress in maritime trade. The paper emphasizes that the use of the paper form of the bill of lading constrains the potential of maritime transportation and levels the successes achieved by technological progress in maritime trade. The author considers attempts aimed at creating a functional equivalence of the bill of lading based on the creation of so-called club systems in which the legal force of the bill of lading is backed by contractual ties: SeaDocs, Bolero, essDOCS. The reasons why none of the club systems has been able to fully simulate the functional equivalence of a bill of lading issued on paper are revealed. The author highlights attempts to introduce an electronic bill of lading based on the unification of international law. For this purpose, the author studies the Rules for Electronic Bills of Lading developed by the International Maritime Committee (CMI), the Convention on Contracts for the International Carriage of Goods Wholly or Partly by Sea (Rotterdam Rules), as well as the Model Law on Electronic Transferable Records approved by UNCITRAL (MLETR). The possibility of giving an equivalent legal status to a bill of lading in electronic form in national legal systems is analyzed. It is noted that this possibility is not recognized by most national legal systems, which leaves open the question of recognizing an electronic bill of lading issued in other jurisdictions. The exception is the legislation of Australia, the USA and the Republic of Korea, the provisions whereof are subject to such comparative analysis.

Keywords: electronic bill of lading; LOI; SeaDocs; Bolero; CMI; MLETR; Rotterdam Rules; club systems; functional equivalence of electronic bill of lading

Cite as: Shavaleev MV. Implementation of the Electronic Bill of Lading: International Experience. Part I. *Lex russica*. 2024;77(2):123-139. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.123-139

Acknowledgements. The author expresses gratitude to A.G. Arkhipova for the critical comments and suggestions made during the writing of this article. At the same time, the author is solely responsible for any errors and shortcomings of the work.

Как показывает исторический анализ развития института коносамента, его появление было обусловлено ростом коммерческой активности, приведшей к изменению формы торговли¹. Практика, при которой купец лично сопровождал груз, сменилась новым типом торговли, при котором торговец оставался на берегу, а товар некоторое время находился вне сферы контроля грузоотправителя и грузополучателя. Потребности оборота привели к тому, что на смену слова как доказательства отгрузки товара стал использоваться коносамент. По мере развития торгового оборота коносамент начинает служить не только в качестве подтверждения факта принятия груза на борт судна, но и в качестве доказательства заключения

договора морской перевозки, а также способа передачи прав в отношении отгруженного товара.

Современный коносамент рассматривается как документ, который подтверждает договор морской перевозки и прием или погрузку груза перевозчиком и в соответствии с которым перевозчик обязуется сдать груз против этого документа (ст. 1 Конвенции ООН о морской перевозке грузов 1978 г.). Этот документ служит символом владения товаром в руках того, кто является владельцем коносамента. Как сказал бы «великий комбинатор», коносамент — «ключ от баржи, где деньги лежат», который и в настоящее время продолжает играть решающую роль в международной торговле².

¹ Du Toit S. F. The Evolution of the Bill of Lading // *Fundamina*. 2005. Vol. 1. No. 2. P. 13.

² Согласно отчету Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) UNCTAD/SDTE/TLB/2003/3 оборотный коносамент используют 88 % респондентов. В качестве причин для выбора оборотного коносамента как инструмента торговли большинство респондентов указывало на возможность его применения

Вместе с тем прогресс в сокращении сроков доставки грузов и усложнение финансовых сделок, в которых коносамент используется в качестве обеспечения при выдаче кредита, привели к тому, что при морских перевозках груз зачастую перемещается быстрее, чем выпущенный в отношении него коносамент, что приводит к задержке выдачи груза и увеличению расходов на демередж.

Для преодоления недостатков коносамента, выданного на бумажном носителе, в ситуациях, когда груз не предполагалось продавать во время пути, перевозчиками в качестве альтернативы стали использоваться морские накладные. Морская накладная представляет собой транспортный документ, в котором указан конкретный грузополучатель. Для получения товара грузополучателю необязательно предъявлять оригинал морской накладной перевозчику, что исключает возможные задержки, связанные с доставкой документа, и снижает возможные потери и ущерб, затраты на доставку и хранение груза, а также простой судна. Для того чтобы перевозчик считался исполнившим обязательство по выдаче груза надлежащему лицу, грузополучателю достаточно лишь представить документы, позволяющие идентифицировать его в качестве грузополучателя, указанного в морской накладной.

Вместе с тем морская накладная не является ни товарораспорядительным, ни оборотным документом, поскольку сам по себе факт владения бумагой не порождает у ее владельца права собственности на груз. Указанное обстоятельство ограничивает сферу применения морских накладных и не позволяет использовать их в качестве альтернативы коносамента, в случаях перепродажи товара во время транспортировки, равно как и не может выступать в качестве меры обеспечения при получении кредита.

В качестве вынужденной меры преодоления недостатков бумажного коносамента участники торгового оборота выдают гарантийные письма в пользу перевозчика (letters of intent (LOI)) в

обмен на выдачу груза в порту назначения, что также не является решением проблемы, поскольку LOI не решает проблему неплатежеспособности эмитента гарантийного письма. Более того, выдача перевозчиком груза без предъявления оригинала коносамента нарушает условия страхования, что создает риски остаться без компенсации в случае неплатежеспособности перевозчика.

Помимо затрат, которые ежегодно возникают в связи с оборотом бумажных коносаментов, существует еще одна проблема — риск бумажного носителя. Как правило, в коносаменте, выпущенном на бумажном носителе, указывается количество экземпляров, в которых он изготовлен, однако отсутствие регламентации того, какое количество экземпляров необходимо для получения груза или раскрытия аккредитива, изначально порождает сложности и потенциальные возможности для мошенничества. Многочисленные случаи подделки коносаментов с целью выдать себя за покупателя, продажи товара в пути одновременно нескольким покупателям, искажения количества погруженного товара не способствуют повышению доверия к бумажному коносаменту.

Прогресс в развитии технологий делает трансакции в электронной форме более безопасными и экономичными, чем традиционный оборот с бумажными носителями, что позволяет участникам оборота сократить издержки, минимизировать задержки в доставке груза и автоматизировать проверку документов³. Вместе с тем, несмотря на повсеместное использование электронных средств связи, за последние 40 лет усилия по переводу коносамента в цифровой формат не увенчались успехом.

Современная теория права традиционно выделяет три характеристики, позволяющие квалифицировать документ в качестве коносамента, а именно:

— документ должен быть выдан перевозчиком грузоотправителю и подтверждать факт

в качестве обеспечения для получения кредита, необходимость продажи товара в пути и соблюдение требований транспортного законодательства. См.: U.N. Conference on Trade and Development (UNCTAD). The Use of Transport Documents in International Trade. UNCTAD/SDTE/TLB/2003/3 (Nov. 26, 2003) // URL: https://unctad.org/system/files/official-document/sdtetlb20033_en.pdf (дата обращения: 11.02.2021).

³ Legal Briefing. Sharing the Club's legal expertise and experience. Electronic Bills of Lading // URL: https://www.ukpandi.com/media/files/imports/13108/publications/28140-legal_briefing_e_bill_of_lading_web.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

Исследования, проведенные Международной группой клубов взаимного страхования, показывают, что срок совершения сделки с использованием коносамента возможно сократить в пять раз, если использовать вместо коносамента, выпущенного на бумажном носителе, электронные аналоги.

погрузки на судно груза, а также содержать сведения о характеристиках и состоянии груза;

— документ должен подтверждать факт заключения договора перевозки между грузоотправителем и перевозчиком и содержать условия заключенного договора;

— передача прав в отношении груза должна осуществляться путем передачи владения документом (совершения индоссамент)⁴.

Любые попытки дематериализации коносамента обозначают необходимость сохранения всех этих функций, что создает дополнительные сложности, обусловленные общими особенностями электронных документов.

В отличие от бумажного носителя, документ в электронной форме можно скопировать таким образом, что создается дублирующая запись, идентичная подлиннику и неотличимая от него, поэтому при отсутствии специальных мер и технологии защиты нельзя гарантировать, что тот или иной электронный документ является уникальным. Обеспечение уникальности электронного коносамента требует, чтобы он существовал в единственном экземпляре, а какие-либо копии четко идентифицировались именно как копии.

Помимо уникальности документа, защита индоссамента в торговом обороте осуществляется при помощи владения бумажным коносаментом. Важность владения оригиналом бумажного коносамента заключается в том, что владеть материальным объектом в тот или иной конкретный период времени может только одно лицо.

Таким образом, основной задачей, которая должна быть решена в процессе внедрения электронного коносамента, является разработка процедуры, благодаря которой индоссант будет уверен, что электронный коносамент уникален и что есть средства, позволяющие установить такой контроль над этой электронной записью, который с точки зрения права был

бы функционально эквивалентен физическому владению.

Попытки создания функциональной эквивалентности коносамента на основании норм договорного права

В отсутствие унифицированных на межгосударственном уровне правил для имитации функций коносамента, выданного на бумажном носителе, в виртуальной среде торговым оборотом было разработано несколько подходов, основанных на добровольном членстве в той или иной организации и признании юридической силы электронного коносамента посредством присоединения к соглашению, исполнение которого обеспечивается возникающими между участниками обязательственными правоотношениями.

Одна из первых попыток создания функциональной эквивалентности электронного коносамента была предпринята в 1986 г. Chase Manhattan Bank и Международной ассоциацией независимых владельцев танкеров (International Association of Independent Tanker Owners (INTERTANKO)) в рамках проекта под названием «SeaDocs».

Принцип работы SeaDocs заключался в том, что перевозчик выдавал коносамент на бумажном носителе, после чего происходило его обездвиживание путем депонирования в специализированной организации (SeaDocs Registry Ltd.). В момент обездвиживания грузоотправитель получал код, часть которого отправлялась грузополучателю. В случае если грузополучатель намеревался передать права по коносаменту, он уведомлял об этом грузоотправителя и направлял соответствующее требование в SeaDocs в электронном виде. Одновременно с этим индоссанту передавалась часть кода грузоотправителя, который индоссант

⁴ Наличие совокупности указанных характеристик для квалификации документа в качестве коносамента признается как в иностранных (*Pejovic C. Transport documents in carriage of goods by sea : international law and practice. Routledge, 2020. P. 26 ; Goldby M. Electronic documents in maritime trade: Law and practice. 2nd ed. Oxford University Press, 2019. P. 118 ; Thi Mai Anh Doan. Switching paper to electronic bills of lading: legal perspective and reform options for Vietnam. Malmö, 2018. P. 9 // World Maritime University Dissertations. URL: https://commons.wmu.se/all_dissertations/664/?utm_source=commons.wmu.se%2Fall_dissertations%2F664&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages (дата обращения: 30.11.2022)), так и в отечественных доктринальных работах (Комментарий к Кодексу внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (постатейный) / Т. А. Диканова [и др.] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2023) ; Чулкова Л. А. Практика КС РФ // Налоговый вестник — Консультации. Разъяснения. Мнения. 2020. № 9).*

также вводил в электронном виде в систему SeaDocs в качестве согласия на принятия прав по коносаменту.

Депозитарий SeaDocs проверял поступившие коды и при их принятии заменял наименование грузополучателя в коносаменте, хранившемся в реестре SeaDocs. Таким образом, имитировалась возможность оборота коносамента и обеспечивалось ведение реестра последовательных владельцев коносамента. Когда груз прибывал в порт разгрузки, система SeaDocs передавала перевозчику код и такой же код отправлялся последнему индоссату, внесенному в реестр SeaDocs. Используя этот код, владелец записи получал распечатку коносамента на бумажном носителе, который и являлся основанием для получения товара.

Но, несмотря на попытку преодолеть недостатки, возникающие в процессе обращения коносамента на материальном носителе, SeaDocs не удалось получить широкого распространения в торговом обороте. Среди причин неудачи проекта указывается на сложности в оценке риска, возникающего в связи с использованием единого реестра, и обеспечения надлежащего уровня страхового покрытия ответственности, которую будет нести владелец реестра в случае операционных ошибок⁵.

Определенные сомнения в использовании SeaDocs были обусловлены и сомнениями в операторе информационной системы. Крупные торговые компании не считали учредителя проекта — Chase Manhattan Bank — достаточно независимым, чтобы реализовывать полномочия депозитария центрального реестра, а сам процесс ведения реестра достаточно безопасным, чтобы содержащаяся в реестре информация не стала бы доступна третьим лицам. Использование единого реестра также увеличивало транзакционные издержки, обусловленные необходимостью несения расходов на администрирование процесса.

Впрочем, несмотря на эту критику, система SeaDocs продемонстрировала возможность, пусть и теоретическую, воспроизвести функцию обращаемости бумажного коносамента и

заложила основу для более успешных попыток дематериализации коносамента.

Одной из таких попыток стал проект Bolero, направленный на замену бумажных коносаментов электронными документами с использованием центрального реестра.

Коносамент Bolero содержит те же данные, что и коносамент на материальном носителе. Юридическая сила коносамента Bolero обеспечивается путем принятия участниками торгового оборота при регистрации условий пользовательского соглашения, содержащего ключевые элементы сервиса «bolero.net» и гарантирующего, что все пользователи придерживаются набора общих «правил дорожного движения»⁶.

Bolero Operations Ltd. зарегистрирована в Соединенном Королевстве и является совместным предприятием клуба транзитных перевозок TT Club, осуществляющего страхование ответственности и оборудования для операторов судов, экспедиторов и других транспортных операторов, и SWIFT (Общество всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций), предоставляющего услуги безопасного обмена сообщениями и интерфейсного программного обеспечения.

Основой системы Bolero являются Реестр титулов и платформа обмена сообщениями, которая позволяет осуществлять обмен защищенной информацией между участниками системы и переводить обязательства в отношении электронных коносаментов. При погрузке товара перевозчик направляет грузоотправителю сообщение, которое содержит сведения о грузоотправителе, наименование товара, дату и место выгрузки, а также условия перевозки. Когда грузоотправитель подтверждает принятие сообщения, он становится первым держателем коносамента Bolero, сведения о котором как о текущем держателе вносятся в Реестр титулов Bolero (ст. 3.1 Правил Bolero).

Реестр титулов Bolero представляет собой централизованную компьютеризованную базу данных, которая содержит сведения об электронном коносаменте Bolero и записи обо всех транзакциях между пользователями системы.

⁵ Low R. Replacing the Paper Bill of Lading with an Electronic Bill of Lading: Problems and Possible Solutions // International Trade and Business Law Annual. Vol. 5. London : Routledge-Cavendish, 2000. P. 171 ; Chetrit N., Danor M., Shavit A., Yona B., Greenbaum D. Not Just for Illicit Trade in Contraband Anymore: Using Blockchain to Solve a Millennial-Long Problem with Bills of Lading // Virginia Journal of Law & Technology. 2018. Vol. 22. Issue 1. P. 77.

⁶ URL: <http://www.bolero.net/wp-content/uploads/2020/04/Bolero-Insights-The-Bolero-Rulebook-NW.pdf> (дата обращения: 01.10.2023).

При этом система обладает как функциями аутентификации владельца электронного коносамента, так и функциями шифрования, что минимизирует риски мошеннических действий.

В случае, если текущий держатель электронного коносамента намерен уступить права по электронному коносаменту, он направляет сообщение индоссату через систему Bolero. Каждое сообщение, направляемое участником в систему, заверяется цифровой подписью с использованием закрытого ключа, сертифицированного для каждого пользователя Bolero. Получив сообщение, система проверяет цифровую подпись, основываясь на сертификатах, хранящихся в базе данных Bolero. Если сообщение не было подписано или подпись не соответствует сертификату для зарегистрированного пользователя, сообщение отклоняется. После верификации сообщение с информацией о коносаменте Bolero передается индоссату, обладающему возможностью проверить подлинность и целостность сообщения. Если новый держатель подтверждает передачу прав, Реестр титулов регистрирует его в качестве текущего держателя и направляет ему новый ключ, одновременно аннулируя ключ предыдущего держателя. После этого первоначальный держатель не сможет вносить изменения в электронный коносамент Bolero. Так, передача прав по электронному коносаменту допускается с момента выдачи груза текущему держателю, после чего актуальный ключ аннулируется и блокируется возможность выдачи новых ключей. Таким образом, в определенный момент владельцем электронного коносамента будет только один держатель, который может инициировать передачу прав потенциальному индоссату.

Bolero позволяет также добавлять сведения о залогодержателе, чьи права в отношении заложенного электронного коносамента могут быть реализованы только при обращении взыскания.

Одновременно с переходом прав на электронный коносамент Bolero происходит замена стороны в договоре перевозки, в результате

которой к новому держателю переходят все права и обязанности по договору, заключенному перевозчиком с предыдущим держателем (ст. 3.5.1 Правил Bolero).

Система Bolero не создает единого электронного документа для выполнения тех функций, которые выполняет коносамент, выпущенный на бумажном носителе. Вместо этого бумажный коносамент заменяется совокупностью электронных сообщений и записей в Реестре титулов Bolero.

Bolero стремилась также привлечь участников обещанием автоматизированных и безопасных транзакций, подтверждающихся оборотоспособными электронными правоустанавливающими документами. Вместе с тем Bolero, как и проект SeaDocs, носит клубный характер, предполагающий распространение правил только на ее членов, что в ряде случаев не позволяет окупить инвестиции, затраченные на членство в ассоциации⁷. Более того, все споры, возникающие в результате нарушения Правил Bolero, подчинены праву Великобритании и подсудны английским судам, что оставляет открытым вопрос об исполнимости постановленных судебных актов за пределами Великобритании.

Система Bolero в некоторой степени опередила время: она была создана тогда, когда большинство участников оборота еще не были готовы отказаться от традиционных способов ведения бизнеса⁸. Именно проблема операционного риска и размер ответственности за него обусловили нежелание банков предоставлять финансирование под обеспечение электронного документа Bolero, что во многом стало решающим фактором в отказе от ее использования со стороны крупных перевозчиков и банков. Как показывают данные ЮНКТАД, возможность использования коносамента в качестве обеспечения при получении кредита является основным мотивом для его применения. Не нужно обладать пророческими способностями, чтобы предположить, что любая система, электронный коносамент которой не будет приниматься банками в качестве актива для обеспечения

⁷ Несмотря на тот факт, что Bolero предусматривает возможность выдачи текущему держателю традиционного коносамента взамен электронного коносамента Bolero (ст. 3.7 Правил Bolero), хотя бы первоначальный грузоотправитель должен являться полноправным членом Ассоциации Bolero, что неизбежно влечет увеличение транзакционных издержек.

В бумажном коносаменте, помимо всех данных, содержащихся в первоначальном электронном коносаменте Bolero, указываются также сведения о цепочке индоссантов, начиная с даты выпуска электронного коносамента Bolero до даты, когда коносамент был переведен на бумажный носитель.

⁸ Goldby M. Op. cit. P. 338.

кредитов, обречена на неудачу и не сможет получить широкого распространения в торговле⁹.

Следующей попыткой создать электронный коносамент при помощи ведения централизованного реестра стала система essDOCS, которая начала полноценно функционировать в 2010 г. Система essDOCS разрабатывалась с учетом особенностей перевозки отдельных видов грузов (таких как нефть или насыпные грузы), которые, в отличие от контейнерных грузов, за время транспортировки неоднократно перепродаются, что ставит перед системой задачу обеспечения быстрой и частой передачи коносамента.

Как и Bolero, essDOCS является клубной системой, основанной на членстве. На момент написания данной статьи essDOCS используют более чем 8 000 компаний из 81 страны¹⁰. Для использования essDOCS все заинтересованные лица сначала должны принять пользовательское соглашение (Databridge Services & Users Agreement), которое порождает у членов ассоциации обязанности признавать электронный коносамент наравне с бумажным¹¹. Пользовательское соглашение essDOCS подчинено законодательству Великобритании. Создание и обмен электронными коносаментами осуществляются с использованием веб-платформы CargoDocs. Участники essDOCS могут создавать электронные коносаменты, которые полностью воспроизводят вид и содержание бумажного коносамента. На протяжении всего срока существования электронного коносамента имеется лишь один экземпляр, обозначаемый водяным знаком «Оригинал», который изменяется, как только организация передаст электронный коносамент. Копии электронного коносамента маркируются водяным знаком «Копия» и могут быть отправлены любому лицу, вне зависимости от того, является ли оно участником essDOCS.

Система essDOCS также позволяет участникам загружать и обмениваться иными транспортными документами, необходимыми для торговли морским транспортом, используя любое устройство, подключенное к сети Интернет. При этом essDOCS предусматривает возможность работы в условиях низкой скорости связи, что позволяет перевозчику осуществлять операции с электронным коносаментом, находясь практически на любом судне.

Привлекательность essDOCS обеспечивает страхование оператором системы как потерь, вызванных внутренней работой (включая сбой, который приводит к неправильной выдаче или неправильной доставке электронного документа или невозможности доступа к электронному документу), так и рисков, не связанных с работой системы обмена документами essDOCS, которые могут привести к мошенническим действиям в отношении электронных документов¹². Вместе с тем преимуществом essDOCS является стремление к автоматизации процесса представления и проверки электронных документов через интерфейс, совместимый с правилами для электронного представления документов банков. В настоящее время отсутствуют какие-либо нормы права, которые квалифицировали бы коносамент essDOCS в качестве «юридического эквивалента» коносамента, выданного на бумажном носителе, или гарантировали единообразное применение пользовательского соглашения essDOCS в различных юрисдикциях¹³. Во многом распространение использования систем essDOCS и Bolero было вызвано признанием Международной группой клубов взаимного страхования (International Group of P&I Clubs) электронных коносаментов, созданных в этих системах. Это означало, что обязательства, возникающие в отношении перевозки грузов по таким коносаментам, покрываются так же, как если бы

⁹ См.: U.N. Conference on Trade and Development (UNCTAD). The Use of Transport Documents in International Trade. UNCTAD/SDTE/TLB/2003/3 (Nov. 26, 2003).

¹⁰ URL: <https://www.essdocs.com/solutions/exchange-title-docs> (дата обращения: 30.06.2023).

¹¹ URL: <https://www.essdocs.com/capabilities/users-agreement-dsua> (дата обращения: 25.11.2022).

¹² По состоянию на 25 ноября 2022 г. страховая сумма для указанных рисков установлена в размере, не превышающим 20 млн долл. США, в отношении каждого электронного коносамента (URL: <https://www.essdocs.com/capabilities/insurance> (дата обращения: 25.11.2022)).

¹³ Следует отметить, что периодически банки делают попытки совершать кредитные операции под обеспечение электронных коносаментов Bolero и essDOCS. Например, одной из первых попыток в 2013 г. стало сотрудничество в Китае CITIC Bank с Bolero. Однако из-за отсутствия какой-либо правовой защиты по национальному законодательству подобные транзакции рассматриваются лишь как эксперимент.

коносаменты были выписаны в бумажной форме.

Далее были созданы так называемые системы второго поколения, пытающиеся воспроизвести в электронной форме функции коносамента, выпущенного на бумажном носителе с применением технологии блокчейн. Так, в 2019 г. Международной группой клубов взаимного страхования была одобрена система edoxOnline — первая платформа, функционирующая на технологии блокчейн. В декабре 2019 г. — первая полностью децентрализованная система Wave, а в 2020 г. — система CargoX. Последней в ноябре 2022 г. была одобрена система Secro, подчиненная законодательству Сингапура.

В настоящее время Международной группой клубов взаимного страхования одобрено 10 платформ, обеспечивающих выпуск и оборот коносамента в электронной форме¹⁴. Несмотря на разные алгоритмы работы систем, их правовая база построена на принципе принятия участниками соглашения, в соответствии с которым пользователи соглашаются рассматривать создаваемую системой электронную документацию как аналог документов, выпущенных на бумажном носителе, и принимают на себя обязательство не оспаривать совершенные сделки на том основании, что они были совершены в электронной форме.

Все системы регулярно совершенствуются, снижая уязвимость перед кибератаками, а их пользователи покрыты страхованием профессиональной ответственности лица, осуществляющего управление системой. Тем не менее кибератака на Maersk в 2017 г., которая привела к сбоям в работе компьютерных систем компании по всему миру, атака программы-вымогателя на Cosco Shipping Lines в 2018 г. и CMA CGM в 2020 г. в определенной мере вызывают озабоченность пользователей и снижают уровень доверия к электронным системам¹⁵.

В итоге следует признать, что ни одна из рассмотренных систем не сумела обеспечить функциональную эквивалентность коносаменту, вы-

данному на бумажном носителе. Все они более или менее успешно воспроизводят часть функций коносамента: позволяют подтвердить факт погрузки и состояние груза, а также способны подтвердить факт заключения договора перевозки между грузоотправителем и перевозчиком. Вместе с тем электронный коносамент, сгенерированный одной из систем, изначально не может быть противопоставлен третьим лицам, не являющимся членами этой системы, в силу обязательственного механизма придания юридической силы такому коносаменту.

Попытки создания функциональной эквивалентности коносамента на основании унификации норм международного права

В 1990 г. Международным морским комитетом (Comité Maritime International (CMI)) были разработаны Правила для электронных коносаментов (далее — Правила CMI), представляющие собой договорный механизм, направленный на регулирование транзакций, выполняемых с использованием коносаментов, изготовленных на бумажном носителе¹⁶.

Правила CMI применяются только при наличии между сторонами соответствующего соглашения. Как только подобное соглашение достигнуто, груз передается перевозчику, который в электронном виде отправляет уведомление о его получении на электронный адрес, указанный грузоотправителем (Правило 4(а) CMI)¹⁷. Информация, которая должна содержаться в уведомлении, аналогична информации, содержащейся в коносаменте, выпущенном на бумажном носителе: наименование грузоотправителя, описание товара со всеми заявлениями и оговорками, имеющими такое же содержание, какое требовалось бы при выдаче бумажного коносамента, дата и место принятия товара, отсылка к условиям и правилам перевозчика. Уведомление должно содержать указание перевозчика и условия перевозки, что является доказательством заключения договора перевозки.

¹⁴ Circular 01/23: Electronic (Paperless) Trading // URL: <https://www.ukpandi.com/news-and-resources/circulars/2023/circular-01-23-electronic-paperless-trading/> (дата обращения: 14.03.2023).

¹⁵ Признавая актуальность и масштаб имеющихся проблем, Международная морская организация в 2017 г. одобрила Руководящие принципы по управлению киберрисками на море (URL: <https://www.wco.org/imo.org/localresources/en/OurWork/Facilitation/Facilitation/MSF-FAL.1-Circ.3-Rev.1.pdf> (дата обращения: 23.05.2023)).

¹⁶ Low R. Op. cit. P. 159–218.

¹⁷ URL: <https://comitemaritime.org/work/rules-for-electronic-billing-of-lading/> (дата обращения: 30.06.2023).

Согласно Правилу 4(d) СМІ указанная информация имеет такую же силу и действие, как если бы сообщение о получении содержалось в коносаменте, выданном на бумажном носителе. После подтверждения получения сообщения для верификации обладателя электронного коносамента используется сгенерированный перевозчиком секретный код, или, как он именуется СМІ, конфиденциальный ключ, который известен только грузоотправителю и перевозчику.

Правила СМІ не предъявляют каких-либо требований к безопасности при генерации конфиденциального ключа и способам его передачи, указывая лишь, что генерируемый ключ представляет собой комбинацию букв и цифр, которая передается посредством сообщения по указанному грузоотправителем электронному адресу.

При помощи полученного кода грузоотправитель имеет право требовать выдачи товара, указывать грузополучателя или заменять ранее указанного грузополучателя любой другой стороной, а также давать перевозчику, в соответствии с условиями и правилами договора перевозки, указания по любым иным вопросам, касающимся товара, как если бы он был держателем бумажного коносамента. Когда обладатель электронного коносамента намеревается передать его новому владельцу, он уведомляет об этом перевозчика. Получив сообщение от текущего обладателя, перевозчик подтверждает его и передает всю информацию новому обладателю, за исключением выданного ранее конфиденциального ключа. После того как новый обладатель выражает согласие с принятием электронного коносамента, перевозчик отменяет действующий личный ключ и генерирует код новому держателю (Правило 7(b) СМІ).

Правила СМІ не содержат указания на то, является ли предоставление конфиденциального ключа новому держателю основанием для замены стороны в договоре перевозки, утверждая, что этот вопрос регулируется международно-конвенцией или национальным законодательством, которые в обязательном порядке были бы применены, если бы коносамент выдавался на бумажном носителе (Правило 11 СМІ).

В случае если предложенный новый держатель извещает перевозчика о своем несогласии принять на себя права контроля и передачи или

ему не удастся в течение разумного периода сообщить перевозчику о таком принятии, передача коносамента не происходит. Соответственно, перевозчик извещает об этом текущего держателя, а текущий личный ключ сохраняет свою действительность. Предполагается, что передача личного ключа имеет тот же эффект, что и передача оригинала коносамента, выданного на бумажном носителе.

Таким образом, Правила СМІ создают фикцию процесса передачи прав по традиционному коносаменту и используют конфиденциальный ключ в качестве средства, позволяющего владельцу электронного коносамента осуществлять подобную передачу. Единственное различие между способами передачи прав состоит в том, что уступка бумажного коносамента проводится без участия перевозчика, тогда как в соответствии с Правилами СМІ передача электронного коносамента новому обладателю осуществляется при помощи перевозчика.

Правила СМІ не предполагали использования единого реестра, а роль эмитентов возлагалась на перевозчиков, которые вели частные реестры. В этом отношении роль, которой СМІ наделяет перевозчиков, противоречит природе коносамента, предполагающего свободный оборот без предварительного уведомления третьих лиц.

Правила СМІ подверглись серьезной критике, в первую очередь со стороны банковского сообщества, которое поставило под сомнение эффективность функционирования электронного коносамента посредством использования конфиденциального личного ключа¹⁸.

Основная критика была направлена на отсутствие в Правилах СМІ каких-либо требований по обеспечению единого алгоритма шифрования и аутентификации сообщений. Назначение конфиденциального ключа изначально сводится к проверке наличия у лица прав на передачу коносамента, что делает необходимым использование иных способов обеспечения безопасности при передаче сообщений. Указанный риск усугубляется тем, что в Правилах СМІ не указывается конкретный способ обмена данными между участниками, что повышает для банков риски от их использования. Возможность того, что грузоотправитель мог непреднамеренно передать содержимое сообщения о получении, включая конфиденциальный ключ, получателю или что перевозчик мог сгенери-

¹⁸ Low R. Op. cit. P. 175.

ровать новый ключ, не отменив старый, приводила к рискам, которые банки не хотели брать на себя¹⁹.

Вопрос обеспечения безопасности передачи данных играет существенную роль во многом и потому, что согласно Правилу 9 СМТ перевозчик будет нести ответственность за ненадлежащее исполнение обязательства по выдаче груза только в том случае, когда груз выдан лицу, не имеющему действующего конфиденциального ключа.

Безусловно, очередной эволюционный виток в развитии информационных технологий неизбежно приведет к тому, что программное обеспечение позволит устранить недостатки существующих систем. Но любое решение технического прогресса может быть реализовано только в том случае, если его использование подкреплено подходящей правовой базой. В настоящее время развитие технологий во многом опережает существующую правовую базу, которая создавалась для регулирования коносаментов, выпущенных на материальных носителях, в силу чего не учитывает специфику электронных коносаментов. Согласно отчету ЮНКТАД UNCTAD/SDTE/TLB/2003/3, 44 % респондентов в качестве фактора, препятствующего использованию электронных альтернатив бумажного коносамента, указали отсутствие правовых норм, обеспечивающих беспрепятственное функционирование этих инструментов в качестве оборотных правоустанавливающих документов²⁰. Отсутствие правового регулирования или наличие в национальных законодательствах ограничений приводит к правовой неопределенности и лишает участников торгового оборота эффективной защиты при осуществлении сделок с использованием электронного коносамента.

Первая попытка унифицировать правовой режим, регулирующий электронные коносаменты на межгосударственном уровне, была предпринята в 2008 г. Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), утвер-

дившей текст Конвенции о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов (Роттердамские правила). Основная цель принятия Роттердамских правил заключалась в создании современного и единообразного закона о международных морских перевозках грузов для снижения транзакционных издержек, повышения предсказуемости и стабильности, а также доверия в международной морской торговле. Идея заключалась в том, чтобы облегчить электронную торговлю и создать правовую основу для электронных эквивалентов бумажных транспортных документов.

В оборотной транспортной электронной записи содержится та же информация, что и в коносаменте: описание товара и его состояния в момент получения перевозчиком, наименование грузоотправителя, грузополучателя и перевозчика (гл. 8 Роттердамских правил).

Концепция, положенная в основу Роттердамских правил, исходит из необходимости выработки механизмов, которые гарантировали бы уникальность электронной передаваемой записи, дающей предъявителю право требовать поставки товаров. Уникальность электронного коносамента может достигаться либо на уровне составления самой записи путем создания уникального электронного документа, который не может быть скопирован (по крайней мере так, чтобы копия не позволяла установить, что это именно копия) и который может быть передан, либо на уровне определения аутентичной копии записи и лица, осуществляющего контроль такой записи.

В качестве функционального эквивалента владения электронной передаваемой записью Роттердамские правила используют концепцию контроля над электронной записью. Лицо, осуществляющее контроль над электронной передаваемой записью, считается держателем, способным принудительно реализовать эту передаваемую электронную запись (ст. 50 Роттердамских правил), а передача контроля является эквивалентом передачи владения в от-

¹⁹ Goldby M. Op. cit. P. 180.

²⁰ Как следует из комментариев респондентов, признающих недостаточную развитость инфраструктуры и неготовность рынка в целом к использованию электронных альтернатив коносамента, отсутствие достаточно четкой и адекватной правовой базы воспринимается здесь как основное препятствие. Значительная, хотя и меньшая, часть респондентов также считает, что электронные эквиваленты коносамента недостаточно безопасны. Напротив, неблагоприятные финансовые последствия или соображения конфиденциальности, по-видимому, воспринимаются как гораздо меньшая проблема. См.: U.N. Conference on Trade and Development (UNCTAD). The Use of Transport Documents in International Trade. UNCTAD/SDTE/TLB/2003/3 (Nov. 26, 2003).

ношении бумажного документа. В определении концепции контроля ст. 51 Роттердамских правил делает акцент на идентификационных данных лица, имеющего право на принудительную реализацию прав, закрепленных в электронной передаваемой записи. Статья 9 Роттердамских правил предусматривает, что использование оборотной электронной записи осуществляется в соответствии с процедурами, которые определяются сторонами, и устанавливает четыре категории вопросов, призванных отчасти помочь в решении проблемы обеспечения уникальности.

К таким вопросам Роттердамские правила относят:

- метод выдачи и передачи электронной записи предполагаемому держателю;
- подтверждение в отношении сохранения целостности оборотной электронной записи;
- способ, с помощью которого держатель в состоянии продемонстрировать, что он является таким держателем;
- способ направления подтверждения того, что сдача груза держателю осуществлена или что электронная запись полностью утратила юридическую силу или действительность.

Соблюдение этих процедур является необходимым условием для возникновения правового эффекта, на который направлена передача электронного коносамента. Однако Роттердамские правила не конкретизируют, как именно должны осуществляться эти процедуры.

Роттердамские правила следуют подходу «технологической нейтральности», предполагающему запрет на использование конкретных технологий, призванных обеспечить эквивалентность электронного коносамента бумажному. Этот подход не позволяет сдерживать развитие какой-либо технологии или несправедливо отдавать преимущество одной технологии в ущерб другой, учитывая все возможные настоящие и будущие модели.

Роттердамские правила представляли собой лишь первый шаг в направлении создания полнофункциональной правовой базы для регулирования электронного коносамента. Возможно, не самый успешный, но тем не менее очень значимый шаг²¹.

В июле 2017 г. ЮНСИТРАЛ утвердила текст Типового закона об электронных передаваемых записях (Model Law on Electronic Transferable Records (MLETR)), направленного на обеспечение возможности законного использования электронных передаваемых записей как на внутригосударственном, так и на трансграничном уровнях.

MLETR основывается на принципах недискриминации использования электронных средств, функциональной эквивалентности и технологической нейтральности²². MLETR предусматривает также правило функциональной эквивалентности для использования оборотных документов или инструментов путем установления требований, которым должна отвечать электронная запись (ст. 10). Устанавливаемые MLETR правила призваны не допустить существования нескольких требований в отношении исполнения одного и того же обязательства путем обеспечения гарантии уникальности документа в электронной среде.

В отличие от коносамента на бумажном носителе, передача владения которым передает юридические права, транзакции с электронным коносаментом не влекут изменений в материальной действительности. Поэтому ключевым понятием MLETR является «контроль», представляющий собой эквивалент владения оборотным документом. Требование к владению электронной передаваемой записью считается выполненным, если используется надежный метод, который позволяет установить исключительный контроль над этой электронной передаваемой записью со стороны лица и идентифицировать это лицо (ст. 11 MLETR). MLETR устанавливает стандарт оценки надежности метода, используемого для управления электронной передаваемой записью, и смены носителя с электронного на бумажный и наоборот (ст. 12).

MLETR облегчает трансграничное использование электронных передаваемых записей, поддерживая принцип недискриминации в отношении иностранного происхождения или использования за границей электронных передаваемых записей.

Концепция MLETR заключается в том, что это рекомендуемый образец, который может

²¹ Согласно ст. 94 Роттердамских правил они должны были вступить в силу через год после ратификации или присоединения к ним 20 стран. Однако спустя 14 лет они ратифицированы лишь 4 государствами.

²² URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/mletr_ebook_e.pdf (дата обращения: 25.11.2022).

использоваться национальными законодательными органами при подготовке своего внутреннего законодательства. Однако по состоянию на июль 2023 г. лишь 7 стран имплементировали положения MLETR в национальное законодательство²³.

Следовательно, в отсутствие высокой практической значимости попыток унификации правового режима на международном уровне регулирование правового статуса электронных коносаментов происходит на основании норм национального законодательства.

Попытки создания функциональной эквивалентности коносамента на основании национального законодательства

В целом ведущие национальные правовые порядки единообразно рассматривают коносамент как правоустанавливающий документ, предоставляющий его владельцу право требования передачи указанного в нем товара²⁴. Согласно отчету, подготовленному по поручению Банковской комиссии Международной торговой палаты, использование коносамента, выданного на бумажном носителе, не вызывает сложностей благодаря четким правилам национальных правовых порядков и сложившейся правоприменительной практике²⁵. Однако возможность придания эквивалентного правового статуса коносаменту в электронной форме большинством национальных правовых порядков не признается, что оставляет открытым вопрос признания электронного коносамента, выданного в иных юрисдикциях. Исключение составляют Австралия, США и Республика Корея.

Первой страной, правовой порядок которой признал электронный коносамент, является Австралия. Статья 4 Акта о морских транспортировочных документах 1997 г. закрепляет принцип функциональной эквивалентности, устанавливая, что документ в форме сообщения данных имеет одинаковую юридическую силу с морским транспортировочным документом на бумажном носителе²⁶. Эмитентом электронного коносамента следует признавать перевозчика, который сгенерировал сообщение в системе, используемой сторонами договора перевозки. Акт о морских транспортировочных документах носит рамочный характер и не содержит каких-либо требований к подобной системе, в силу чего в большинстве случаев перевозчик сам выступает оператором системы, в которой сгенерирован электронный коносамент. При передаче электронного коносамента индоссат приобретает право требовать выдачи груза и становится стороной обязательств (в том числе по договору перевозки), как если бы индоссат был первоначальной стороной обязательств (§ 7, 9, 11 Акта). Акт о морских транспортировочных документах не содержит положений, допускающих возможность цифровизации или материализации коносамента²⁷.

В 2003 г. в Единообразный торговый кодекс США (ЕТК США) были внесены изменения, заложившие основу для развития электронных документов и легализации электронного коносамента в качестве правоустанавливающего документа. В качестве правообладателя электронного коносамента ЕТК США признает лицо, которое система, используемая для фиксации прав на электронные документы, идентифицирует как эмитента (в качестве которого выступа-

²³ URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/ecommerce/modellaw/electronic_transferable_records/status (дата обращения: 30.06.2023).

²⁴ См.: ст. 158 Кодекса торгового мореплавания РФ, ст. 521 Торгового кодекса Германии, разд. 8:481 Гражданского кодекса Нидерландов, § 1-201 Единообразного торгового кодекса США (Uniform Commercial Code (UCC)), ст. 71 Морского кодекса КНР.

²⁵ The Legal Status of Electronic Bills of Lading : A report for the International Chamber of Commerce (ICC) // URL: <https://iccwbo.org/news-publications/news/icc-banking-commission-clyde-co-launch-report-legal-status-electronic-bills-lading/> (дата обращения: 30.06.2023).

²⁶ URL: <https://www.legislation.tas.gov.au/view/html/inforce/current/act-1997-005#HP1@EN> (дата обращения: 30.06.2023).

²⁷ Вместе с тем в научной литературе справедливо указывается на то, что в австралийском законодательстве нет норм, которые бы препятствовали цифровизации или материализации коносамента. См.: *Byung-Soo Ahn, Tae-Ho Park. A Study on the Clause of Uniform Commercial Code for Electronic Bills of Lading // International Commerce and Information Review. 2009. Vol. 11. No. 2. P. 290.* URL: <https://koreascience.kr/article/JAKO200930159712145.pdf> (дата обращения: 30.06.2023).

ет перевозчик), или лицо, которому был передан контроль над электронным коносаментом § 7-106 ЕТК США). В случае с электронным коносаментом контроль над записью олицетворяет владение коносаментом и выполняет функции индоссамента.

ЕТК США использует технически нейтральные формулировки, описывая систему фиксации прав на электронные документы, закрепляя лишь, что подобная система должна обеспечивать уникальность электронного коносамента и исключительность контроля над ним. Считается, что система соответствует этим требованиям, если внесение изменений в электронный документ или трансферт прав в отношении него возможны только на основании волеизъявления лица, являющегося его правообладателем²⁸. Причем положения ЕТК США, допуская использование электронного документа в качестве товарораспорядительного документа, фактически приводят к юридической эквивалентности коносамента на бумажном носителе и коносамента в электронной форме²⁹. В силу этого правообладатель электронного коносамента вправе требовать выдачи груза, основываясь на тех же нормах, что и владелец коносамента на бумажном носителе (§ 7-403, 7-502 ЕТК США).

ЕТК США предусматривает возможность обременения электронного коносамента залогом, который осуществляется путем передачи контроля над электронным документом залогодержателю. Залогодержатель в любое время вправе получить товары по заложенному электронному коносаменту, поскольку в силу § 9-313 ЕТК США лицо, контролирующее электронный документ, не обязано указывать, что оно действует в качестве залогодержателя.

В ЕТК США допускается конверсия электронного коносамента в коносамент на материальном носителе. Согласно § 7-105 ЕТК США конверсия выражается в передаче текущим правообладателем контроля над электронным коносаментом его эмитенту. После передачи контроля эмитент выдает лицу коносамент на материальном носителе, который содержит отметку о том, что он выдан взамен электронного документа. С момента выдачи коносамента на материальном носителе электронный коносамент теряет юридическую силу. В свою очередь, § 7-105 ЕТК США допускает возможность цифровизации коносамента, в результате которой происходит замена бумажного коносамента на электронный. Несмотря на то что для цифровизации используется термин «замена», ЕТК США не позволяет однозначно ответить на вопрос о том, с какого момента будет считаться выданным конверсированный коносамент: с даты выдачи первоначального коносамента или с момента его цифровизации. В США допускается использование электронных коносаментов, выпущенных за границей.

В 2007 г. в Коммерческий кодекс Республики Корея были внесены изменения, заложившие правовую основу для использования электронных коносаментов, а годом позднее принят указ Президента Республики Корея от 20.06.2008 № 20829 «О реализации положений Коммерческого кодекса об электронных коносаментах». Законодательство Республики Корея определяет электронный коносамент как коносамент, изготовленный в форме электронного документа, запись о котором внесена в соответствующем реестре прав³⁰. При этом ст. 862 Коммерческого кодекса Республики Корея прямо указывает на тождество с юридической точки зрения элек-

²⁸ Перечисляя требования к системе фиксации прав на электронные документы, § 7-106 ЕТК США закрепляет, что подобная система должна позволять с достаточной надежностью устанавливать лицо, являющееся обладателем права, и исключать возможность внесения несанкционированных изменений в электронный документ.

²⁹ В научной литературе отмечается используемая ЕТК США эквивалентность понятий «контроль над электронным документом» и «владение бумажным коносаментом». Эквивалентность бумажного и электронного коносамента обеспечивается также и тем, что в соответствии с § 7-102 ЕТК США подписание документа может осуществляться не только посредством выполнения материального символа, но посредством электронной записи. См., например: *Goldby M.* Op. cit. P. 174 ; *The Legal Status of Electronic Bills of Lading : A report for the International Chamber of Commerce (ICC).* Appendix 2 : United States Federal Law and New York Law.

³⁰ Ст. 2 указа Президента Республики Корея от 20.06.2008 № 20829 «О реализации положений Коммерческого кодекса об электронных коносаментах» // URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=27964&type=part&key=8 (дата обращения: 30.06.2023).

тронного коносамента и коносамента, выданного на материальном носителе.

Выдача электронного коносамента рассматривается как регистрация электронного коносамента в реестре на основании заявления перевозчика. Регистрация носит правопорождающий характер, а требования к ее процедуре подробно регламентированы в нормативных актах. Указом Президента Республики Корея «О реализации положений Коммерческого кодекса об электронных коносаментах» деятельность по регистрации, выпуску и последующему трансферу прав по электронному коносаменту возложена на агентство по регистрации коносаментов, которое определяется Министерством юстиции Республики Корея³¹.

В отличие от коносамента, выпущенного на материальном носителе, обеспечение достоверности содержащихся в электронном коносаменте сведений возлагается не на перевозчика, а на агентство, которое, видимо, и следует признавать эмитентом электронного коносамента³². Когда перевозчик намеревается выдать электронный коносамент, он направляет в орган регистрации сгенерированное в электронной форме заявление и согласие грузоотправителя на выпуск электронного коносамента. В заявлении перевозчика должна содержаться информация, идентичная информации, вносимой в коносамент, выпускаемый на материальном носителе: описание груза, место получения или место доставки груза, наименование грузоотправителя и грузополучателя. Любое изменение информации в электронном коносаменте осуществляется путем обращения к регистрирующему органу³³.

Передача прав на электронный коносамент происходит путем электронного индоссамента, вносимого в реестр органом регистрации, на основании заявления индоссанта. Коммерческий кодекс Республики Корея исходит из того,

что индоссамент электронного коносамента, вносимый в реестр, порождает такие же правовые последствия, как и передача индоссату владения бумажным коносаментом с проставленным индоссаментом. Перед выдачей груза перевозчик должен убедиться, что лицо, которому он собирается выдать груз, является держателем электронного коносамента, указанным в реестре. Перевозчик уведомляет регистрирующий орган о выдаче груза, и с этого момента электронный коносамент считается возвращенным перевозчику.

Статья 12 указа Президента Республики Корея «О реализации положений Коммерческого кодекса об электронных коносаментах» предусматривает возможность материализации электронного коносамента, осуществляемой органом регистрации. В этом случае орган регистрации погашает запись в реестре и выдает коносамент на бумажном носителе, в котором делается отметка о его конверсии. На оборотной стороне выданного коносамента отражаются все записи о передаче прав, которые были внесены в реестр электронных коносаментов. При этом в силу прямого указания закона сделанные регистрирующим органом записи о передаче прав имеют такую же силу, как и индоссаменты. Записи, связанные с выдачей электронных коносаментов и трансфертом прав по ним, должны храниться 10 лет с момента выдачи груза или момента материализации электронного коносамента.

Возможность дематериализации коносамента, выданного на материальном носителе, законодательством Республики Корея не предусмотрена³⁴.

Поскольку юридическая сила электронного коносамента зависит от его регистрации в специальном реестре, который ведет определяемое Министерством юстиции Республики Корея агентство, признание электронных коно-

³¹ Для аккредитации в качестве агентства предъявляются требования к организационной-правовой форме (исключительно корпорация), финансовому состоянию лица (размер чистых активов должен составлять не менее 20 млрд вон, или около 15 млн долл. США), а также техническому оснащению корпорации (наличие помещения, оборудования и персонала). Корпорация также должна иметь страховой полис, покрывающий убытки, которые могут быть понесены пользователями системы. См.: URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=27964&type=part&key=8 (дата обращения: 30.06.2023).

³² Byung-Soo Ahn, Tae-Ho Park. Op. cit. P. 292.

³³ Согласно ст. 9 указа Президента Республики Корея «О реализации положений Коммерческого кодекса об электронных коносаментах» любое внесение изменений в описание груза, в отношении которого был выдан электронный коносамент, допускается только с согласия перевозчика. См.: URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_mobile/viewer.do?hseq=27964&type=part&key=8 (дата обращения: 30.06.2023).

³⁴ Byung-Soo Ahn, Tae-Ho Park. Op. cit. P. 290.

саментов, выданных в соответствии с иными национальными правовыми порядками, исключается. По этой причине электронный коносамент, зарегистрированный в корейском реестре, не может использоваться в трансграничных сделках³⁵.

В результате реформы 2013 г. в законодательстве Германии появилось указание на возможность выдачи коносамента в электронной форме (ст. 516 Торгового кодекса Германии). Вместе с тем подзаконные акты, необходимые для реализации этой нормы, до настоящего времени не приняты.

Согласно бразильскому Регламенту электронного коносамента Ajuste SINIEF 9/07 электронный коносамент представляет собой безбумажный налоговый документ, созданный для устранения необходимости в выдаче нескольких документов для покрытия внутренних грузов, перевозимых в пределах Бразилии. Таким образом, хотя бразильское законодательство признает действительность электронного коносамента как имеющего тот же статус, что и коносамент на бумажном носителе, это признание будет применяться только к электронным коносаментам, выпущенным и зарегистрированным Федеральной налоговой службой Бразилии. Кроме того, вызывает определенные сомнения возможность квалификации бразильского электронного коносамента как правоустанавливающего документа, поскольку изначально он был разработан как средство контроля налогообложения товаров в бразильских портах.

Заключение

Очевидно, что использование бумажной формы коносамента сдерживает потенциал морской перевозки и нивелирует достигнутые технологическим прогрессом успехи в морской торговле. С развитием технологий достоинства, обусловившие распространение в торговом обороте коносамента, выданного на бумажном носителе (быстрота и облегчение торгового оборота), постепенно становятся его недостатками. Коносамент на бумажном носителе перестал быть двигателем торговли и неуклонно превращает быстроходное судно в весельную лодку.

Электронная форма коносамента не только повышает эффективность использования флота посредством более быстрой выдачи груза, но и снижает трансакционные издержки всех участников торговли.

Следует признать, что, несмотря на усилия мирового сообщества, до момента унификации правовой базы на международном уровне пройдет не один год. Ситуация усугубляется и тем, что подобная унификация не может произойти без политического консенсуса, достичь которого, как показывают последние события, становится все сложнее.

В итоге наиболее перспективной возможностью для участников торговли использовать коносамент в электронном виде является их вступление в клубные системы, где юридическая сила электронного коносамента обеспечивается посредством обязательственных правоотношений, порождающих у членов сообщества обязанность рассматривать электронные коносаменты в качестве эквивалента бумажным. Однако такие системы повышают трансакционные издержки сторон, а генерируемые ими электронные документы крайне неохотно принимаются банками в качестве способа обеспечения по выдаваемым кредитам.

В результате проведенного анализа нами выделены ключевые факторы, определяющие перспективу использования электронного коносамента и требующие адекватного регулирования:

1. Проблема доверия к лицу, ведущему реестр электронных коносаментов.
2. Снижение трансакционных издержек участников торгового оборота при использовании электронного коносамента.
3. Возможность использования электронного коносамента в качестве способа обеспечения.
4. Признание электронного коносамента, выданного в соответствии с нормами одного национального правового порядка иными правовыми порядками.

В соответствии с обозначенными факторами в последующей работе мы попытаемся рассмотреть возможность цифровизации коносаментов в российском праве.

³⁵ В этой части существующее регулирование подвергается критике в корейской доктрине, которая признает закрытый характер реестра электронных коносаментов в качестве одного из препятствий для их использования. См.: *Seok-Beom Choi*. Compliance of Electronic Bill of Lading Regulation in Korea with Model Law on Electronic Transferable Records // *Journal of Korea Trade*. 2019. Vol. 23. No. 3. P. 78.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Комментарий к Кодексу внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (постатейный) / Т. А. Диканова [и др.] // СПС «КонсультантПлюс».
- Чулкова Л. А. Практика КС РФ // Налоговый вестник — Консультации. Разъяснения. Мнения. 2020. № 9.
- Byung-Soo Ahn, Tae-Ho Park. A Study on the Clause of Uniform Commercial Code for Electronic Bills of Lading // *International Commerce and Information Review*. 2009. Vol. 11. No. 2. P. 281–300.
- Chetrit N., Danor M., Shavit A., Yona B., Greenbaum D. Not Just for Illicit Trade in Contraband Anymore: Using Blockchain to Solve a Millennial-Long Problem with Bills of Lading // *Virginia Journal of Law & Technology*. 2018. Vol. 22. Issue 1. P. 60–117.
- Thi Mai Anh Doan. Switching paper to electronic bills of lading: legal perspective and reform options for Vietnam. Malmö, 2018 // *World Maritime University Dissertations*. URL: https://commons.wmu.se/all_dissertations/664/?utm_source=commons.wmu.se%2Fall_dissertations%2F664&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages.
- Du Toit S. F. The Evolution of the Bill of Lading // *Fundamina*. 2005. Vol. 1. No. 2. P. 12–25.
- Goldby M. *Electronic documents in maritime trade: Law and practice*. 2nd ed. Oxford University Press, 2019.
- Low R. Replacing the Paper Bill of Lading with an Electronic Bill of Lading: Problems and Possible Solutions // *International Trade and Business Law Annual*. Vol. 5. London : Routledge-Cavendish, 2000.
- Pejovic C. *Transport documents in carriage of goods by sea : International law and practice*. New York : Routledge, 2020.
- Seok-Beom Choi. Compliance of Electronic Bill of Lading Regulation in Korea with Model Law on Electronic Transferable Records // *Journal of Korea Trade*. 2019. Vol. 23. No. 3. P. 68–83.

REFERENCES

- Dikanova TA, Zherebtsov AN, Bondarev, et al. Commentary to the Code of Inland Waterway Transport of the Russian Federation dated March 7, 2001 No. 24-FZ (article-by-article). Legal reference system «Konsultant Plus:» [Electronic resource]. «KonsultantPlus». (In Russ.).
- Chulkova LA. The practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Tax Bulletin — Consultations. Clarifications. Opinions*. 2020;9. (In Russ.).
- Byung-Soo Ahn, Tae-Ho Park. A Study on the Clause of Uniform Commercial Code for Electronic Bills of Lading. *International Commerce and Information Review*. 2009;11(2). Jun.
- Chetrit N. Not Just for Illicity Trade in Contraband Anymore: Using Blockchain to Solve a Millennial-Long Problem with Bills of Lading. *Virginia Journal of Law & Technology*. 2018;22(1).
- Doan Thi Mai Anh. Switching paper to electronic bills of lading: legal perspective and reform options for Vietnam (2018). *World Maritime University Dissertations*. Available from: https://commons.wmu.se/all_dissertations/664/?utm_source=commons.wmu.se%2Fall_dissertations%2F664&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages.
- Du Toit SF. The Evolution of the Bill of Landing. *Fundamina*. 2005;11(2).
- Goldby M. *Electronic documents in Maritime trade. Law and practice*. 2nd ed. Oxford University press; 1995.
- Low R. Replacing the Paper Bill of Lading with an Electronic Bill of Lading: Problems and Possible Solutions. *International Trade and Business Law Annual*. 2000;5.
- Pejovic C. Transport documents in carriage of goods by sea: Low, Rouhshi. Replacing the Paper Bill of Lading with an Electronic Bill of Lading: Problems and Possible Solutions. *International Trade and Business Law Annual*. 2000;5.
- Seok-Beom Choi. Compliance of Electronic Bill of Lading Regulation in Korea with Model Law on Electronic Transferable Records. *Journal of Korea Trade*. 2019;23(3).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шавалеев Михаил Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); консультант ИЦЧП имени С.С. Алексеева при Президенте РФ
д. 9, стр. 2, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
mihail_shavaleev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Shavaleev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Consultant to the S.S. Alekseev ICCP under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
mihail_shavaleev@mail.ru

Материал поступил в редакцию 6 октября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 21 октября 2023 г.

Принята к печати 16 января 2024 г.

Received 06.10.2023.

Revised 21.10.2023.

Accepted 16.01.2024.

А. С. Киселев

Государственный университет управления
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Проблемы и перспективы правового регулирувания общественных отношений, связанных с применением нейросетей

Резюме. Уровень цифровизации в текущем столетии значительно вырос, многократно увеличилась скорость Интернета, появилась возможность доступа к нему из разных уголков земли. Сегодня особое место на рынке цифровых технологий занимает искусственный интеллект, который уже является незаменимым инструментом во многих отраслях экономики развитых стран. Цель исследования состоит в выявлении основных актуальных проблем использования нейросетей, а также в формировании предложений по их правовому регулированию. В исследовании использованы формально-логический метод, сравнительно-правовой метод, анализ и синтез, методы индукции, дедукции, абстрагирования. Установлено, что искусственный интеллект пока не может отличать шутку от реальной команды или запроса пользователя, соответственно, дальнейшее развитие данных технологий невозможно без реализации аналоговой функции когнитивного мышления. Сделан вывод о том, что оптимальным способом регулирования использования нейросетей может стать саморегуляция, поскольку правовая система континентального права, к которой относится Российская Федерация, достаточно жесткая и зачастую может не успевать регулировать быстроразвивающуюся сферу применения искусственного интеллекта. Саморегуляция способна обеспечить возможность донесения предложений по легализации эффективных правил организации деятельности участников рынка IT, создать эффективный механизм гарантий качества, безопасности искусственного интеллекта, основанный на солидарной имущественной ответственности членов саморегулируемых организаций. В то же время требуется принятие норм права об ответственности за незаконное использование нейросетей, как это было сделано в США и Китае. В ближайшем будущем дипфейки, созданные на основе нейросетевых технологий, могут стать угрозой национальной безопасности и причинить вред тысячам граждан.

Ключевые слова: нейросети; саморегуляция; национальная безопасность; дипфейк; искусственный интеллект; информатизация общества; информатизация государства

Для цитирования: Киселев А. С. Проблемы и перспективы правового регулирования общественных отношений, связанных с применением нейросетей. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 2. С. 140–151. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.140-151

Problems and Prospects of Legal Regulation of Public Relations connected with the Use of Neural Networks

Alexander S. Kiselev

State University of Management

Financial University under the Government of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

Abstract. The level of digitalization has increased significantly in the current century, the speed of the Internet has increased by many times, and it is now possible to access it from different parts of the world. Today, artificial intelligence occupies a special place in the digital technology market, which is already an indispensable tool in many sectors of the economy of developed countries. The purpose of the study is to identify the main urgent problems of using neural networks, as well as to form proposals for their legal regulation. The study uses the formal logical method, the comparative legal method, analysis and synthesis, methods of induction, deduction, and abstraction. It has been established that artificial intelligence cannot yet distinguish a joke from a real command or user request, respectively, further development of these technologies is impossible without the implementation of an analog function of cognitive thinking. It is concluded that self-regulation can be the best way to regulate the use of neural networks, since the legal system of continental law, to which the Russian Federation belongs, is quite rigid and often may not have time to regulate the rapidly developing field of artificial intelligence. Self-regulation is able to provide an opportunity to convey proposals on the legalization of effective rules for organizing the activities of IT market participants, to create an effective mechanism for guaranteeing the quality and safety of artificial intelligence based on the joint property liability of members of self-regulating organizations. At the same time, it requires the adoption of legal norms on liability for the illegal use of neural networks, as was done in the United States and China. In the near future, deepfakes created on the basis of neural network technologies may become a threat to national security and cause harm to thousands of citizens.

Keywords: neural networks; self-regulation; national security; deepfake; artificial intelligence; informatization of society; informatization of the state

Cite as: Kiselev AS. Problems and Prospects of Legal Regulation of Public Relations connected with the Use of Neural Networks. *Lex russica*. 2024;77(2):140-151. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.140-151

В настоящее время искусственный интеллект (ИИ) уже успешно используется во множестве сфер человеческой жизни, что, безусловно, предполагает научную оценку. Вместе с тем при этом выявляется множество социальных, правовых и технических проблем, требующих немедленного устранения и регламентации. Задачи исследования: дать научное определение нейросети, раскрыть сущность и содержание нейронных сетей, определить ключевые сферы, где сегодня применяется искусственный интеллект, обозначить необходимость и возможные последствия неправомерного обращения с технологиями, основанными на искусственном интеллекте, а также предложить рекомендации по регулированию нейросетей в будущем.

Современное общество подготавливали к серьезным цифровым трансформациям. В международной фантастике XX–XXI вв. наблюдается большой пласт сценариев, где краеугольным камнем является свобода человека в цифро-

вом пространстве («Матрица», «Джонни Мнемоник», «Исходный код», «Трон: Наследие», «Экзистенция» и др.). Указанные картины обнажают и демонстрируют массовому зрителю гипотетические проблемы, с которыми человечество может столкнуться в случае предельного смешения информационных технологий с нашей обыденной жизнью. Возможно, данный тезис несколько гиперболизирован, однако полвека назад люди не могли себе представить, что мы будем жить в эпоху голограмм, космического Интернета, социальных сетей и многочисленных онлайн-сервисов.

Уже сегодня активно изучаются возможные аспекты применения, использования и правового регулирования искусственного интеллекта, что отражается в научных исследованиях российских и зарубежных ученых. К примеру, И. М. Гарифуллин делает прогнозы по применению функциональных возможностей нейросетей для выявления мошеннических транзакций

¹ Гарифуллин И. М. Использование нейросетей для выявления мошеннических транзакций // Инновационная наука. 2021. № 3. С. 30–32.

и пресечения преступлений в экономической сфере². А. М. Цирин и Е. А. Артеменко рассматривают искусственный интеллект как средство профилактики проявлений коррупции в контрольно-надзорной деятельности³. М. А. Иванченко и П. Е. Архипов изучают искусственный интеллект с позиции постгуманизма, делают выводы о возможности пересмотра парадигмы мышления человека по отношению к искусственному интеллекту⁴. В. К. Андреев раскрывает теоретические аспекты правового регулирования предпринимательской деятельности в условиях цифровизации и применения технологий, основанных на искусственном интеллекте⁵. В. Г. Иванов и Я. Р. Игнатовский рассматривают перспективы применения искусственного интеллекта в сфере политики, а также делают вывод о том, что дипфейк, созданный с помощью нейросетей, является угрозой как для личности, так и для национальной безопасности государства⁶. Н. Р. Красовская, А. А. Гуляев в своем исследовании приходят к однозначному выводу о необходимости контроля фейков, дипфейков, фейковых аккаунтов в Интернете⁷ и т.д.

С появлением искусственного интеллекта, применяемого во многих сферах человеческой жизни, появляется и большое количество проблем как правового, так и экономического, социального, этического и политического характера. Особо актуальна разработка искусственного интеллекта, превосходящего возможности человеческого мышления. Подобные разработки ведутся во всех компаниях-гигантах мира, занимающих рынок информационных технологий в США, Японии, Китае, странах Европы⁸.

Сильный искусственный интеллект будет способствовать максимальному прогрессу любой компании и позволит ей выйти на невообразимый на сегодняшний день уровень. Не

исключается возможность того, что со временем безопасность государства будет зависеть от решений, принимаемых искусственным интеллектом. Однако до сих пор не устранены проблемы теоретического и практического характера, без урегулирования которых нецелесообразно переходить на более высокий уровень развития технологий, основанных на элементах искусственного интеллекта. Таким образом, заявленная в данной статье тема является крайне актуальной, многие авторы пытаются создать доктринальные базисы, способные в будущем стать теоретической и методологической основой при формировании нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность в сфере использования искусственного интеллекта на уровне как одного государства, так и всего мира.

Целесообразно дать толкование основных терминов, используемых в настоящем исследовании, а именно — «нейросеть» и «искусственный интеллект». Основопологающая разница между ИИ и нейронной сетью заключается в том, что искусственный интеллект представляет собой крупную самостоятельную отрасль информатики, основная цель которой состоит в создании, изучении и совершенствовании умных машин, роботов и программ, способных имитировать поведение человека и выполнять некоторые локальные, а зачастую обширные, интеллектуальные функции. В свою очередь, искусственные нейронные сети (далее — ИНС) — это математические модели, а также их программные или аппаратные реализации, построенные по принципу организации и функционирования биологических нейронных сетей — сетей нервных клеток живого организма⁸. Нейросети являются одним из способов машинного обучения, подраздела искусствен-

² Цирин А. М., Артеменко Е. А. Цифровые технологии и искусственный интеллект как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 126–142.

³ Иванченко М. А., Архипов П. Е. Человек играющий, машина играющая: путь к идеальной нейросети и предпосылки возникновения постгуманизма // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1-1. С. 151–165.

⁴ Андреев В. К. Вопросы теории правового регулирования предпринимательства в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 2. С. 36–47.

⁵ Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Государственное и муниципальное управление». 2020. Т. 7. № 4. С. 379–386.

⁶ Красовская Н. Р., Гуляев А. А. Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 93–98.

⁷ Gutbrod M. Digital transformation in economy and law // Digital Law Journal. 2020. Vol. 1. No. 1. P. 12–23.

⁸ Энциклопедический сайт «Академик» // URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 28.08.2023).

ного интеллекта, и лежат в основе алгоритмов глубокого обучения. Нейросеть представляет собой сложную архитектуру, краеугольным камнем которой являются генератор, вырабатывающий идеи, и дискриминатор, выполняющий функции цензора и критика, основная задача которого заключается в том, чтобы выбрать наиболее подходящие аналогии на основе представленного множества вариантов.

Согласно позиции А. М. Тарасова, «искусственные нейронные сети берут начало из биологии и, конечно, сравниваются с работой головного мозга человека. Они также состоят из нейронов, которые имитируют свойства и работу биологического нейрона. Например, они обучаются на основе опыта, обобщают предыдущие прецеденты на новые случаи и извлекают существенные свойства из поступающей информации, содержащей излишние данные»⁹. А. О. Сурнина более детально описывает процесс работы нейросети: «Искусственная нейросеть представляет собой систему соединенных и взаимодействующих между собой простых процессоров (искусственных нейронов). Будучи соединенными в достаточно большую сеть с управляемым взаимодействием, такие по отдельности простые процессоры вместе способны выполнять довольно сложные задачи»¹⁰. Таким образом, нейросеть является компьютерной программой, работающей на основе элементов искусственного интеллекта, имитирующей деятельность человеческого мозга и нацеленной на выполнение узкоспециализированных задач.

На основе данной информации можно сделать вывод о том, что искусственный интеллект выступает общим понятием, в то время как нейросеть представляет собой один из механизмов реализации технологий, основанных на искусственном интеллекте. В большей степени мы будем акцентировать свое внимание на проблемах применения нейросетей.

Мы не будем углубляться в историю и описывать процессы развития нейросетей, тем не менее отметим важный этап, послуживший отправной точкой резкого роста в примене-

нии данных технологий. Одна из первых общедоступных для пользователей нейросетей появилась в 2015 г., ее сущность заключалась в добавлении к существующим картинкам изображения собачьих морд. Технология пользовалась популярностью, однако никакой практической пользы для общества не приносила. Существует более успешный пример: компания Google несколько лет назад добавила функцию перевода текста с помощью наведения на него камеры телефона (умная камера), затем многие другие компании создали аналогичные переводчики. Правда, стоит заметить, что точность перевода может пострадать, если текст слишком мелкий, плохо освещен или набран стилизованным шрифтом. В основе технологии лежит нейросеть, которая распознает символы, складывает их в слова, слова в предложения, мгновенно переводит и проецирует получившийся вариант на дисплей смартфона¹¹. Многие компании и разработчики программного обеспечения поняли, что стоит вкладывать деньги и усилия в развитие нейросетей, пользующихся высоким спросом.

Сегодня в открытом доступе можно найти немало программ, работающих на основе нейросетей. Одна из самых популярных программ — Deep Face Lab, открытое программное обеспечение от российского разработчика, называющего себя Iperov, — позволяет не только добавлять лицо в видео, но и менять движения губ говорящего, т.е. подделывать содержание речи. Компания Vera voice на текущий момент достаточно далеко продвинулась в создании голосовых дипфейков, которые невозможно отличить от оригинала без помощи компьютерных программ. Помимо этого, нейросети посредством обучения на основе произведений известных композиторов способны самостоятельно генерировать классическую музыку. Пока нейросеть не может создать осмысленное произведение, но она может скопировать стиль игры намного лучше человека.

Нейросети умеют копировать лица и голос на видеозаписях. Но, как и любому алгоритму, им нужен материал для обучения — чем его

⁹ Тарасов А. М. Применение нейронных сетей для систем управления // Научные исследования молодых ученых : сборник статей IV Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Пенза, 2020. Ч. 1. С. 71.

¹⁰ Сурнина А. О. Элементы глобальной оптимизации моделей нейронной сети // Academy. 2017. № 3 (18). С. 32.

¹¹ Искусственный интеллект уперся в барьер понимания // Сайт «Хабр». URL: <https://habr.com/ru/post/429182/> (дата обращения: 28.08.2023).

больше, тем лучше результат. Генеративно-состязательная система составляет карту лица по нескольким десяткам точек и линий между ними. Своеобразный цифровой слепок создается за считанные секунды. Нейросети используются для чтения слов по губам человека. Так, в Оксфорде учеными была создана программа LipNet, точность распознавания слов которой составляет 88 %¹² (точность чтения по губам у человека всего лишь 52 %). В Токийском университете разработали нейросеть, способную преобразовывать черно-белые снимки в цветные. Нейросеть научилась определять в изображениях общие мотивы и раскрашивать объекты в наиболее подходящие цвета (стоит отметить американский аналог Algorithmia, российский проект Артемия Лебедева «Колор», DeOldify и многие другие).

Несколько лет нейронные сети успешно используют в кинематографе, переделывают мимику актеров для адаптации дубляжа на других языках (синтезируются движения губ и лицевых мышц). Нейросети могут заменить трудоемкие и дорогостоящие процессы наложения грима на актера — достаточно сгенерировать необходимые внешность и голос. Изначально данная технология была примитивной, движения губ выглядели неправдоподобно, но нейросети крайне быстро прогрессируют. Так, в 2019 г. в фильме «Звездные войны. Скайуокер. Восход» использовался образ покойной актрисы Кэрри Фишер, построенный на основе обработки нейросетями большого объема фотографий и видеозаписей.

Неудивительно, что начинают пользоваться спросом новые профессии, например специалист по машинному обучению (Data Scientist). В США набирают популярность курсы повышения квалификации и вузовские программы обучения по данному направлению подготовки. Во Франции, в Университете Гренобля, успешно реализуются профили «Статистика и наука о данных» и «Специалист по экономическим и статистическим исследованиям данных». В Университете Тулузы реализуется несколько направлений подготовки специалистов в области статистики, экономики и науки о данных¹³.

Российские вузы также не отстают от зарубежных коллег. В ближайшее десятилетие при сохраняющихся темпах развития технологий машинного обучения появится качественно новый пласт профессий и специальностей, предполагающих различные виды работы с большими данными и связанный с обучением нейросетей. Компаниям понадобятся как разработчики, программисты, так и люди, умеющие настраивать и работать с конкретными нейросетями (тестировщики и др.).

Основными сферами, где применение нейросетей особенно востребовано, являются сфера развлечений (анимация изображений людей, имитация голоса, компьютерные игры); сфера культуры и искусства (с целью «оживления» умерших актеров, например, для завершения съемок в случае скоропостижной смерти одного из главных героев франшизы или писателей и художников различных эпох для просветительского ознакомления современников, при дубляже иностранных фильмов и видео на видеохостингах); сфера образования (нейросети позволяют быстро переводить иностранные слова с помощью камеры смартфона, озвучивать текст и транскрибировать речь, что может значительно помочь лицам с ограниченными возможностями); правоохранительная сфера (помощь в поиске правонарушителей с помощью сканирования лиц через камеры видеонаблюдения, голоса и иных биометрических данных); сфера экономики (нейросети позволяют осуществлять сбор данных и с минимальными погрешностями производить расчеты, строить прогнозы по развитию рынков); социальная сфера (нейросети позволяют удаленно управлять процессами в доме, управлять автомобилем и осуществлять иные полезные человеку функции).

Уже через несколько лет будет сложно представить нашу повседневную жизнь без применения систем искусственного интеллекта, которые в значительной мере облегчают каждодневные рутинные функции человека и выводят качество нашей работы и жизни на новые высоты. Уже нет ничего странного в том, что нейросети будут использоваться в целях пред-

¹² Assae Y. M., Shillingford B., Whiteson Sh., Freitas N. de. LipNet: End-to-End Sentence-level Lipreading // URL: <https://arxiv.org/abs/1611.01599> (дата обращения: 29.08.2023).

¹³ Бурова Н. В. Data Scientist: новая профессия или возвращение в будущее (размышления на примере французской системы образования) // Наука о данных : материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 5–7 февраля 2020 г. СПб. : СПбГЭУ, 2020. С. 73–74.

отвращения преступлений и противодействия злоумышленникам¹⁴. В то же время при всех имеющихся благах в этом процессе есть значительные проблемы, одну из которых выделил Л. К. Терещенко: «Информационное законодательство подвержено сильному влиянию процессов цифровизации, функционирования сети Интернет. Новые термины приходят в правовую сферу из технической прежде всего без какой-либо адаптации»¹⁵. Как мы указали ранее, существует колоссальное количество сфер человеческой жизнедеятельности, в которых применяются отдельные технологии, основанные на элементах искусственного интеллекта, в частности нейросети. Мы можем предположить, что процесс нормативно-правового закрепления их применения может занять десятилетия, поскольку темпы развития новых технологий будут качественно и количественно опережать законодательные временные издержки, необходимые для их легитимизации.

Еще одной проблемой являются особенности и процессы функционирования некоторых нейросетей. У современного машинного сознания отсутствует гибкость мышления, которая свойственна человеку. Например, распознавание однородных изображений программой происходит на высочайшем уровне. Так, нейросеть, используя аналогию, распознает в комнате телевизор, холодильник и иные объекты интерьера. Если на данном изображении появится объект, совершенно не подходящий к интерьеру среднестатистической кухни (акула, летучая мышь, НЛО, птеродактиль), то нейросеть будет сбита с толку. В итоге искусственный интеллект посчитает всё изображение неправильным и отнесет к ошибочным многие объекты на картинке. То же самое произойдет, если нейросеть попытается распознать несуществующий объект — программа запутается и не сможет выполнить заданную операцию (например, по улучшению четкости изображения).

М. А. Иванченко и П. Е. Архипов констатируют: «Даже ребенок не может спутать леопарда с диваном, повернутым на 90 градусов, если знает, что такое диван и что такое леопард, и видел хотя бы несколько картинок. А самая про-

двинутая нейросеть, направленная на определение изображенного предмета, проанализировавшая миллионы артов, делает это. Причина в том, что вместо цепочки закономерностей ИИ склонен концентрироваться на одной (в данном случае размер и цвет пятен) и не проверять свои логические ошибки при виде нестандартного предмета (перевернутый диван). Всё, что мы делаем, — это пытаемся как можно точнее разбросать по категориям кучу картинок, при этом не понимая, что на них изображено»¹⁶. Отсюда вытекает вывод о том, что нейросетям предстоит пройти долгий путь обучения до тех пор, пока они без проблем не смогут понимать положение объектов в пространстве, а также учиться идентифицировать объекты, не заложенные изначально в систему. Мы полагаем, что здесь идет речь о необходимости наличия у ИИ творческого мышления и развитого воображения, что довольно сложно представить ввиду ограниченности возможностей алгоритмов, по крайней мере на сегодняшний день.

Обратим внимание на проблему, описанную Д. В. Кузнецовым и Н. В. Колосковой: «При всей технической мощности искусственному интеллекту пока сложно творчески анализировать множество вероятных событий»¹⁷. Полагаем, что одна из основных проблем как раз и заключается в том, что нейросети в подавляющем большинстве не предназначены для решения сложных интеллектуальных задач, поэтому их алгоритмы изначально ограничены в возможностях. Тем не менее в последнее десятилетие ученые пытаются научить искусственный интеллект интуиции и воображению. В то же время бывали случаи, когда слова, звучащие в песне или по телевидению, голосовой помощник распознавал как команды хозяина. Это означает, что технология «умный дом» теоретически может навредить своему хозяину. Мошенники могут предварительно записать речь человека, синтезировать его голос с помощью нейросети и на основе голосовых команд проникнуть в чужое жилище.

Несовершенство нейросетей красочно иллюстрирует следующий пример: искусственный интеллект без проблем побеждал про-

¹⁴ Гарифуллин И. М. Указ. соч. С. 30–32.

¹⁵ Терещенко Л. К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 98–99.

¹⁶ Иванченко М. А., Архипов П. Е. Указ. соч. С. 154–155.

¹⁷ Кузнецов Д. В., Колоскова Н. В. Возможно ли победить искусственный интеллект? // Colloquium-journal. 2020. № 9-2 (61). С. 19.

фессиональных игроков в компьютерных играх (в шутерах, стратегиях), но если изменить базовые параметры игры: положение игроков и объектов на карте, заменить фон, саму карту или поменять управление персонажем, то ИИ моментально проигрывал. Поэтому даже лучшие и самые совершенные на сегодняшний день технологии, основанные на элементах ИИ, могут подвести в неподходящий момент. Победа или поражение в компьютерных играх не играет значимой роли, в отличие от нашей жизни. Компании Tesla, Uber, «Яндекс» и многие другие активно применяют технологии искусственного интеллекта в своих беспилотных автомобилях. Здесь кроется основная опасность: натренированный с помощью компьютерной симуляции искусственный интеллект на реальной дороге может из-за недостаточного или слишком яркого освещения не среагировать на пешехода или на другой автомобиль. Более того, возникает вопрос, как будет действовать ИИ в случае провокации или умышленного нарушения правил дорожного движения со стороны других водителей. Помимо этого, на дорожном полотне в результате непредвиденных обстоятельств могут возникнуть и другие проблемы, с которыми ИИ просто незнаком и не может знать, как на них следует правильно реагировать.

Следует помнить и о хакерских атаках: в уже существующее изображение ИИ могут быть внесены коррективы — небольшие погрешности, которые могут привести к системной ошибке. Страшно представить масштаб трагедии, если в систему машинного обучения всех автомобилей в одном городе будет загружен вирус. Это создаст циклический сбой, которой может привести к сотням аварий и десяткам и сотням человеческих жертв. В. В. Хилjuta высказывает мысль о том, что законодательно следует закрепить категории лиц, которые потенциально могут являться субъектами уголовной ответственности за умышленные или неосторожные противоправные деяния, совершаемые искусственным интеллектом¹⁸. Поддерживая данную мысль, укажем, что в этой связи необходима разработка одного или ряда законопро-

ектов, учитывающих случаи причинения вреда ИИ человеку.

Вполне очевидно, что нам не стоит отказываться, а, наоборот, необходимо продолжать развивать системы, основанные на использовании ИИ. Искусственный интеллект уже сегодня принимает решения, от которых зависят судьбы и жизни людей, соответственно, нельзя не принимать в расчет общемировые тенденции и отказываться от использования ИИ в целом и нейросетей в частности. Мы считаем, что со временем наличие сильного ИИ будет залогом обеспечения информационной, экономической, социальной и политической безопасности государства.

Далее, отметим, что к правовому регулированию использования нейросетей необходимо отнестись с особой щепетильностью, поскольку проблема, на наш взгляд, гораздо серьезнее: нейросети сегодня позволяют использовать образы политиков, лидеров мировых держав. На основе нейросетей производятся дипфейки, под которыми понимается аудио-, видео-, аудиовизуальный и иной цифровой контент, сгенерированный с помощью алгоритмов глубокого обучения. Современные дипфейки могут создать образ любого человека с высокой реалистичностью. Вне всякого сомнения, «копии изображения политического деятеля или видео оказывают психологическое воздействие на зрителя. Это воздействие будет тем больше, чем меньше зритель сомневается в подлинности изображения или видео. Развитие информационных технологий и Интернета, программных средств обработки и использования «больших данных», увеличение быстродействия и мощности суперкомпьютеров, опережающие разработки «искусственного интеллекта» ставят на повестку дня проблему политического воздействия дипфейков на массовую аудиторию, посредством которых обходится языковой барьер и при этом используются различные психологические инструменты»¹⁹. Например, стоит указать, что в США дипфейки из-за их потенциальной опасности признали на государственном уровне угрозой национальной безопасности²⁰.

¹⁸ Хилjuta В. В. Искусственный интеллект и уголовное право: приемлем ли палингенезис в условиях цифровизации? // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 9. С. 90.

¹⁹ Красовская Н. Р., Гуляев А. А. Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 94.

²⁰ Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Указ. соч. С. 383.

Тем не менее, как показала практика, не политические ролики занимают лидирующую позицию среди всей массы видео, созданных с помощью нейросетей. Компания Deepertrace, которая специализируется на кибербезопасности и распознавании дипфейков, опубликовала отчет, в соответствии с которым 96 % поддельных видеороликов относится к категории порно. Четыре основных сайта, которые публиковали подобные фальшивые видео, суммарно получили 134 млн просмотров на контенте такого рода. Безусловно, сюда относятся видео с многочисленными звездами кино, но в эту категорию дипфейков попадают и видео с обычными людьми, ставшими жертвами буллинга или так называемого revenge porn (т.е. мести с помощью порнографии)²¹. Такие ролики набирают рекордное количество просмотров. Данная проблематика широко освещается в работах российских и зарубежных ученых²². Американский исследователь Дуглас Харрис убежден, что, помимо нарушения авторского права, дипфейк нацелен на намеренное причинение морального вреда (жертве придется доказать, что создатель видео действительно хотел принести жертве моральные страдания с помощью возмутительных по своей натуре действий, вследствие чего жертва была подвержена тяжелому стрессу) и искажение фактов²³.

Стоит рассмотреть вопросы противодействия распространению дипфейков с организационно-правовой точки зрения. Согласимся с позицией Н. Р. Красовской и А. А. Гуляева: «Вы-

явление дипфейков требует применения технологий искусственного интеллекта. В какой-то мере будущее контроля над фейками, дипфейками и фейковыми аккаунтами в Интернете уже лежит в сфере использования возможностей искусственного интеллекта»²⁴. Полагаем, именно по этой причине компании-гиганты в сфере IT-технологий вкладывают миллионы долларов в разработку программ, которые могут распознавать дипфейки даже по отдельным фрагментам видео. К примеру, Facebook организовал Deepfake Detection Challenge — конкурс на лучшую программу по распознаванию дипфейков, призовой фонд которого составил 10 млн долл.²⁵ «Всего в конкурсе приняли участие 2 114 разработчиков, которые создали более 35 тыс. моделей. При использовании для проверки закрытого датасета победил белорусский разработчик Селим Сефербеков из компании Marbox: его алгоритм смог определить дипфейки с точностью 65,18 %»²⁶. В России также предпринимаются действия по противодействию дипфейкам: «МВД России в феврале 2021 г. провело конкурс на разработку аналогичной программы для системы правоохранительных органов»²⁷.

В Университете Баффало (штат Нью-Йорк, США) смогли создать рабочий антидипфейк — программу, степень эффективности которой составляет 94 %²⁸. На реальных фотографиях людей отражения в зеркалах, как правило, идентичны. Но дипфейк-изображения, синтезированные с помощью генеративно-состязатель-

²¹ Release Strategies and the Social Impacts of Language Models. OpenAI Report. November, 2019 // URL: https://d4mucfpksyww.cloudfront.net/papers/GPT_2_Report.pdf (дата обращения: 29.08.2023).

²² См.: Архипцев И. Н., Александров А. Н., Максименко А. В., Озеров К. И. Порнографический дипфейк: вымысел или виртуальная реальность? // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 1. С. 69–74; Делфино Р. А. Порнографические дипфейки: следующий трагический акт феномена «порно из мести» и необходимость принятия уголовного закона на федеральном уровне // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 105–141.

²³ Douglas Harris Deepfakes: false pornography is here and the law cannot protect you // URL: <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1333&context=dltr> (дата обращения: 29.08.2023).

²⁴ Красовская Н. Р., Гуляев А. А. К вопросу о контроле фейков, дипфейков, фейковых аккаунтов в Интернете // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5. № 1. С. 99.

²⁵ Deepfake Detection Challenge: Identify videos with facial or voice manipulations // URL: <https://www.kaggle.com/c/deepfake-detection-challenge> (дата обращения: 27.08.2023).

²⁶ Facebook и Microsoft подвели итоги конкурса по борьбе с дипфейками // URL: <https://nplus1.ru/news/2020/06/15/deepfake-detection> (дата обращения: 27.08.2023).

²⁷ Петров И. МВД объявило тендер на IT-разработку по распознаванию новой угрозы — видео с замененными лицами // Российская газета. Федеральный вып. № 30 (8381).

²⁸ Каминский Б. Ученые разработали инструмент для разоблачения дипфейков // URL: <https://forklog.com/uchenye-razrabotali-instrument-dlya-razoblacheniya-dipfejkov/> (дата обращения: 27.08.2023).

тельной нейросети, зачастую не могут передать это сходство. Алгоритм ученых позволяет находить эти несоответствия, анализируя свет, отраженный в каждом глазном яблоке. Он генерирует оценку, которая служит метрикой сходства. Чем меньше балл, тем больше вероятность, что лицо на фотографии создала нейросеть. Ученые также отметили, что их алгоритм эффективен только для портретных фото. Программа сравнивает разницу пикселей без учета несоответствий в геометрии²⁹. Исследователи планируют изучить эти проблемы, чтобы повысить эффективность метода.

Не сто́ит полагать, что примененная мера противодействия сможет надолго сдерживать распространение дипфейков: машинное обучение развивается очень быстро, и вполне возможно, что в скором будущем появятся более совершенные дипфейки, учитывающие и нивелирующие обнаруженный изъян. Как справедливо замечает Н. Н. Черногор, «если ранее технологическое развитие было внешним фактором эволюции права и правопорядка, то в настоящее время технологии обуславливают их внутреннее преобразование, начинают определять само существо права и пределы действия правопорядка»³⁰. Мы считаем, что в отечественной практике сто́ит предусмотреть меры повышенной ответственности (прежде всего административной) контентмейкеров, которые в будущем могут создавать подобные видео как ради мести, так и ради финансового заработка. Так, предлагаем внести изменения в ст. 5.61 КоАП РФ, добавив п. 6 следующего содержания: «Оскорбление, совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет” и созданное посредством искусственных нейронных сетей, — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от десяти тысяч до пятнадцати тысяч рублей; на должностных лиц — от ста тысяч до ста пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц — от трехсот тысяч до одного миллиона рублей».

Вне всякого сомнения, продвижение искусственного интеллекта изменит все сферы обще-

ственной жизни, включая правовую среду, до неузнаваемости, ведь уже сейчас активно продвигаются проекты по развитию космического Интернета, соответственно, нейросети будут повсеместным явлением в каждой точке мира. Эксперты прогнозируют, что на смену правовому регулированию придут алгоритмы³¹. Очевидно, что в этих условиях будет увеличиваться роль саморегуляции, а механизмы правового регулирования и саморегулирования будут сближаться и гармонизироваться, что, в свою очередь, способно создать оптимальные условия для регламентации и развития нейронных сетей. Согласимся с позицией В. В. Лазарева, согласно которой «в современных условиях юристы должны продумывать границы, в которых искусственному интеллекту будет позволено самостоятельно мыслить и разбираться в эмоциональных переживаниях личности»³². Здесь потребуются совместная работа юристов и специалистов в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Из этого следует, что в ближайшие годы должны быть приняты на государственном уровне кодекс этики искусственного интеллекта и отдельные нормативные акты, закрепляющие этические принципы применения искусственного интеллекта в различных областях человеческой жизнедеятельности.

На основе проведенного анализа можем сделать следующие выводы: нами было установлено, что нейросеть представляет собой компьютерную программу, работающую на основе искусственного интеллекта и имитирующую деятельность биологического мозга посредством методов моделирования, дискриминантного анализа и адаптивного самоуправления. Установлено, что искусственный интеллект пока не преодолел барьер понимания: он еще не может отличить случайно сказанное слово от реальной команды. При этом небольшие погрешности в работе нейросетей могут привести к циклическому сбою и системным ошибкам.

Нейросети позволяют создавать дипфейки, использовать образы политиков, глав госу-

²⁹ Shu Hu, Yuezun Li, Siwei Lyu. Exposing GAN-generated faces using inconsistent corneal specular highlights // URL: <https://arxiv.org/pdf/2009.11924.pdf> (дата обращения: 27.08.2023).

³⁰ Черногор Н. Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правопорядка // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 4. С. 5.

³¹ Юваль Ной Харари. Номо Деус: Краткая история будущего. М. : Синдбад, 2019.

³² Лазарев В. В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 2. С. 5.

дарств, знаменитостей, популярных блогеров и иных лидеров общественного мнения, соответственно, оказывать психологическое воздействие на зрителя. Например, публичное распространение ролика, на котором президент одной страны оскорбляет другого президента или целый народ, может спровоцировать международный конфликт. Но в ближайшем будущем дипфейки, созданные на основе нейросетей, вполне могут стать угрозой национальной безопасности и причинить вред тысячам граждан. Стоит отметить, что в России сейчас отсутствует комплексное нормативно-правовое регулирование использования нейросетей. В США³³ и Китае³⁴ существуют отдельные законопроекты, предусматривающие порядок использования нейросетей и устанавливающие ответственность за незаконные действия с ними. В связи с этим представляется необходимым принятие в Российской Федерации закона, закрепляющего уголовную ответственность за неправомерное и вредоносное использование нейросетей в политических целях. Предлагаем ввести ст. 274.3 (гл. 28) УК РФ следующего содержания: «Создание, распространение или использование дипфейков, основанных на образах политиков, глав

государства и иных лидеров общественного мнения, заведомо предназначенных для возбуждения ненависти либо вражды в политических целях, — наказываются ограничением свободы на срок до шести лет, либо лишением свободы на тот же срок со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до семидесяти двух месяцев».

Вместе с тем многие эксперты выражают сомнение в эффективности государственного регулирования интернет-пространства, без которого немислимо развитие нейронных сетей, посредством запретов и ограничений. При этом большие надежды возлагаются на саморегулирование как альтернативу государственного регулирования³⁵. Представляется, что внедрение саморегулирующего инструментария в сфере создания и применения нейросетей для профессиональных участников рынка инновационных технологий способно обеспечить возможность донесения предложений по легализации эффективных правил организации их деятельности, создать эффективный механизм гарантий качества, безопасности ИИ, основанный на солидарной имущественной ответственности членов саморегулируемых организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев В. К. Вопросы теории правового регулирования предпринимательства в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 2. С. 36–47.
- Архипцев И. Н., Александров А. Н., Максименко А. В., Озеров К. И. Порнографический дипфейк: вымысел или виртуальная реальность? // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 1. С. 69–74.
- Бурова Н. В. Data Scientist: новая профессия или возвращение в будущее (размышления на примере французской системы образования) // Наука о данных : материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 5–7 февраля 2020 г. СПб. : СПбГЭУ, 2020. С. 73–74.
- Гарифуллин И. М. Использование нейросетей для выявления мошеннических транзакций // Инновационная наука. 2021. № 3. С. 30–32.
- Делфино Р. А. Порнографические дипфейки: следующий трагический акт феномена «порно из мести» и необходимость принятия уголовного закона на федеральном уровне // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 105–141.
- Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Государственное и муниципальное управление». 2020. Т. 7. № 4. С. 379–386.

³³ Предлагаемый законопроект США предусматривает наказание за использование искусственного интеллекта для создания чьего-либо образа без согласия. См.: URL: <https://www.theartnewspaper.com/2023/10/17/artificial-intelligence-no-fakes-act-us-legislation-non-consensual-likeness> (дата обращения: 14.11.2023).

³⁴ China seeks to root out fake news and deepfakes with new online content rules // URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-technology/china-seeks-to-root-out-fake-news-and-deepfakes-with-new-online-content-rules-idUSKBN1Y30VU> (дата обращения: 14.11.2023).

³⁵ Лескова Ю. Г. Саморегулирование как экономическое и правовое явление // Журнал российского права. 2011. № 5. С. 55.

- Иванченко М. А., Архипов П. Е. Человек играющий, машина играющая: путь к идеальной нейросети и предпосылки возникновения постгуманизма // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1-1. С. 151–165.
- Красовская Н. Р., Гуляев А. А. К вопросу о контроле фейков, дипфейков, фейковых аккаунтов в Интернете // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5. № 1. С. 96–99.
- Красовская Н. Р., Гуляев А. А. Технологии манипуляции сознанием при использовании дипфейков как инструмента информационной войны в политической сфере // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 93–98.
- Кузнецов Д. В., Колоскова Н. В. Возможно ли победить искусственный интеллект? // Colloquium-journal. 2020. № 9-2 (61). С. 18–19.
- Лазарев В. В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 2. С. 5–19.
- Лескова Ю. Г. Саморегулирование как экономическое и правовое явление // Журнал российского права. 2011. № 5. С. 48–56.
- Сурнина А. О. Элементы глобальной оптимизации моделей нейронной сети // Academy. 2017. № 3 (18). С. 32–36.
- Тарасов А. М. Применение нейронных сетей для систем управления // Научные исследования молодых ученых : сборник статей IV Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Ч. 1. Пенза, 2020. С. 69–71.
- Терещенко Л. К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 98–110.
- Хиллута В. В. Искусственный интеллект и уголовное право: приемлем ли палингенезис в условиях цифровизации? // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 9. С. 90–103.
- Цирин А. М., Артеменко Е. А. Цифровые технологии и искусственный интеллект как средства профилактики проявлений коррупции в контрольной (надзорной) деятельности: отечественный и зарубежный опыт // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 126–142.
- Черногор Н. Н. Искусственный интеллект и его роль в трансформации современного правового порядка // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 4. С. 5–15.
- Харари Ю. Н. Homo Deus : Краткая история будущего. М. : Синдбад, 2019. 496 с.
- Gutbrod M. Digital transformation in economy and law // Digital Law Journal. 2020. Vol. 1. No. 1. С. 12–23.
- Release Strategies and the Social Impacts of Language Models. OpenAIReport. November, 2019 // URL: https://d4mucfpsywv.cloudfront.net/papers/GPT_2_Report.pdf (дата обращения: 29.08.2023).
- Shu Hu, Yuezun Li, Siwei Lyu. Exposing GAN-generated faces using inconsistent corneal specular highlights // URL: <https://arxiv.org/pdf/2009.11924.pdf> (дата обращения: 27.08.2023).
- Assael Y. M., Shillingford B., Whiteson Sh., Freitas N. de. LipNet: End-to-End Sentence-level Lipreading // URL: <https://arxiv.org/abs/1611.01599> (дата обращения: 29.08.2023).

REFERENCES

- Andreev VK. Issues of the theory of legal regulation of entrepreneurship in the context of digitalization. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2022;26(2):36-47. (In Russ.).
- Arkhipov IN, Alexandrov AN, Maksimenko AV, Ozerov KI. Pornographic deepfake: fiction or virtual reality? *Socio-political sciences*. 2021;11(1):69-74. (In Russ.).
- Burova NV. Data Scientist: A new profession or a return to the future (reflections on the example of the French education system). *Data Science: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, February 5–7, 2020. St. Petersburg: SPbGEU Publ.; 2020. Pp. 73–73.* (In Russ.).
- Garifullin IM. The use of neural networks to identify fraudulent transactions. *Innovative science*. 2021;3:30-32. (In Russ.).
- Delfino RA. Pornographic deepfakes: The next tragic act of the phenomenon of «revenge porn» and the need to adopt a criminal law at the federal level. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava [Actual Problems of Economics and Law]*. 2020;14(1):105-141. (In Russ.).
- Ivanov VG, Ignatovsky YaR. Deepfakes: Prospects of application in politics and threats to personality and national security. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov [RUDN Journal of Law]. State and Municipal Management Series*. 2020;7(4):379-386. (In Russ.).
- Ivanchenko MA, Arkhipov PE. A man playing, a machine playing: The path to an ideal neural network and the prerequisites for the emergence of posthumanism. *Ideas and ideals*. 2021;13(1-1):151-165. (In Russ.).
- Krasovskaya NR, Gulyaev AA. On the issue of controlling fakes, deepfakes, fake accounts on the Internet. *Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relations*. 1985;5(1):96-99. (In Russ.).
- Krasovskaya NR, Gulyaev AA. Technologies of manipulation of consciousness when using deepfakes as an instrument of information warfare in the political sphere. *Authorities*. 2020;28(4):93-98. (In Russ.).

- Kuznetsov DV, Koloskova NV. Is it possible to defeat artificial intelligence? *Colloquium-journal*. 2020;9-2(61):18-19. (In Russ.).
- Lazarev VV. Legal science in the light of the prospects of digitalization. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2023;27(2):5-19. (In Russ.).
- Leskova YuG. Self-regulation as an economic and legal phenomenon. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2011;5:48-56. (In Russ.).
- Surnina AO. Elements of global optimization of neural network models. *Academy*. 2017;3(18):32-36. (In Russ.).
- Tarasov AM. Application of neural networks for control systems. Scientific research of young scientists: Collection of articles of the 4th International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Penza; 2020. Pp. 69–71. (In Russ.).
- Tereshchenko LK. Transformation of the conceptual apparatus of information law in the context of digitalization. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2022;26(12):98-110. (In Russ.).
- Khilyuta VV. Artificial intelligence and criminal law: Is palingenesis acceptable in the context of digitalization? *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2023;27(9):90-103. (In Russ.).
- Tsirin AM, Artemenko EA. Digital technologies and artificial intelligence as a means of preventing corruption in control (supervisory) activities: Domestic and foreign experience. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2023;27(3):126-142. (In Russ.).
- Chernogor NN. Artificial intelligence and its role in the transformation of modern law and order. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2022;26(4):5-15. (In Russ.).
- Harari YN. *Nomo Deus: A Brief history of the Future*. Moscow: Sinbad Publ.; 2019. (In Russ.).
- Gutbrod M. Digital transformation in economy and law. *Digital Law Journal*. 2020;1(1):12-23.
- Release Strategies and the Social Impacts of Language Models. OpenAIReport. November, 2019. Available from: https://d4mucfpksyww.cloudfront.net/papers/GPT_2_Report.pdf [cited 2023 August 29].
- Shu Hu, Yuezun Li, Siwei Lyu. Exposing GAN-generated faces using inconsistent corneal specular highlights. Available from: <https://arxiv.org/pdf/2009.11924.pdf> [cited 2023 August 29].
- Assael YM, Shillingford B, Whiteson Sh, Freitas N de. LipNet: End-to-End Sentence-level Lipreading Available from: <https://arxiv.org/abs/1611.01599> [cited 2023 August 29].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселев Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Института экономики, управления и права Государственного университета управления; старший научный сотрудник Центра исследований и экспертиз юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
д. 24, Веры Волошиной ул., г. Мытищи 141014, Российская Федерация
alskiselev@fa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander S. Kiselev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law, Faculty of Law, Institute of Economics, Management and Law, State University of Management; Senior Researcher at the Center for Research and Expertise, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Mytishchi, Russian Federation
alskiselev@fa.ru

Материал поступил в редакцию 1 ноября 2023 г.
Статья получена после рецензирования 14 декабря 2023 г.
Принята к печати 16 января 2024 г.

Received 01.11.2023.
Revised 14.12.2023.
Accepted 16.01.2024.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008